

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Н. П. Сюткина

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭМОТИВНЫХ
КАУЗАТИВОВ В КАТЕГОРИАЛЬНОМ
СЕМАНТИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ**

МОНОГРАФИЯ

Пермь 2020

УДК 811.112'36

ББК 81.2Нем

С 989

Сюткина Н. П.

С 989 Функционирование эмотивных каузативов в категориальном семантическом комплексе : монография / Н. П. Сюткина; научный редактор д. филол. н., профессор С. В. Шустова. Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Пермь, 2020. – 176 с.

ISBN 978-5-7944-3447-7

В монографии исследуются особенности функционирования эмотивных каузативов, рассматриваются категориальная ситуация каузации эмоциональной модификации и средства выражения базовых компонентов данной ситуации, определяется специфика межкатегориального взаимодействия категорий эмотивности и каузативности и возникающего в результате этого взаимодействия эмотивно-каузативного категориального семантического комплекса.

Для специалистов в области общего языкознания, функциональной грамматики.

УДК 811.112'36

ББК 81.2Нем

*Издается по решению кафедры лингвистики и перевода
Пермского государственного национального
исследовательского университета*

Научный редактор:

доктор филологических наук, профессор **С. В. Шустова**

Рецензенты:

кафедра теории и практики преподавания иностранных языков
Казанского (Приволжского) федерального университета
(зав. кафедрой, доктор филол. наук, доцент

Э. В. Гафиятова);

зав. кафедрой иностранных языков в сфере права, экономики
и управления Института языка и литературы Удмуртского
государственного университета, д-р филол. наук, доцент

Л. А. Юшкова

ISBN 978-5-7944-3447-7

© ПГНИУ, 2020

© Сюткина Н. П., 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее исследование посвящено изучению функциональных свойств эмотивных каузативов в русском и немецком языках. Ведущим направлением работы является функциональная грамматика, рассматриваемая как категориальная грамматика, поскольку целью является описание системы семантических категорий в их языковом и речевом выражении. Для описания категорий используется понятие функционально-семантического поля в трактовке А. В. Бондарко, которое представляет собой систему разноуровневых языковых средств, служащих для актуализации семантических категорий в языке. Отдельные категории, обладающие высокой степенью генерализации, могут быть сведены к укрупненным семантическим категориям – «категориальным семантическим комплексам».

Описание закономерностей межкатегориального взаимодействия является актуальным, так как именно углубленное изучение той или иной разновидности комплексной категориальной ситуации позволяет глубже проникнуть в суть явления и выделить неизученные или малоизученные аспекты. Это играет важную роль в плане осмысления закономерностей функционирования языковой системы. Необходимость выявления новых семантических категорий, категориальных ситуаций в сфере функциональной грамматики, а также категориальных семантических комплексов, обусловила обращение к эмотивным каузативам, ранее в отдельный класс не выделявшимся. Изучение эмотивности является одним из

актуальных направлений лингвистики, поскольку нашу жизнь нельзя представить без эмоций, они пронизывают нашу речь на всех уровнях языковой системы. Каузативность является специфическим способом отображения объективной действительности. Основное содержание каузативности заключается не в передаче знаний, не в утверждении или отрицании чего-либо, а в побуждении к какому-либо действию или изменению состояния объекта. При взаимодействии категорий каузативности и эмотивности возникает эмотивно-каузативный категориальный семантический комплекс, целью которого является побуждение к изменению эмоционального состояния. В условиях современной глобальной информационной среды с большой долей уверенности можно утверждать, что мы постоянно сталкиваемся с разнообразными способами каузации эмоционального состояния. Новости, реклама, общение в социальных сетях – в любой сфере нашей жизни мы испытываем эмоциональное воздействие, любая информация апеллирует к нашим чувствам, с целью вызвать положительные или отрицательные эмоции и, тем самым, сформировать соответствующее отношение к тому или иному явлению, событию, товару и т. д. Изучение системных свойств эмотивных каузативов и механизмов взаимодействия смежных категорий приобретает особую актуальность.

ГЛАВА I.

КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ В ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКЕ

1.1. ПОНЯТИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ

1.1.1. СЕМАНТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ

В лингвистической литературе встречаются термины «семантическая категория» и «понятийная категория», поэтому закономерно встает вопрос об их разграничении или отождествлении. А. В. Бондарко дифференцирует их и стоящие за ними языковые реалии. Понятийные категории присущи языку вообще, языку в целом. Семантическая категория представляет собой результат интерпретации средствами конкретного языка соответствующей понятийной категории. Интерпретация осуществляется через семантические функции – свойственные данному языку (его системе и норме) потенциальные возможности передачи некоторого содержания теми или иными способами [Бондарко, 1974, с. 67–68]. В результате понятийная категория «получает определенное преломление в системе данного языка, становится элементом его подсистем, подвергается влиянию специфических сторон его строя» [Бондарко, 1978, с. 73], то есть превращается в

семантическую категорию. При этом в семантической интерпретации понятийных категорий выделяются следующие аспекты: избирательность по отношению к элементам и признакам обозначаемых внеязыковых явлений; избыточность языковых значений; различные сочетания денотативных и коннотативных элементов; семантическая вариативность в ее отношении к вариативности формальной; различие дискретного и недискретного представления смыслового содержания, а также представления эксплицитного и имплицитного [Теория функциональной грамматики (далее ТФГ). Введение, 1987, с. 25–26].

Не будучи тождественными, семантические и понятийные категории образуют единство, поскольку первые, несмотря на относительную зависимость от системы языка, являются в некотором смысле производными от вторых. Подобная черта объясняется тем, что «семантическое содержание – есть понятийное содержание, выраженное средствами данного языка, структурированное языковыми единицами и их соотношениями, включенное в систему этого языка и образующее его содержательную сторону», при этом «отражающее различие и взаимодействие аспектов и уровней языка» и «социально объективированное в данном языковом коллективе» [Бондарко, 1978, с. 5].

На уровне взаимодействия семантических и понятийных категорий мы наблюдаем связь языка и мышления, которая делает возможным анализ когнитивных процессов посредством анализа языковых структур.

Необходимо дифференцировать логические и языковые понятийные категории, а также «изучать роль и нормы мыслительной деятельности в речемыслительном процессе с позиций лингвистики, а не логики и психологии, как это делалось в прошлом, в разные периоды развития лингвистики. Обе эти науки навязывали лингвисту свои нормы и догмы и привнесли в лингвистику чуждые ей концепты. Известно, что аппарат познания в логике в принципе является более узким и жестким, чем познаваемый и описываемый объект (язык)» [Кобрина, 1989, с. 41]. Все аспекты, где проявляются динамичность, вариативность и креативность языковых систем и подсистем, требуют теоретического осмысления всех этих явлений в совокупности. Как всякая работающая система, понятийный аппарат, лежащий в основе языка, должен быть динамичной, лабильной и креативной системой [Там же, с. 46]. Мы разделяем мнение Н. А. Кобриной о том, что специфика языка состоит в его полифункциональности, то есть способности структур включать одновременно информацию собственно коммуникативную, прагматическую, познавательную и синергетическую, то есть восполняющую в случае выпадения из системы каких-то механизмов выражения. Полифункциональность есть свидетельство неоднозначности соотношения ментальной деятельности и вербализации, о различной роли компонентов ментального уровня в самом процессе вербализации, на разных его этапах. Именно структурированность человеческого мышления – модулярность – обеспечивает одновременное порождение разных составляющих ментального субстрата языковых структур [Кобрина, 2010, с. 69–70].

Понятийные категории – это категории ментальной сферы, основывающиеся на логико-психологических категориях и ориентированные на семантические категории языка. «Представляя собой опосредованный универсальными законами мышления результат человеческого опыта, они, в свою очередь, являются основой семантических структур языка, необходимой предпосылкой функционирования языковой системы в целом» [Лайонз, 1978, с. 32]. Понятийные категории имеют универсальный характер, они представляют собой результат абстрагирования высокой степени. Языковые категории соотносятся с логическими категориями, но они не изоморфны.

Семантические категории в языке представлены в виде особым образом организованных систем. Значения слов в ментальном лексиконе хранятся не изолированно, а находятся в разнообразных отношениях со значениями других слов. Многие слова на основе этих значений можно разделить на определенные организованные единства – семантические поля [Schwarz, Chur, 2007, S. 60]. Понятие «поле» прочно вошло в лингвистику; полевой подход связан с лингвистической традицией, которая «как правило, обходилась без самого термина «поле», но замечала и разрабатывала многое из того, чем занимается теория поля» [Бондарко, 1972, с. 20]. Однако, применяя принцип полевого подхода в грамматике, А. В. Бондарко предостерегает от того, чтобы применять термин «поле» к всевозможным языковым явлениям без необходимых на то оснований. С его точки зрения о поле целесообразно говорить лишь при всей полноте признаков, существенных для этого понятия, причем применительно именно к определенному

типу группировок языковых фактов, а не к отдельным фактам, явлениям, единицам» [Там же, с. 27].

Общий для разных наук признак поля следующий: «Термин поле основан на метафоре, связанной с идеей пространства. В естественных и гуманитарных науках употребление этого термина означает, что речь идет о некоторой сфере взаимодействия элементов, объединенных общностью выделяемых признаков, наличием определенной структурной организации, включающей постепенные переходы и частичные пересечения [Бондарко, 2005 а, с. 13].

Главная характеристика полевой структуры – полнота и максимальная интенсивность признаков в центре структуры и их разреженность, ослабление на периферии. Периферия обладает неравномерной насыщенностью своих секторов, она может формироваться и располагаться разными способами – она асимметрична [Адмони 1964, с. 52; 1988].

Выделяются следующие характерные признаки поля, которые описали Е. В. Гульга и Е. И. Шендельс: (1) наличие инвентаря (набора) средств разных уровней, связанных между собой системными отношениями (входя в состав поля, средства становятся конституентами поля); (2) наличие общего значения, которое в той или иной степени присуще его конституентам; (3) общее значение поля не едино, оно распадается минимум на два значения, которые могут быть противоположными или полярными, каждое из этих значений образует микрополе; (4) поле обладает неоднородной и, как правило, сложной структурой, которую можно представить в виде горизонтального и вертикального сечений [Гульга, Шендельс, 1969, с. 10].

В современном языкознании семантическое поле определяется как совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений. Семантическое поле характеризуется следующими основными свойствами: 1) наличием семантических отношений (корреляций) между составляющими его словами; 2) системным характером этих отношений; 3) взаимозависимостью и «взаимоопределяемостью» лексических единиц; 4) относительной автономностью поля; 5) непрерывностью обозначения его смыслового пространства; 6) взаимосвязью семантических полей в пределах всей лексической системы (всего словаря) [Кобозева, 2000, с. 99].

А. В. Бондарко в своих трудах выделяет и анализирует категории семантические, структурные и категорию функционально-семантического поля [Бондарко, 1971, 1973, 1974, 1976, 1987, 2002]. Он трактует данные категории как языковые, имеющие языковое содержание и языковое выражение. Критерием выделения семантической категории является частичная общность семантических функций взаимодействующих языковых элементов (наличие семантического инварианта при всех различиях вариантов) [Бондарко, 1971, с. 8].

Функционально-семантическое поле (ФСП) характеризуется определенными связями с категориями мышления и через них, с отношениями внеязыкового мира, однако сами по себе рассматриваемые единства являются собственно языковыми – не только по их формальному выражению, но и по языковому

содержанию каждого из средств. ФСП определяется как группировка разноуровневых средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций и выражающих варианты определенной семантической категории [Бондарко, 2002, с. 15].

ФСП проецируются как на систему языковых средств, так и на закономерности их функционирования в высказывании и речи. ФСП характеризуется определенными связями с категориями мышления и через них, с отношениями внеязыкового мира, однако сами по себе рассматриваемые единства являются собственно языковыми – не только по их формальному выражению, но и по языковому содержанию каждого из средств [Бондарко, 2002, с. 15].

Данный подход открывает большие возможности для группировки языковых единиц в пределах семантической полевой структуры, так как языковой знак имеет асимметричную природу, то есть одним знаком можно выразить несколько значений и вместе с тем единое заданное экстралингвистическое понятие передается разнообразными разноуровневыми средствами языка [Полянский, 2015, с. 86]. Компоненты ФСП – это языковые категории, классы и единства с их языковыми значениями, связи между которыми также являются языковыми явлениями. Анализ структуры ФСП позволяет установить закономерности взаимодействия и распределения элементов поля и, тем самым, выявить закономерности функционирования языковой системы.

1.1.2. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ЯЗЫКОВЫХ ФАКТОВ

В современной лингвистике ведущие позиции занимает функционализм, поскольку данный подход к языку и его средствам позволяет изучать механизмы языковой системы в действии. Функциональное направление занимается и динамическими исследованиями и функционированием языковой системы как средства общения и как инструмента познания, так что можно говорить об интеграции данного направления с когнитивистикой [Бацевич, Космеда, 1997, с. 7]. В отечественной лингвистике в русле функционального направления исследования ведут М. Д. Воейкова [2015 а, 2015 б, 2017], М. В. Всеволодова [2017], А. А. Кибрик, В. А. Плунгян [1997], А. А. Кибрик, И. М. Кобозева, И. А. Секерина [2002], В. Б. Касевич [1988, 2015, 2018], Е. Е. Корди [1985, 2004, 2015, 2016, 2017], С. В. Шустова [2010, 2013], В. С. Храковский [1989, 2013, 2016, 2018 а, 2018 б].

Под руководством основателя Санкт-Петербургской школы функциональной грамматики А. В. Бондарко [Бондарко, 1984, 2001] разрабатываются теоретико-методологические основания направления. Г. А. Золотова также внесла важный вклад в разработку вопросов функционального синтаксиса и коммуникативной грамматики [Золотова 2005], М. В. Всеволодова разрабатывает аспекты функционально-коммуникативного синтаксиса [Всеволодова, 2017]. Вопросы языка как системы и системности языковых единиц находятся в фокусе

внимания ряда исследователей [Мишланов, Салимовский, 2008; Салимовский, 2018 а, 2018 б.; Шустова, 2012, 2014 а, 2014 б, 2018 а, 2018 б].

В зарубежной лингвистике функциональное направление представлено работами С. Дика [Dik, 1989], Р. Ван Валина, У. Фоли [Foley, VanValin, 1984], А. Мустайоки [Мустайоки, 2006], М. А. К. Хэллидея [Halliday, 1994].

Представители функциональной грамматики (А. В. Бондарко [1973, 1974, 1984, 2001, 2002, 2005 а, 2005 б], М. Д. Воейкова [2015 а, 2015 б, 2017], М. В. Всеволодова [2017], Е. Е. Корди [1985, 2004, 2015, 2016, 2017], А. Г. Сильницкий [2013а, 2013 б, 2017], В. П. Недялков, Г. Г. Сильницкий [1969 а, 1969 б], Ю. А. Пупынин [1990], В. С. Храковский [1985, 2013, 2016], С. А. Шубик [1989]) рассматривают языковую единицу с точки зрения взаимодействия формы, содержания и функции. «Каждой языковой единице, помимо формы и значения, присуще имманентное свойство – функция, тот способ, которым она служит построению коммуниката. Характеристика каждой единицы определяется взаимообусловленностью ее формы, значения и функции. Этот комплексный критерий, более объективно отвечающий сущности языковых явлений, позволяет переориентировать грамматику от классификационных задач к объяснительным» [Золотова, 2001, с. 108].

Специфика функционального подхода состоит в том, что «объект изучается с точки зрения его функций, закономерностей его функционирования, его связью с окружающей средой». Под функцией языковой единицы понимается свойственная ей в языковой системе «способность к выполнению определенного назначе-

ния и к соответствующему функционированию в речи; вместе с тем функция результат функционирования, то есть реализованное назначение, достигнутая в речи цель» [Бондарко, 1987, эл. ресурс].

Преимущество функционального подхода состоит в его комплексности, как видно на рис. 1. языковая единица анализируется с учетом ее функции, под которой понимается назначение, закономерностей ее функционирования и среды, то есть множества окружающих исследуемую языковую единицу языковых элементов.

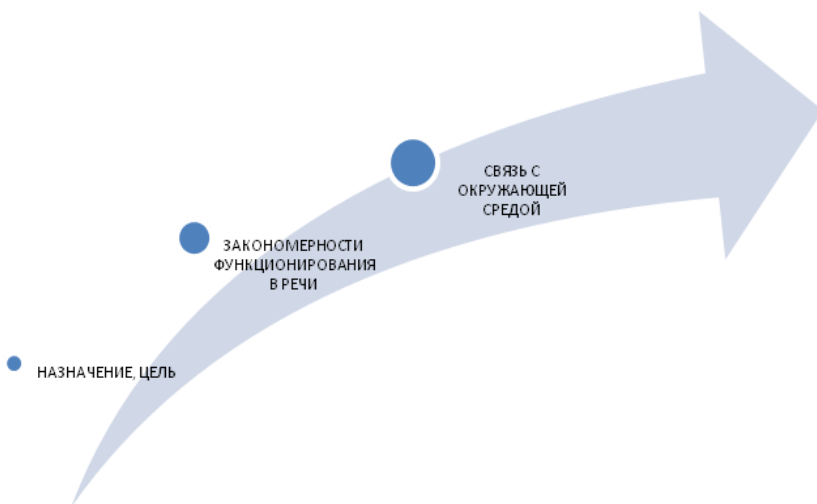

Рис. 1. Функциональный подход к исследованию языковых единиц

В функциональной грамматике доминирует системно-языковой аспект, язык рассматривается с точки зрения функционирования его элементов и структур в процессе реализации их предназначения. «По своему существу эта грамматика является

категориальной: она направлена на описание системы семантических категорий в их языковом выражении. Вместе с тем, в этой грамматике представлены и коммуникативно-речевые аспекты, тесно связанные с ее системно-языковой доминантой» [Бондарко, 2002, с. 15]. Специфика функциональной грамматики может быть выявлена только на основе принципа единства системно-структурного и функционального аспектов грамматики как целого [Бондарко, 1984, с. 3].

Важность исследования языковой единицы именно с позиций функционализма подчеркивается Г. А. Золотовой, говорящей о том, что «на смену двустороннему критерию языковых единиц форма / значение предложен более надежный критерий с вершинами значение, функция и форма с более четким определением самих понятий [Золотова, 2006, с. 15]. Важным при этом является не разделение «уровней», а их необходимое для реализации взаимодействие [Там же]. Такой подход дает возможность исследовать язык как средство общения, ибо коммуникативная функция является ведущей, при чем «каждый элемент языка существует для реализации в речи, в тексте, и свойством каждого является, помимо значения и формы, также его функция, или способ участия в построении коммуниката» [Золотова, эл. ресурс].

Выделяются три основных отличительных признака функциональной грамматики.

Первый – направление анализа от семантики к средствам ее выражения. Грамматика функционально-семантических полей и категориальных ситуаций ориентируется на моделирование

речевой деятельности говорящего, который выбирает адекватные выражения из целого набора возможных.

Второй – учет широкого контекста и ситуации общения, то есть исследование языка в его реальном употреблении, опираясь на зафиксированные образцы речи, связанные определенными семантическими отношениями, а не изолированные предложения.

Третий – рассмотрение языка как орудие формирования мысли, а не просто как некоего соответствия между семантикой и языковыми средствами выражения [Воейкова, 2015 а, с. 6–7].

Грамматическое описание включает анализ потенциальных семантических функций языковых единиц, и описание типичных контекстов употребления этих языковых единиц в речи. На рис. 2 представлены основные признаки исследований в русле функциональной грамматики.

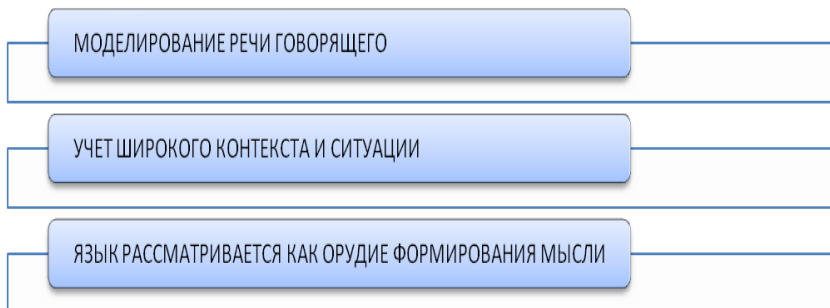

Рис 2. Отличительные признаки функциональной грамматики

Функциональный подход ориентирован на исследования языковых явлений в «живом языке», в его реальном употреблении. Подобный подход рассматривает факторы формирования сложных систем языка, состоящих из разноуровневых элементов. Перспективность функционального подхода обусловлена возможностями использования данных корпусных исследований.

Для нашего исследования релевантным является выявление системы языковых средств, актуализирующих значение каузативности и эмотивности. В фокусе нашего внимания находятся аспекты взаимодействия данных категорий. Существуют множества содержательных структур, которые воспроизводят некоторые линейные последовательности, отражающие одну из макро- или микроситуаций в семантическом плане. На обоих уровнях фиксируется взаимодействие этих ситуаций, что приводит к образованию комплексных семантических ситуаций, возникших в результате реализации комбинаторных отношений [Шустова, 2014 б, с. 132–133].

А. В. Бондарко говорит о грамматических единствах, которые трактуются как понятие, охватывающее различные типы категорий и разрядов в сфере грамматики. Такие единства характеризуются определенными инвариантными семантическими и / или структурными признаками. В каждом единстве выделяются элементы целого и отношения между ними, то есть речь идет о множестве элементов, обладающем определенной структурой. Ученым выделены семантические, семантико-структурные и структурные грамматические

единства [Бондарко, 2002, с. 18–19]. К семантическим единствам отнесены семантические категории (темпоральность, залоговость, таксис и др.) и их группировки (аспектуально-темпоральный комплекс, аспектуально-таксисный комплекс и др.)

Применительно к функционально-семантическому полю категории каузативности, например, можно выделить несколько подсистем семантических единств: аспектуально-каузативный, таксисно-каузативный при исследовании такой константы каузативной ситуации как результат каузации [Шустова, 2014 б, с. 133].

Рассматривая ситуацию каузации эмоциональной модификации, мы наблюдаем пример взаимодействия семантических категорий каузативности и эмотивности, так что мы можем говорить о категориальном семантическом комплексе, а именно об эмотивно-каузативном комплексе.

1.2. РОЛЬ СРЕДЫ В АСПЕКТЕ АКТУАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ

Основная коммуникативная функция языковых единиц реализуется в высказываниях и целостном тексте. Высказывание – это микросреда функционирования языковых единиц, макросредой является целостный текст. Высказывание и целостный текст представляют собой обладающие признаком целостности упорядоченные множества элементов, связанных в определенную структуру. В высказывании функции и средства низших уровней интегрируются на основе их взаимодействия.

Функции грамматических единиц существуют в форме постоянного и регулярного межкатегориального взаимодействия. Соответственно, грамматические единицы, классы и категории должны изучаться вместе с той средой, которая их окружает и с которой они взаимодействуют. «В реализации системных значений грамматических категорий роль среды выполняют элементы контекста и речевой ситуации; к среде относятся лексические значения и лексико-грамматические разряды слов, влияющие на данную категорию, а также элементы «категориального окружения» – другие грамматические категории, взаимодействующие с категорией, рассматриваемой как исходная система» [Бондарко, эл. ресурс].

Среда по отношению к отдельному высказыванию – это все речевые элементы его окружения в целостном тексте и все элементы дискурса, которые взаимодействуют с исходной речевой (текстовой) системой и влияют на ее свойства. Применительно к высказыванию (как речевой реализации предложения или сверхфразового единства) среду в ее вербальном выражении составляют взаимодействующие с ним элементы более крупных фрагментов текста и текста в целом. В этих пределах размещаются элементы ближней и дальней среды с постепенными переходами между ними [Бондарко, эл. ресурс].

Невербальная среда охватывает все то, что в окружении вербального текста как речевого произведения относится к сфере дискурса и взаимодействует с языковым содержанием текста в процессе порождения и восприятия смысла текста. В частности, к невербальной среде относятся такие элементы, как социальные факторы – социальный статус автора текста и

потенциального адресата, типы дискурса – художественное произведение (разных типов), репортаж, интервью, политический, публицистический, философский, научный дискурс, мнения и установки участников коммуникации, фоновые знания, политическая и культурная обстановка порождения и восприятия текста и т. д. [Бондарко, эл. ресурс].

Исследование языка с позиций когнитивной лингвистики также предполагает учет взаимодействия различных факторов. «Структура и содержание человеческого сознания, его знания и мнение о мире, в котором он живет, его стереотипы и представления о норме, а также система коллективных и индивидуальных ценностей и оценок оказывают непосредственное влияние на структуру и содержание языковых форм и выражений в их коллективном (система языка) и индивидуальном (конкретные высказывания и тексты) аспектах, на структуру и содержание самих языковых функций и их реализацию» [Болдырев, 2013, с. 7].

Изучая вопрос категориальных значений глагола в структуре предложения-высказывания, Н. Н. Болдырев подчеркивает необходимость рассматривать многочисленные факторы, влияющие на механизмы категоризации языковых единиц [Болдырев, 2009 б, с. 10].

Категориальное значение глагола представляет собой неразрывное единство статического и динамического аспектов. Данное взаимодействие основывается на прототипическом принципе формирования языковых категорий и имеет вероятностный характер. «Формирование смысла конкретного предложения-высказывания зависит от конкретных лексических

вхождений, передающих «скрытую» категориальность, а также от конкретных синтаксических связей, устанавливаемых в этом высказывании» [Там же, с. 144].

А. В. Бондарко проводит анализ содержания высказывания на основе понятия категориальной ситуации, под которой понимается типовая содержательная структура:

а) репрезентирующая в высказывании определенную семантическую категорию и соответствующее функционально-семантическое поле;

б) представляющая собой один из аспектов выражаемой в высказывании «общей» сигнификативной ситуации;

в) являющаяся категориальной характеристикой высказывания [Бондарко, 2005 б, с. 67].

Предметом анализа в настоящей работе являются именно семантические структуры в определенной языковой интерпретации, связанной с используемыми средствами формального выражения в конкретных высказываниях.

Для описания и объяснения языковых подсистем А. В. Бондарко обращается к понятию среды, поскольку анализ любой частной системы обладает объяснительной силой только, если исследование внутрисистемных отношений дополняется анализом отношений между системой и средой.

По отношению к той или иной языковой единице, категории или группировке среда рассматривается как множество языковых элементов, играющее по отношению к исходной системе роль окружения, во взаимодействии с которым она выполняет свою функцию. В реализации системных значений грамматических категорий роль среды выполняют элементы

контекста и речевой ситуации; к среде относятся лексические значения и лексико-грамматические разряды слов, влияющие на данную категорию, а также элементы «категориального окружения» – другие грамматические категории, взаимодействующие с категорией, рассматриваемой как исходная система [Бондарко, 2004, с. 87]. Взаимодействие системы и среды служит функции [Там же, с. 90]. Таким образом, среда – это системно-функциональное понятие, обращение к которому предполагает исследование языковых систем в сфере их взаимодействия с разными типами языковых и речевых окружений.

Мы рассматриваем класс эмотивных каузативов, категориальное значение которых заключается в актуализации интерперсональной семантики, а именно, каузации изменения эмоционального состояния объекта каузации.

Роль среды в ситуации с эмотивными каузативами выполняют адвербиальные единицы, модальные слова, дискурсивные маркеры и междометия, являющиеся конститuentами функционально-семантических полей аспектуальности, таксиса, временной локализованности, темпоральности, итеративности. Таким образом, мы наблюдаем актуализацию нескольких категориальных ситуаций, взаимодействие которых приводит к образованию категориального семантического комплекса, обладающего своей спецификой.

1.3. ТИПОЛОГИЯ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ В СФЕРЕ КАУЗАТИВНОСТИ

1.3.1. КАТЕГОРИЯ КАУЗАТИВНОСТИ: ПРОТОТИПИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Для современной лингвистики характерен концептуально-категориальный подход. Мы обратились к категории каузативности, как одной из универсальных, логических категорий, рассматриваемой как функционально-семантическая.

Категория каузативности разрабатывается со времен античности, оставаясь актуальной и сегодня. «Идея причинности прошла в своем развитии разные стадии: наивное понимание причинности в первобытном обществе; причина как «первоначало» у древних греков; телеологическая причинность периода эллинизма и средневековья; действующая, «силовая» причина в механике и философии нового времени; внутренняя, качественная причина в немецкой классической философии; агностицизм Д. Юма и позитивистов в трактовке причинности. Современное научное представление о природе причинности исходит из положения о сложности данной категории и многообразии форм каузальных отношений» [Терешина, 2007, с. 199].

В лингвистике категория каузативности привлекала внимание многих ученых. В качестве одного из первых можно назвать французского лингвиста Ш. Балли, который говорит о синтаксическом отношении причинения, возникающем из отношений согласования и управления. «Причинение по

способу согласования отвечает формуле: сделать так, чтобы *A* стало *B*, а причинение по способу управления: сделать так, чтобы *A* было у *B*. Необычность этих оборотов свидетельствует о том, что язык для выражения отношений причинения чаще всего употребляет скрытые приемы. Эти приемы многочисленны и разнообразны, так что он в той или иной степени синтезируют два сложных понятия» [Балли, 1955, с. 124–125]. Он выделяет три вида таких приемов.

1. Два глагола, содержащиеся в аналитической формуле, могут быть сближены, отчего создается впечатление одного общего понятия: *Paul fait travailler Pierre* «Павел заставляет Петра работать»; такое сближение сопровождается другими особенностями: *Paul fait faire un habit au tailleur* «Павел заказывает портному сделать одежду».

2. *Faire être tel ou tel* «делать тем или иным», *faire avoir* «снабжать» или *faire être à* «отдавать» сжимаются в простые глаголы, которые можно назвать каузативными связками. Их лексикализация принимает самые разнообразные формы.

3. Максимальное сжатие дают так называемые каузативные глаголы, которые заключают в себе и связку и атрибут согласования или дополнение управления: *égayer* «веселить» значит *faire être gai* «заставить быть веселым» (каузативный глагол согласования); *argenter, dorer, colorer* = *faire avoir de l'argent, de l'or, des couleurs* «серебрить, золотить, окрашивать» = *заставить иметь серебро, золото, краску* (каузативные глаголы управления) [Там же, с. 125].

Дж. Лайонз во «Введении в теоретическую лингвистику» обращается к анализу синтаксических и семантических

особенностей каузативных конструкций. Понятие каузативных глаголов синонимично в концепции ученого понятиям переходности и эргативности. «Каузативные конструкции чрезвычайно широко распространены во всех языках мира; они дают нам общую основу для рассмотрения переходности и эргативности» [Лайонз, 1978, с. 375]. Под эргативностью он понимает такие синтаксические отношения, когда «эргативный субъект непереходного глагола «становится» объектом соответствующего переходного глагола, вводится новый эргативный субъект в качестве «агенса» (или причины) описываемого действия» [Там же, с. 373]. Выведение синтаксической конструкции из непереходной в переходную он называет каузативной трансформацией [Там же].

И. А. Мельчук также подчеркивает универсальность каузатива: «каузативная дериватема встречается в языках практически всех известных языковых семей, что не удивительно, учитывая первоочередную значимость причинных отношений в человеческой жизни. В некоторых языках, где каузатив отсутствует в настоящее время, его следы обнаруживаются в ходе этимологического анализа. Во многих языках, утративших словообразовательный каузатив, возникли регулярные синтаксические каузативные конструкции (аналитические каузативы) [Мельчук, 1998, с. 379]. Актуальной остается и его мысль о релевантности исследований данной области: «в виду важности семантики каузатива и его особой роли в синтаксисе, каузатив является постоянной темой семантических и синтаксических исследований последних лет» [Там же, с. 385].

Н. Д. Арутюнова обращается к синтаксическим механизмам каузативной ситуации. По ее мнению, «многие из межсобытийных глаголов, а также все глаголы, условно названные качественно-логическими, относятся к группе каузативов, то есть включают в свое значение компонент каузации. Их анализ, поэтому, не был бы полным без обращения к некоторым общим вопросам, связанным с лингвистической категорией каузативности. Рассмотрение синтаксических механизмов каузации также позволит подойти с новой стороны к явлению взаимодействия имен лица и обозначений событий в структуре предложения и глубже понять его закономерности» [Арутюнова, 1976, с. 167].

Х. Буссман определяет и подразделяет каузативные глаголы следующим образом: «Semantisch begründete Klasse von Verben, bzw. Verbphrasen, die den Vorgang des „Verursachens“ bezeichnen. Unter formalem Aspekt lassen sich folgende Gruppen unterscheiden: a) morphologische Kausativa b) ergative Verben, die in transitiver und intransitiver Verwendung auftreten, wobei die transitive Verwendung die Kausation ausdrückt c) Kausativkonstruktionen mit kausativen Hilfsverben oder mit kausativen Verbauffixen» [Bußmann, 2002, S. 339].

Обращение к категории каузативности с позиций функциональной грамматики позволяет реализовать динамический подход в систематизации языковых средств каузативной семантики, так как функционально-семантическая категория каузативности находит выражение на разных уровнях языковой системы. Категория каузативности относится к функционально-семантическим категориям, «так как данная

категория наряду с другими функционально-семантическими категориями имеет обобщенное значение и оформляется системой языковых средств» [Шустова, 2010, с. 10].

Процесс каузации, как языковая репрезентация логической категории причинности подразделяется на каузальность и каузативность. Каузальность представляет собой причинение¹ через обусловленность (причина, условие, уступка, цель), а каузативность рассматривается как причинение через побуждение. Понятие каузальности лежит в основе человеческого сознания и не может быть устранено без кардинального изменения всей картины мира. Каузальность включает в себя четыре типа отношений: причинно-следственные, условно-следственные, уступительно-следственные отношения и целевые следственные отношения [Там же].

Каузативный глагол рассматривается как глагол интерперсональной семантики. Область реализации каузативности обширна. Выделяются следующие сферы причинения изменений у объекта каузации: физическая модификация

¹ Причинение – действие по гл. причинить – причинять. Причинение увечий. Причинение убытков [Ушаков Д. Н., Толковый словарь]; повлечь причинение, зависимость, причина – следствие [Словарь глагольной сочетаемости непредметных имен. Институт русского языка им. В. В. Виноградова, РАН, НК, 2008]. Мы рассматриваем причинение в философском ракурсе, а именно, как «причину», которая представляет собой одну из категорий диалектики, выражающую в сочетании со «следствием» один из моментов всеобщего взаимодействия. Принцип причинности выражается формулой $p \rightarrow q$ (если p , то q). В основе данной формулы лежит определение: причина есть такое явление p , которое с необходимостью порождает другое явление q , то есть следствие [Философский словарь, gufo.me].

(каузация передвижения, изменения признака, качества, свойства, изменения физического состояния и так далее), перцептивная модификация (каузация обоняния, осязания, вкусовых, слуховых, зрительных ощущений), информативная модификация (отказ, приказ, повеление, призыв, просьба, уговоры, убеждение, предостережение и другие) и модификация психической сферы [Шустова, 2010, с. 100–102].

Именно эта сфера находится в фокусе нашего внимания. В нашем исследовании мы обращаемся к каузативным глаголам, актуализирующим значение эмоциональной модификации.

Область функционирования лексического каузатива в эмоционально-психической сфере, затрагивающая такие психические свойства как способности, темперамент, характер, привычки, склонности, убеждения; и такие психические процессы как мышление, память, ощущение, восприятие, внимание, представление и воображение представлена на рис. 3 [Шустова, 2010, с. 101].

Как следует из схемы, область функционирования эмотивных каузативов – это каузация отрицательных и положительных состояний психических, таких как гнев, ярость, злоба, ненависть, раздражительность, нервозность, радость, счастье, любовь, восторг, утешение, успокоение. Либо приведение в нейтральное, по отношению к исходному, состояние человека, испытывающего сильные отрицательные или положительные эмоции.

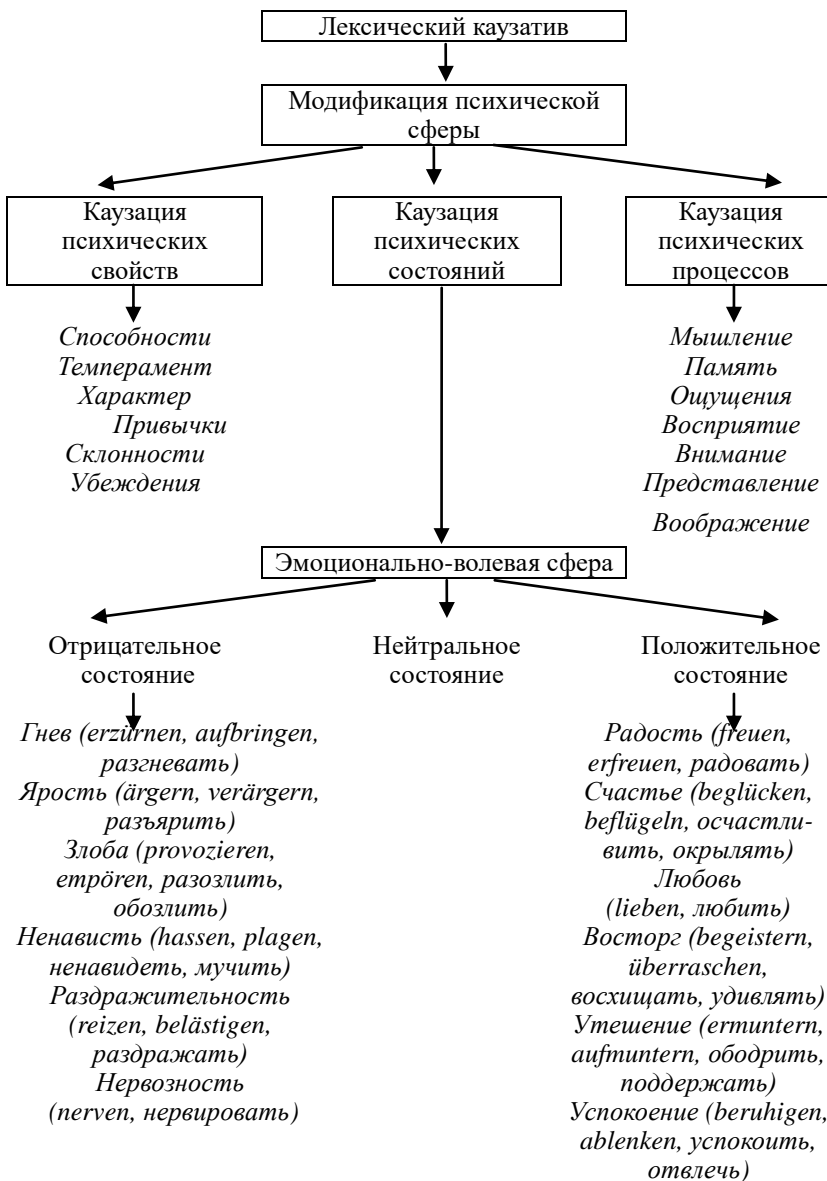

Рис. 3. Лексический каузатив
в аспекте эмоциональной модификации

Из схемы следует, что эмотивные каузативы относятся к модификации эмоционально-волевой сферы человека, а именно его психических состояний. Уточним терминологию путём психологического экскурса. Психическая сфера человека включает в себя психические свойства, психические процессы и психические состояния. Под психическими свойствами понимаются «индивидуальные особенности психики человека, проявляющиеся в отношении его к действительности и соответствующих формах поведения, носящих устойчивый характер. К ним относят темперамент, характер, способности, склонности, убеждения, привычки и другие свойства, которые присущи человеку в течение всей жизни или длительного ее периода» [ПСС].

Психические процессы – это «проявления психики, обеспечивающие познание окружающей действительности (ощущение, восприятие, мышление, память, воображение)» [ПСС]. Психические состояния – это «менее длительные по сравнению с психическими свойствами психические проявления личности, обусловленные разными видами интегрированного отражения воздействий на человека как внутренних, так и внешних раздражителей. К ним относят состояния бодрости или подавленности, работоспособности или усталости, раздражительности, хорошего или плохого настроения и ряд других состояний» [ПСС].

Класс глаголов, актуализирующих значение каузации модификации эмоционального состояния, мало изучен и

представляет несомненный интерес для лингвистических исследований, поскольку рассматривается с позиций динамико-функционального подхода, системно, во взаимодействии со средой, в которой эти каузативы функционируют, что позволяет нам фиксировать взаимодействие нескольких категорий и актуализацию такого взаимодействия в языке и речи.

1.3.2. КАТЕГОРИЯ ЭМОТИВНОСТИ: ПРОТОТИПИЧЕСКИЙ ПОДХОД

В фокусе нашего внимания находятся эмотивные каузативы, поскольку эмоции являются мотивирующей основой сознания. В. И. Шаховский относит эмоции к «довербальным информационным структурам сознания, поскольку формирование сознания происходит в процессе деятельности, мотив которой всегда эмоциональный» [Шаховский, 2006, с. 65]. Под эмотивными каузативами мы понимаем глаголы, фиксирующие интерперсональное взаимодействие, в результате которого наблюдается модификация эмоционально-психического состояния объекта. Обращаясь к эмотивным каузативам необходимо обратить внимание на такие категории как эмотивность, экспрессивность, оценочность, интенсивность и итеративность. Эмоциональность – свойства человека, характеризующая содержание, качество и динамику его эмоций и чувств. Содержательные аспекты эмоциональности отражают явления и ситуации, имеющие особую значимость для субъекта [Краткий психологический словарь, эл. ресурс]. Эмоции пронизывают все человеческое существование, кроме того они

обобщены национальным опытом конкретного народа, и отражаются в языковой картине мира данного народа. С лингвистической точки зрения мы говорим об эмотивности – «свойстве языка выражать психологические (эмоциональные) состояния и переживания человека через особые единицы речи – эмотивы» [Шаховский, 2008, с. 5].

Долгое время в лингвистике продолжался спор о том, должна ли эмоциональная составляющая быть предметом лингвистических исследований. Так, например, К. Бюлер [1993], Г. Гийом [1992], Э. Сепир [1993] считают, что в языке доминирующей является когнитивная функция, в то время как Ш. Балли считает основной функцией языка – выражение эмоций [Балли, 1955]. Современный когнитивный подход и «во многом пересекающаяся с ним психолингвистика адресуются к языку как к феномену психики, как к инструменту познания и способу фиксации результатов когнитивных процессов» [Фрумкина, 2004, с. 4]. Исследования в области психологии и когнитивной лингвистики не оставляют сомнений в том, что когнитивные и эмоциональные процессы тесно взаимосвязаны. «При анализе структуры реальных межблоковых связей психологической системы деятельности обнаруживается, что каждый блок находится в теснейшей взаимосвязи с другими блоками, что блоки фактически взаимопроникают друг в друга. <...> Эмоции же пронизывают все подсистемы деятельности. В силу этого они выступают одним из мощных факторов формирования самой психологической функциональной системы деятельности – фактора интеграции системы» [Шадриков, 2002, с. 57–58].

Таким образом, не остается сомнений в том, что исследования отражений эмоций в языке необходимы. «Человек и его эмоции, с одной стороны, являются частью самой объективной действительности, то есть отражаемыми объектами реальной картины мира, а с другой – участвуют в формировании языковой картины мира: человек как активный отражающий субъект, язык как средство отражения, эмоции человека как одна из форм отражения объективной действительности» [Шаховский, 2012, с. 7].

Лингвистика эмоций в настоящее время выделена в самостоятельное направление, которое разрабатывают такие ученые как Л. Г. Бабенко [1987, 1988, 1989], А. А. Водяха [1993, 2011], Т. А. Графова [1991], О. В. Донина [2016], Н. А. Лукьянова [1986, 1991, 2009, 2015], Л. А. Пиотровская [1994, 2009, 2015], В. И. Шаховский [1983, 2006, 2008, 2009 а, 2009 б, 2012, 2018] и др. Следует отметить, что для адекватного анализа и описания семантической категоризации эмоций понятия разделяют на две группы: долингвистические и лингвистические. Так, понятия «эмоция», «эмоциональность», «эмоционально окрашенное мышление», «выражение эмоций» относятся к группе долингвистических, и, соответственно, используются как терминосистема в области психологии. Для лингвистики же предлагается использовать понятия «эмотивность», «эмотивный», «эмотив», «фонд эмотивных лексических средств языка» и др. [Шаховский, 2012, с. 23–24].

С точки зрения функционального подхода к языку, эмотивность определяется как «функция языковых единиц, связанная с выражением либо эмоционального состояния

субъекта речи, либо его эмоционального отношения к объективной действительности, к содержанию высказывания адресата, к самому адресату» [Пиотровская, 2015, с. 322]. Как эмотивные квалифицируются языковые единицы, выполняющие эмотивную функцию, а значение языковых единиц, «предназначенных для выражения эмоционального состояния или эмоционального отношения адресанта», определяется как эмотивное [Там же].

В настоящей работе под эмотивностью понимается лингвистическая составляющая эмоциональности и используется терминология, предложенная В. И. Шаховским. Под эмотивным каузативом, мы понимаем глагол, описывающий смену эмоционального состояния под воздействием (целенаправленным или произвольным) другого человека. Класс эмотивных каузативов обширен, безусловно, обладает спецификой, входит в фонд эмотивных лексических средств языка, но недостаточно изучен в аспекте функционирования и систематизации полученных данных.

1.3.3. КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС

В системе функциональной грамматики категории рассматриваются как функционально-семантические поля и категориальные ситуации. Первые характеризуются определенными связями с категориями мышления, вторые служат для анализа функциональных вариантов семантической категории, поскольку реализуются в конкретных высказываниях.

Категориальная ситуация представляет собой типовую содержательную структуру [Бондарко, 2002, с. 15–16]. Однако, в речи в «составе общей ситуации далеко не во всех случаях выделяется единая категориальная доминанта» [Бондарко, 2005 б, с. 71], обычно мы наблюдаем взаимодействие категориальных элементов высказывания, которые представляют собой другие категории. В таком случае мы говорим о категориальном семантическом комплексе.

Под категориальным семантическим комплексом в работе понимается совокупность семантических категорий, функционально объединенных общей целью, общим предназначением, общей интенциональностью – актуализацией таких значений, которые возникают на пересечении двух и более категорий (см. также о таксисно-аспектуально-темпоральной ситуации: [Шустова, 2011]).

Мы анализируем ситуацию модификации психической сферы у объекта каузации, а именно, каузацию эмоциональной модификации, поэтому мы выделяем эмотивно-каузативный категориальный комплекс. Основное содержание комплекса

заключается в актуализации положительной или отрицательной модификации эмоционального состояния у объекта каузации и реализуется двумя категориальными семами: семой эмотивности и семой каузации. Категориальный семантический комплекс может включать в свое семантическое пространство другие семантические категории, которые находятся в подчинительном отношении к данному комплексу в данной категориальной ситуации (в другой категориальной ситуации эти категории могут стать ведущими). Таким образом, категориальный семантический комплекс представляет собой совокупность субкомплексов, то есть множества таких семантических категорий, которые находятся в подчинительном положении по отношению к отдельно взятому семантическому комплексу. При реализации эмотивно-каузативного семантического комплекса наблюдается актуализация различных категориальных ситуаций, мы выделяем эмотивно-экспрессивно-каузативный, эмотивно-интенсивно-каузативный и эмотивно-оценочно-каузативный семантические субкомплексы.

1.3.3.1. ЭМОТИВНО-ЭКСПРЕССИВНО-КАУЗАТИВНЫЙ КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ СУБКОМПЛЕКС

Эмотивность и экспрессивность представляют собой две взаимосвязанные, коррелирующие категории, которые, тем не менее, необходимо рассматривать именно как взаимосвязанные, но самостоятельные, поскольку одна из них (эмотивность) является предпосылкой актуализации другой (экспрессивность).

Модель эмотивно-экспрессивно-каузативного категориального семантического субкомплекса представлена на рис. 4.

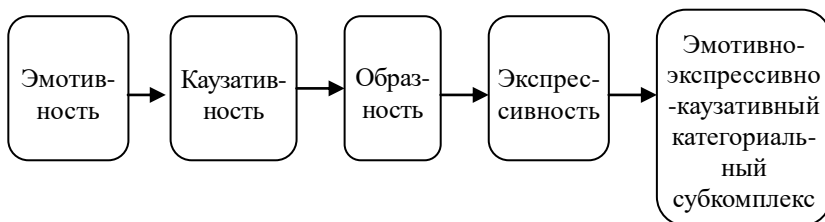

Рис. 4. Эмотивно-экспрессивно-каузативный категориальный семантический субкомплекс

Отметим, что представленная модель указанного субкомплекса представляет взаимодействие данных категорий. В рамках эмотивно-каузативного комплекса данные категории, каждая из которых может выступать как отдельная, самостоятельная категория, начинают взаимодействовать на основе общей интенции. Эмоция усиливается в результате использования экспрессивных и образных средств языка. При таком взаимодействии категории экспрессивности и эмотивности взаимодополняют и взаимоусиливают друг друга, оставаясь при этом самостоятельными категориями. Поэтому мы говорим об эмотивно-экспрессивно-каузативном субкомплексе.

На рис. 5 представлена модель ситуации актуализации субкомплекса.

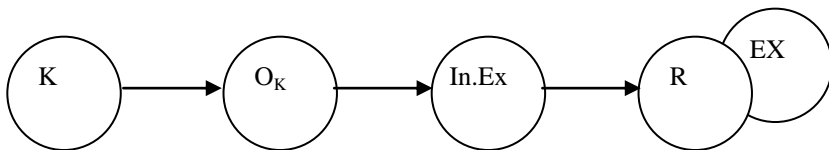

Рис. 5. Каузативная ситуация реализации эмотивно-экспрессивно-каузативного категориального субкомплекса
 К – каузатор; O_K – объект каузации; In.Ex – интенсификатор экспрессивности; R – результат каузации;
 EX – экспрессивность.

При реализации эмотивно-экспрессивно-каузативного субкомплекса каузатор оказывает воздействие на объект каузации с целью изменить его эмоциональное состояние. Результат каузации в ситуации эмоциональной модификации заложен в значении глагола – эмотивного каузатива. Интенсификаторы экспрессивности усиливают именно этот компонент, например:

*Короче, она хлопнула дверью и ушла, **доведя** Микиса буквально до белого каления* (Ngram).

Интенсификатор «*буквально*», то есть «действительно, на самом деле; в прямом смысле слова» (СТС) и образный фразеологический оборот «*до белого каления*», который имеет значение «выводить кого-либо из терпения, вызывая состояние иступления, потерю самообладания» (ФСРЛЯ), реализуют экспрессивные значения, и мы понимаем, что результат каузации – не просто изменение эмоционального состояния на отрицательное, а крайне отрицательное.

1.3.3.2. ЭМОТИВНО-ОЦЕНОЧНО-КАУЗАТИВНЫЙ КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ СУБКОМПЛЕКС

Категория эмотивности, безусловно, связана и с категорией оценочности, хотя вопрос об их соотношении решается учеными по-разному. Некоторые считают, что данные категории представляют собой нерасторжимое единство. Так, А. И. Приходько замечает, что «оценочное значение не является структурно или понятийно однородным. Его содержательную структуру усложняют эмоциональность, экспрессивность, модальность, которые сопровождают оценку» [Приходько, 2011, с. 176]. Как уже говорилось выше, эмоции, как и оценка, являются обязательной составляющей частью картины мира. Как итог действия эмоционально-оценочных механизмов, происходит регуляция эмоционально-познавательной и речевой деятельности человека. «Оценочное измерение картины мира и дискурса определяется жизненным миром человека и общества, находящихся в процессе освоения / присвоения мира. <...> В результате, регулируется эмоционально-интеллектуально-речевая деятельность человека и, в конечном счете, его целостная система бытия» [Серебренникова, 2011, с. 7–8].

В таких каузативных глаголах как *радоваться*, *огорчаться*, *восхищаться* оценка содержится в пропозициональных структурах, поскольку актант, каузирующий радость, восхищение, всегда хороший, а актант каузирующий огорчение всегда плохой для субъекта. Категория оценки / оценочности является комплексной функционально-семантической

категорией, которая взаимодействует с категориями экспрессивности и эмотивности. Модель эмотивно-оценочно-каузативного категориального семантического субкомплекса представлена на рис. 6.

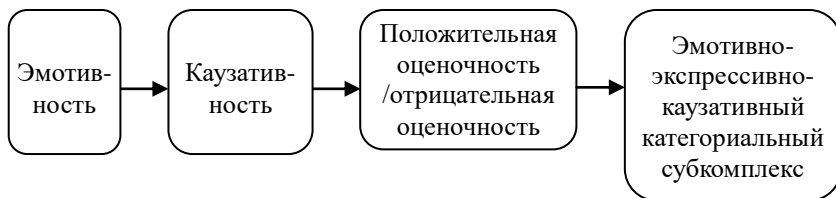

Рис. 6. Модель эмотивно-оценочно-каузативного категориального семантического субкомплекса

В рамках эмотивно-каузативного комплекса категория оценочности взаимодействует с категорией эмотивной каузативности, что можно наблюдать на рис. 7.

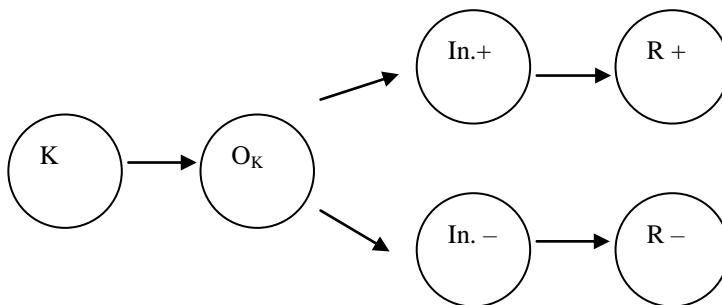

Рис. 7. Каузативная ситуация реализации эмотивно-оценочно-каузативного категориального субкомплекса

К – каузатор; O_K – объект каузации; $In. +$ – интенсификатор положительной оценки; $In. -$ – интенсификатор отрицательной

оценки; R + – результат каузации положительного эмоционального состояния; R – – результат каузации отрицательного эмоционального состояния.

Модель субкомплекса представляет собой взаимодействие категорий эмотивности, каузативности и оценочности. Оценка может быть положительной или отрицательной, что актуализируется интенсификатором соответствующей семантики и отражается в значении результата каузации.

При реализации эмотивно-оценочно-каузативного субкомплекса каузатор оказывает воздействие на объект каузации с целью изменить его эмоциональное состояние. Результат каузации актуализируется эмотивным каузативом положительной либо отрицательной семантики. Интенсификаторы оценочности усиливают эту семантическую составляющую. Рассмотрим пример с каузацией положительной эмоциональной модификации:

Приятно порадовали свободолюбивые звезды рока (Ngram).

Интенсификатор «*приятно*», который определяется как «оценка чего-либо как привлекательного, вызывающего симпатию, расположение» (СТС) усиливает положительное значение каузатива «порадовать», т. е. «доставить радость, удовольствие» (СТС). Таким образом, при взаимодействии категорий эмотивности, каузативности и оценочности мы наблюдаем эффект усиления составляющих субкомплекса.

1.3.3.3. ЭМОТИВНО-ИНТЕНСИВНО-КАУЗАТИВНЫЙ КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ СУБКОМПЛЕКС

С категориями эмотивности, экспрессивности, оценочности тесно взаимодействует и категория интенсивности, которую обычно связывают с понятиями меры, степени, количества. «Интенсивность указывает на количественные характеристики качественного признака предмета», тогда как «показателем количественных характеристик является мера» [Ревенко, 2013, с. 202].

«В обобщенной формулировке семантический признак интенсивности можно определить как отклонение от ординарного уровня проявления определенных свойств предмета. Причем степень отклонения от этого ординарного уровня может быть различной» [Ревенко, 2013, с. 203]. В прагматическом аспекте категория интенсивности служит для усиления иллокутивной силы в результате того, что увеличивается экспрессивный потенциал реализуемой в речи языковой единицы.

Модель эмотивно-интенсивно-каузативного категориального семантического субкомплекса представлена на рис. 8.

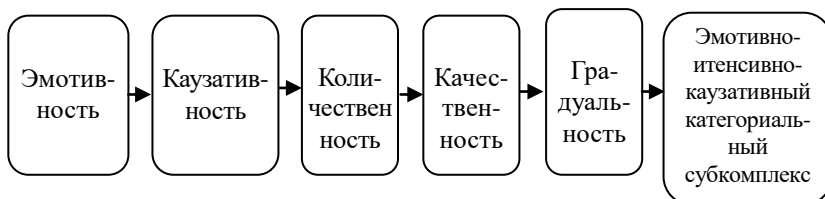

Рис. 8. Модель эмотивно-интенсивно-каузативного категориального семантического субкомплекса

Модель указанного субкомплекса отражает взаимодействие данных категорий. Категория интенсивности отражает качественно-количественные характеристики явления, в ситуации каузации эмоциональной модификации интенсифицируется эмотивный каузатив в результате актуализации признака количества, качества либо градуальности. На рис. 9 представлена модель ситуации актуализации данного субкомплекса.

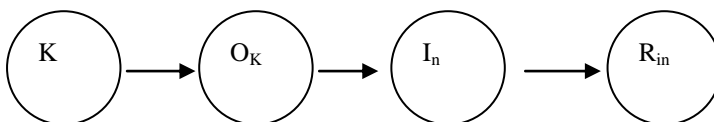

Рис. 9. Каузативная ситуация реализации эмотивно-интенсивно-каузативного категориального субкомплекса

К – каузатор, O_K – объект каузации, I_n – интенсификатор,
 R_{in} – интенсифицированный результат каузации

При реализации эмотивно-интенсивно-каузативного субкомплекса каузатор оказывает воздействие на объект

каузации с целью изменить его эмоциональное состояние. Результат каузации в ситуации эмоциональной модификации заложен в значении глагола – эмотивного каузатива. Интенсификаторы усиливают этот компонент, например:

*Ты только что **безмерно осчастливил** Голдбергов (Ngram).*

Интенсификатор «*безмерно*», то есть «в высшей степени, предельно в своём проявлении; чрезмерно, чрезвычайно, очень (употребляется при подчеркивании интенсивности действия или состояния)» (СТС) показывает наивысшую меру эмоционального воздействия, актуализируемого глаголом.

Изучение функционального потенциала эмотивных каузативов невозможно без обращения к категориям экспрессивности, оценочности и интенсивности, их взаимодействие представлено на рис 10.

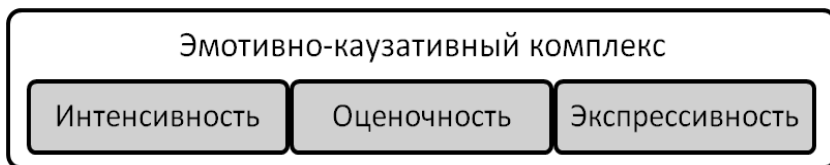

Рис 10. Взаимодействие эмотивности, каузативности и смежных категорий

Важно отметить, что модель эмотивно-каузативного комплекса – это матрица взаимодействия категорий эмотивности, каузативности, интенсивности, оценочности и экспрессивности. Каждая из этих категорий привносит свое значение, обуславливая усиление эмотивного компонента. Они взаимосвязаны в рамках эмотивно-каузативного категориального семантического

комплекса и подчинены одной цели – актуализации эмотивного и каузативного значений. Поэтому модель представляет собой эмотивно-каузативный комплекс, на который «наслаиваются» смежные категории – эмотивность, экспрессивность, оценочность.

Поскольку функциональная грамматика рассматривает языковые единицы вместе со средой, в которой они функционируют, на примере этих категорий мы можем наблюдать особенности их межкатегориального взаимодействия в речи. Категориальными семантическими компонентами ситуации каузации эмоциональной модификации являются, таким образом, интенсивность каузируемой эмоции, оценка каузируемой эмоции, имплицированная в значении каузативного глагола (положительная или отрицательная), пересечение данных семантических признаков в целом ведет к усилению экспрессивной силы высказывания.

1.4. ПОТЕНЦИАЛ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТРУКТУР, МОДАЛЬНЫХ СЛОВ, ЧАСТИЦ, ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ И МЕЖДОМЕТИЙ В СИТУАЦИИ КАУЗАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ МОДИФИКАЦИИ

1.4.1. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ: ЭМОТИВНАЯ КАУЗАТИВНОСТЬ И ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ

Язык представляет собой динамическую систему, подверженную воздействию различных факторов. Вопрос о соотношении лексической и грамматической системы представляет интерес с точки зрения перекатегоризации

языковой единицы, которая утрачивает свое значение частично либо полностью, а ее грамматическая функция выдвигается на первый план. Процессы десемантизации и грамматикализации лексических единиц находятся в фокусе внимания многих лингвистов: Н. Н. Болдырев [2009 а]; М. А. Егорова [2013]; З. С. Зибукаева [2016]; Т. А. Майсак [2005]; Е. В. Овчинникова [2008]; Н. И. Рахманова [2009]; Л. Талми [1999]; С. В. Шустова [2015 а, 2015 б, 2016 а, 2016 б, 2016 в]; С. В. Шустова, Е. А. Платонова [2017]; J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca [2004]; H. Detges, R. WALTEReit [2017]; B. Heine [2013]; B. Heine, H. Narrog, H. Long [2016]; P. J. Hopper, E. Traugott [2003]; K. Lahousse, B. Lamiroy [2017]; Ch. Lehmann [2002]; Shustova S., Osheva E., Klochko K. [2017], R. Szczepaniak [2011].

Язык как живой организм находится в постоянном развитии. Языковые преобразования происходят под влиянием коммуникативных, когнитивных и социальных факторов. В этом отношении особый интерес представляют собой процессы лексикализации, грамматикализации и прагматизации, вектор языковых изменений которых направлен в сторону изменения исходного категориального статуса языковой единицы [Егорова, 2013, с. 217]. Как известно, лексическая система репрезентирует концептуальное содержание, в то время как грамматическая подсистема репрезентирует концептуальную структуру [Талми, 1999, с. 106]. Грамматикализация «представляет определенную степень изменения категориального значения глагола, его перекатегоризации как языковой единицы, отражающую его движение вдоль категориального континуума в направлении от лексического значения к грамматическому. Чем больше

грамматических характеристик приобретает глагол, тем менее конкретным становится лексическое значение» [Болдырев, 2009 а, с. 90]. Таким образом, лексические значения возникают на основе грамматических, за счет усиления грамматической функции языковой единицы.

В рамках грамматикализации различаются: фонетические (ассимиляция, редукция и т. п.), морфосинтаксические (аффиксация, клитизация и т. п.) и функциональные процессы (десемантизация). Эти процессы действуют параллельно, но функциональные процессы, как правило, хронологически предшествуют остальным [Зибукаева, 2016, с. 61].

Десемантизация представляет собой:

1) изменение частеречной принадлежности слова, то есть переход лексемы в иной морфологический класс (таким образом пополняется класс служебных частей речи, в результате преобразований появляется самостоятельное слово);

2) превращение слова в морфему: грамматическую – в сфере формообразования и лексическую – в сфере словообразования (в этом случае в качестве промежуточного этапа возможно сложное слово);

3) развитие аналитических грамматических форм и устойчивых сочетаний фразеологического характера (вследствие «размывания значения» образуется вспомогательное слово) [Рахманова, 2009, с. 201].

В немецком языке в качестве функциональных глаголов используются следующие: *bekommen*, *kommen*, *ausbrechen*, *geraten*, *bringen*, *tachen*, *halten* и многие другие. В русском языке: *доставлять*, *поднимать*, *вселять*, *вызывать*, *причинять*,

приводить, наводить, доводить и другие. Образуя функциональные структуры с именем существительным или прилагательным, глаголы десемантизируются, их функции ограничиваются областью грамматики.

1.4.2. МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА, МОДАЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ И ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ

Модальность рассматривается как «функционально-семантическая категория, выражающая разные виды субъективной квалификации сообщаемого. Модальность является языковой универсалией, она принадлежит к числу основных категорий естественного языка. Термин «модальность» используется для обозначения широкого круга явлений, неоднородных по смысловому объему, грамматическим свойствам и по степени оформленности на разных уровнях языковой структуры» [ЛЭС].

В отечественном языкознании основоположником концепции модальности является В. В. Виноградов. Он выделяет два вида грамматических отношений: объективно-синтаксические отношения между словами в словосочетании, в предложении, и отношение всего высказывания или предложения к реальности, такие отношения называются субъективно-объективными, или модальными [Виноградов, 2001, с. 593]. В работе В. В. Виноградова «О категории модальности и модальных словах в русском языке» модальность рассматривается как характеристика «состояний, переживаний, отношений, волевых устремлений, качественных оценок, которые связаны или могут

быть по своей семантической природе связаны с категорией модальности» [Виноградов, 1950, с. 66].

Модальность как языковое явление находит свое проявление на разных уровнях системы языка и речи. В. В. Виноградов относит к средствам и способам выражения модальности в современном русском языке интонацию, формы времени и наклонений глагола, глаголы, лексически выражающие значения возможности, необходимости, желания, намерения, стремления; вводные синтагмы, союзную связь предложений; особый класс слов – модальные слова; модальные частицы [Там же].

Г. В. Колшанский подчеркивает, что категории модальности присуща «прежде всего большая разнородность средств выражения», природу же модального содержания предложения составляет «мысль как отражение действительности, взятая со стороны «модуса» существования действительного явления (возможность, действительность, необходимость). Это содержание реализуется во всем составе предложения и не накладывает каких-либо особых признаков на структуру предложения» [Колшанский, 1961, с. 97]. Общим семантическим признаком «модальных объектов» является «точка зрения говорящего» [ТФГ, 1990, с. 67].

В коллективной монографии «Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность» выделено 6 типов значений, имеющих разнообразные (грамматические, лексические, интонационные) средства выражения [Там же, с. 67–68].

1. Оценка говорящим содержания высказывания с точки зрения реальности / нереальности (гипотетичности и т. п.).

2. Выражаемая модальными глаголами и другими модальными словами оценка обозначаемой в высказывании ситуации с точки зрения ее возможности, необходимости или желательности.

3. Оценка говорящим степени его уверенности в достоверности сообщаемого.

4. Целевая установка говорящего или коммуникативная функция высказывания. По этому признаку все предложения подразделяются на повествовательные, вопросительные, побудительные и оптативные.

5. Значения утверждения / отрицания, отражающие наличие / отсутствие объективных связей между предметами, признаками, событиями, о которых идет речь в предложении. Первый член оппозиции (утверждение) не маркируется, второй – маркируется грамматическими, словообразовательными и лексическими средствами.

6. Эмоциональная и качественная оценка содержания высказывания, выражаемая лексически (*хорошо, плохо, стыд, срам, ужас*), просодически (восклицательными предложениями), а также с помощью междометий. Кроме того, это значение может быть представлено либо сложноподчиненными предложениями, содержащими в их главной части оценочный модус, либо конструкциями с вводными словами и оборотами (*к счастью, к несчастью*).

Одним из средств актуализации модальности являются модальные слова. Модальные слова – это лексико-грамматический разряд слов, при помощи которых говорящий оценивает свое высказывание в целом или отдельные его части с

точки зрения их отношения к объективной действительности. Модальные слова лишены номинативной функции, они не являются членами предложения и грамматически не связаны со словами, составляющими предложение [ССЛГТ].

Модальные слова в живом процессе речи не примыкают к одним и тем же членам предложения и не служат определением или распространением слов какого-нибудь одного или нескольких грамматических классов. Они выражают модальность высказывания в целом или отдельных его компонентов [Виноградов, 2001, с. 594]. Иногда они оправдывают, мотивируют выбор или употребление отдельных слов, подчеркивая их экспрессию. Модальные слова и частицы определяют точку зрения говорящего субъекта на отношение речи к действительности или на выбор и функции отдельных выражений в составе речи [Там же]. Своеобразие модальных слов заключается в их лексической опустошенности, так как они не имеют номинативной функции. «При этом определить однозначно значение модального слова становится практически невозможно, поскольку модальные слова являются средством выражения специфического понятия – субъективной модальной оценки» [Калягина, 2014, с. 77].

В. В. Виноградов выделяет 12 основных разрядов модальных слов и частиц [Виноградов, 2001, с. 603–607].

1. Обозначающие чужой стиль выражения, субъективную передачу чужой мысли, речи, а также ее оценку со стороны говорящего (*мол, де, дескать, будто, будто бы, слышно; по мнению, по словам, по рассказам; говорят, как говорится, передают*).

2. Оценка самого стиля, способа выражения, то или иное выражение нередко сопровождается стилистической отметкой говорящего лица, оценкой выбранной или принятой манеры речи (*буквально, так сказать, собственно говоря, коротко (откровенно) говоря, вообще говоря* и т. п.).

3. Модальные слова и устойчивые словосочетания, которыми обозначается характер речевой экспрессии или эмоциональный тон высказывания, подчеркиваются экспрессивные оттенки выражений (*шутка сказать, не в обиду будь сказано, признаться сказать* т. п.).

4. Модальные слова и идиомы, в которых заключается эмоциональное освещение самой изображаемой действительности. Это обозначения тех эмоциональных или волевых модальностей, которыми пронизаны обсуждение или оценка каких-нибудь фактов и мыслей. Модальные слова этого типа указывают не на способ выражения, не на экспрессивную окраску речи, а на эмоционально-волевое отношение говорящего лица к предмету сообщения (*чего доброго, право, спасибо, чай, знать, пожалуй, небось, вишь, полно, должно, верно, как-никак, что ли и т. п.; к сожалению, к несчастью, к изумлению, к счастью, к общему восхищению; признаться, видать, глядишь* и т. п.).

5. Модальность суждения может быть основана не на эмоциональном отношении к предмету сообщения, а на чисто логической оценке достоверности суждения (*вероятно, по всей вероятности, понятно, несомненно, безусловно, очевидно, видимо, по-видимому, разумеется, может быть, действительно, в самом деле, подлинно* и т. п.).

6. Модальные слова и словосочетания, выражающие отношение содержания какого-нибудь отрезка речи к общей последовательности мыслей в ходе высказывания (*значит, стало быть, кстати, кроме того, сверх того, помимо того, в частности, примерно, например, главное, в конце концов* и т. п.).

7. Модальные слова, обозначающие порядок движения мыслей в числовой последовательности: *во-первых, во-вторых* и т. п. Эти выражения определяют не только место какого-нибудь пункта в ряду перечислений, но и содержат его оценку, его субъективную квалификацию.

8. Модальные слова, выражающие субъективную внезапность припоминания, присоединение по ассоциации (*кстати, одно к другому, заодно, к тому же*).

9. Сравнительные частицы и частицы-наречия (*словно, как будто, как бы, точно*).

10. Модальные слова, свойственные диалогической речи и заключающие в себе призыв к собеседнику, стремление возбудить его внимание к чему-нибудь, подчеркнуть перед ним что-нибудь, какой-нибудь факт или вызвать в нем то или иное отношение к сообщению (*видишь ли, видите ли, знаешь ли, знаешь что, веришь ли*).

11. Количественные обозначения степени. Они становятся выражением субъективной оценки меры, числа или степени чего-нибудь (*самое большее, самое меньшее, по крайней мере, едва ли не*).

12. Переходные типы слов и выражений, совмещающих модальные значения со значением других категорий. Если междометие сопутствует тому или иному высказыванию как

выражение его модальной, резко эмоциональной оценки, они становятся модальными словами.

А. Н. Баранов, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина рассматривают в своей работе «Путеводитель по дискурсивным словам» единицы особого типа, к которым в грамматической теории В. В. Виноградова близки модальные слова и которые они по французской традиции называют дискурсивными словами. «Имеются в виду те единицы, которые, с одной стороны, обеспечивают связность текста и, с другой стороны, самым непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, позицию говорящего: то, как говорящий интерпретирует факты, о которых он сообщает слушающему, как он оценивает их с точки зрения степени важности, правдоподобности, вероятности и т. п.» [Баранов, Плунгян, Рахилина, 1993, с. 7]. Функциональная значимость этих единиц важна, по мнению этих ученых, поскольку «именно эти единицы управляют процессом общения: они выражают истинностные и этические оценки, пресуппозиции, мнения, соотносят, сопоставляют и противопоставляют разные утверждения говорящего или говорящих друг с другом и прочее» [Там же]. В вышеуказанной работе выделяются следующие разряды дискурсивных слов русского языка:

1) группа единиц, связанных с идеей «неполноты» (*едва, еле, с трудом*);

2) группа единиц, связанных с идеей «реальности» (*действительно, на самом деле, в действительности*);

3) группа единиц, связанных с идеей «обобщения» (*вообще, в общем, в принципе*);

4) группа единиц, связанных с идеей «полноты» (*вовсе, совсем*);

5) группа единиц, связанных с идеей «минимизации» (*прямо, просто*).

Прагматический потенциал данных единиц заключается в их функции – организовать процесс коммуникативного взаимодействия. «Дискурсивные маркеры обеспечивают связность дискурса за счет демонстрации свойств когезии и когеренции. Когезия обеспечивает формальную связь дискурса и определяется различными типами отношений между составляющими дискурса. Когеренция обеспечивает смысловую организацию текста как единого целого» [Массалина, Новодранова, 2009, с. 208].

От модальных слов отличают модальные частицы, граница между ними, однако, очень неопределенна и подвижна. «В оценке выражения с этой точки зрения играют роль и его фонетические свойства, и его смысловой вес, и система разных его значений, и его функциональные связи с другими словами» [Виноградов, 2001, с. 601]. Функция же таких частиц, по мнению В. В. Виноградова состоит в том, что они «выражают не связи между синтаксическими группами в составе речи, а разные качества самого высказывания или его частей, их отношение к действительности» [Там же].

Г. Хельбиг говорит о том, что оба класса маркируют границу темы и ремы, оба не могут быть подвергнуты отрицанию. В прагматически-коммуникативном плане ни модальные слова, ни модальные частицы, не являясь частью пропозиции, не могут быть интерпретированы на том же семантическом уровне, что и

сама пропозиция, а относятся ко всему высказыванию. Оба класса выражают субъективную модальность, то есть характеризуют отношение к этому миру, а не сам актуальный мир [Helbig, 1990, S. 27].

Г. Хельбиг и Й. Буша выделяют следующие отличительные признаки частиц: 1) частицы не являются самостоятельными членами предложения, они относятся к другим членам предложения; 2) частицы нельзя поставить в препозицию (в отличие от наречий и модальных слов); 3) к частице нельзя поставить вопрос и они самостоятельно не могут составить ответа на вопрос; 4) истинность утверждения нельзя семантически изменить использованием частицы; 5) если элиминировать частицу, грамматически предложение останется корректным; 6) частицы не изменяют истинность утверждения, тем не менее, в коммуникативном аспекте высказывание претерпевает эмоциональную модификацию [Helbig, Buscha, 2000, S.240].

Основные отличительные признаки модальных частиц, по мнению М. Турмэр, состоят в том, что: 1) они несклоняемы; 2) они безударны и не могут быть ударными; 3) они являются факультативными элементами предложения; 4) к ним нельзя задать вопрос; 5) их скопус распространяется на все предложение; 6) их нельзя отрицать; 7) они могут стоять только в центре предложения; 8) в основном они стоят перед ремой; 9) они зависят от модуса предложения; 10) они могут модифицировать иллокутивный тип предложения; 11) они могут комбинироваться между собой (с определенными ограничениями) [Thurmair, 1989, S. 37].

Согласно «Duden. Die Grammatik», модальные частицы выражают предположение, ожидание, внутреннюю установку и, в качестве ответной реакции на предшествующее высказывание, могут означать: несогласие, ограничение, удивление, интерес [DG, S. 371]. К модальным частицам авторы грамматики Duden относятся *aber, auch, bloß, denn, doch, eben, eigentlich, etwa, halt, ja, mal, nur, schon, vielleicht, wohl*. Модальные частицы функционируют в определенных типах предложений: *doch, eben, halt, ja, schon* – повествовательные; *denn, eigentlich, wohl* – вопросительные; *doch, mal, schon* – побудительные; *bloß, doch, nur, vielleicht* – восклицательные и пожелания [ibid.].

Модальные частицы могут образовывать двойные комбинации:

*Hör **doch bloß** auf zu jammern!* (DG)

и тройные комбинации:

*Du hättest mich **ja doch wohl** anrufen können* (DG).

Модальные частицы могут сочетаться с модальными словами:

*Das Gegengeschenk ist „Pflicht“, und Sie wollen Ihren Gastgeber **ja bestimmt** nicht in Verlegenheit bringen* (Ngram).

Функциональным особенностям частиц посвящен ряд работ (см., например: [Аверина, 2017 а, 2017 б; Котюрова, 2017; Николаева, 1985; Соколова, 2011; и др.]).

Частицы лишены номинативной функции, однако их прагматический потенциал не вызывает сомнения. Частицы «передают отношение к ситуации, отношение элементов текста друг к другу, отношения говорящих и отношение говорящего к той системе «общего фонда знаний», которая объединяет

адресанта и адресата. Таким образом, это слова максимально ответственные за удачу общения» [Николаева, 1985, с. 14]. Так, Н. В. Богданова-Бегларян называет дискурсивные единицы, подвергшиеся прагматикализации, то есть ослаблению или утрачиванию ими лексического значения в реальных ситуациях, на смену которому пришло прагматическое значение, или функция в речи, прагматемами [Богданова-Бегларян, 2014, с. 15]. Частицы в высказывании имеют значительную коммуникативную нагрузку. Частицы обладают «дейктическими потенциями, то есть могут указывать на presupпозиции, фокусируя тем самым внимание собеседника на конкретных, релевантных для данной ситуации имплицитных элементах смысла» [Соколова, 2011, с. 85] и, тем самым, служат оптимизации речевой коммуникации. Дискурсивным словам посвящены многие работы, в настоящее время интерес к ним растет, вместе с числом работ в этой области (см., например: [Кибрик, Богданова, 1995 а, 1995 б; Киселева, Пайар, 2003; Fraser, 1990, 1996, 1999; Del Saz, 2007; Shiffirin, 1987]).

К. Киселева и Д. Пайар подчеркивают, что дискурсивные слова не имеют статуса полноправных единиц языка. В русской грамматической традиции наблюдается дробление на разные группы (частицы, вводные слова и др.). Они дают следующее определение дискурсивных слов: «такие языковые единицы, которые придают особый дискурсивный статус некоторому фрагменту дискурсивной последовательности, составляющему сферу действия дискурсивных слов», поэтому специфику семантики дискурсивных слов они называют дискурсивной семантикой [Киселева, Пайар, 2003, с. 8–9]. Актуальным на

сегодняшний день является вопрос о разграничении понятий модальных и дискурсивных частиц, подробный анализ данного вопроса представлен в работе В. Д. Иванова [Иванов, 2018, эл. ресурс].

Своеобразие модальных слов и модальных частиц состоит в их полисемичности и полифункциональности. В прагматическом аспекте значение их велико, несмотря на их «морфологическую невыразительность, семантическую непрозрачность и синтаксическую неоднородность» [Соколова, 2011, с. 84], они определяют иллокутивную силу высказывания и, тем самым, успешность коммуникации.

Одной из отличительных черт устной повседневной речи является вариативность ее единиц, которая в наибольшей степени свойственна сверхчастотным словам, существующим в нашей речи как в своих идеальных фонетических обликах, так и в аллегрных (редуцированных) формах, ср.: «Частота повторения одного слова благоприятствует его изменению и сокращению» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 233–234; Пальшина, 2015, с. 34].

Частота употребления единицы приводит к изменению ее звукового и письменного облика, а также к десемантизации, ослаблению связи формы и содержания, например, *weiß nich – ich weiß es nicht, guckma – guck mal*.

Таким образом, в современной повседневной устной речи буквально на наших глазах происходит процесс прагматикализации (см.: [Günthner, Mutz, 2004; Graf, 2011, S. 288, 296; Богданова-Бегларян, 2014]), в ходе которого определенные грамматические формы, отдельные лексемы

переходят на коммуникативно-прагматический уровень языка и иногда становятся «сугубо прагматическими единицами, выражающими различные реакции говорящего на окружающую действительность и имеющими форму самостоятельных высказываний» [Graf, 2011, S. 296; Пальшина, 2015, с. 36].

Процесс прагматикализации, как и собственно класс дискурсивных маркеров, обычно описывается с точки зрения незначительных частей речи, что можно видеть на примере анализа материала разговорной речи в немецком языке. По словам Р. И. Бабаевой, «с точки зрения выполнения прагматических функций в дискурсе служебные слова немецкого языка могут быть разделены на три группы:

1) слова с первичными прагматическими функциями (прагмалексемы) – *частицы и междометия*; основным назначением этих слов является обслуживание прагматической стороны дискурса: класс междометий призван быть показателем эмоциональности обиходного дискурса; основное назначение модальных частиц – вербализация субъективно-модального аспекта обиходного дискурса; специальные диалогические частицы вносят вклад в формирование структуры и организации дискурса, обеспечивая тем самым речевое взаимодействие коммуникантов; для названных классов выполнение указанных прагматических функций является категориальным признаком, на основе которого они объединяются в функциональные классы;

2) слова с вторичными прагматическими функциями – *союзы*;

3) слова, для которых выполнение прагматических функций является лишь дополнительным аспектом, который может в

определенных контекстах обогащать основное значение, – *предлоги*» [Бабаева, 2008, с. 7].

Переход знаменательных слов в прагмалексемы осуществляется в результате изменений в семантике лексических единиц, когда происходит повышение роли прагматического компонента и уменьшается значимость денотативного и сигнификативного элементов, данные процессы сопровождаются изменениями в употреблении (например, нереализованная валентность, нестандартный порядок слов и пр.). Лексикализация фраз в повседневном общении связана с автоматизмом речи и закреплением прагматической функции за конструкцией в целом. Зачастую изучаемые единицы представляют собой не отдельные лексемы, а целые конструкции, которые могут иметь несколько вариантов употребления (*weißt du, ehrlich gesagt, ich sag mal so*) [Богданова-Бегларян, 2014, с. 10]. Мы называем данный класс слов *дискурсивными маркерами*.

Неоднородность класса дискурсивных маркеров позволяет построить некую шкалу степеней прагматикализации: от менее десемантизированных к утратившим значение полностью и имеющим лишь функцию как внутри класса (вводные слова → аппроксиматоры → ксенопоказатели → дискурсивные маркеры → дейктические единицы → вербальные хезитативы → ритмообразующие вставки), так и для отдельной единицы [Маслова, 2016, с. 33].

Таким образом, каждый дискурсивный маркер приобретает новые прагматические значения, которые зависят от того контекста, в котором он употребляется.

1.4.3. МЕЖДОМЕТИЯ В КАУЗАТИВНОЙ СИТУАЦИИ

Междометия, безусловно, относятся к эмоциональной сфере речевого общения. «Междометия составляют в современном языке живой и богатый пласт чисто субъективных речевых знаков, а именно – знаков, служащих для выражения эмоционально-волевых реакций субъекта на действительность, для непосредственного эмоционального выражения переживаний, ощущений, аффектов, волевых изъявлений» [Виноградов, 2001, с. 611]. Поскольку основная функция междометий состоит в том, чтобы выражать чувства и ощущения, то в ситуациях с эмотивными каузативами происходит усиление эмотивного компонента и междометия выступают в роли интенсификаторов.

*Успокойтесь, **ради бога**, успокойтесь, это прежде всего!
Смотрите, не то я сам заплачу...* (Ngram)

***Ой**, успокойтесь, помолчите лучше, Наталко, чтобы худшей беды не накликать* (Ngram).

*Ух, уважил, полковник, **ух**, **рассмешил**, – отирая слезы, наконец, выговорил он* (Ngram).

*Ой, не могу больше! Брось играть, Емелюшка! Уморился я!
Смилуйся, Емеля, перестань! **Ох**, ты! **Развеселил**, потешил!* (Ngram).

И это бесит! Господи, как же это порой бесит! (Ngram); *O freuen Sie sich, freuen Sie sich, lieber Doktor!* (Ngram).

***Ach**, lass dich überraschen* (Ngram).

Ach beruhigen soll ich mich? Wie denn? Wie soll ich mich beruhigen, wenn mich der Mann, der mir seine ewige, aufrichtige Liebe geschworen hat, über ein halbes Jahr und wer weiß wie viele Ficks angelogen hat? (Ngram).

Ach, zerstreue meine Trauer! (Ngram).

Beruhigen Sie sich, oh, beruhigen Sie sich, wir werden alles besprechen (Ngram).

Oh, freuen Sie sich doch mit mir – ich küsse Sie und Ihre Frau (Ngram).

Междометия представляют собой «класс неизменяемых слов, лишенных специальных грамматических показателей и обладающих особой экспрессивно-семантической функцией – выражения чувств и волевых побуждений» [Ахманова, 1966, с. 217].

А. Вежбицкая выделяет три типа междометий в зависимости от ментального состояния или ментального действия говорящего:

(1) эмотивные (имеющие в семантике компонент «я нечто чувствую»);

(2) волитивные (имеющие в своей семантике компонент «я нечто хочу» и не имеющие компонента «я нечто чувствую», например, английское *Sh!* или польское *Sza!* «веди себя тихо»);

(3) когнитивные (имеющие в своей семантике компонент «я нечто думаю» или «я нечто знаю» и не имеющие ни эмотивного, ни волитивного компонента, например, английское *Aha* «понимаю») [Вежбицкая, 1999, с. 618].

Е. В. Середа представляет междометную систему в виде трехступенчатой классификации по полювому принципу. К центру этой системы (I ступень) относятся ядерные (типичные)

междометия, обладающие полным набором оригинальных междометных свойств. Периферию поля (II ступень) образуют переходные явления, совмещающие дифференциальные признаки междометий с некоторыми признаками знаменательных или служебных частей речи [Середа, 2013, с. 30]. Первую ступень составляют эмоциональные междометия *а, ай, ах, брр, о, ой, ох, ух, уф, фрр, фу* [Середа, 2013, с. 35]. Они, в свою очередь, делятся на эмоционально-рефлекторные, например,

– выражение испуга:

Ай, ай, как изба настудилась! (НК).

Вдруг он схватил со стола мраморную античную голову.

Ай! – вскрикнула Люда. – *Он нас убьёт!* (НК)

– выражение досады:

Но ничего умного придумать не смог и с досадой пробасил: –

Ай, да что там говорить! – Сами догадайтесь...» (НК)

– выражение огорчения:

Ираклий пощелкал языком: – Ай-яй, беда какая! И что же будете делать? (НК)

и оценочно-интеллектуальные [Середа, 2013, с. 34–35], как например:

– выражение сожаления:

Я отвечал, что она осталась в крепости на руках у попадьи.

– Ай! Ай! Ай! – заметил генерал (НК).

– выражение одобрения:

Приготовил? – он быстро посмотрел на меня. – Ай, какой молодец. Неси скорее сюда (НК).

– выражение восхищения:

Ай да герой! – крикнул директор в восторге (НК);

Братья потирали в восторге руки, хихикали: "Ай да мы!" (НК)

О том, что именно эмоциональные междометия составляют типичный разряд междометий, говорит и А. И. Германович. К общим признакам междометий он относит: а) отсутствие лексического значения, б) отсутствие обычных форм словообразования и словоизменения, в) выражение содержания (значения) междометий разнообразной и богатой интонацией, г) сопровождение интонации междометий всегда соответствующей мимикой, жестом [Германович, 1966, с. 13].

С точки зрения этимологии и структуры междометия представляют собой необычайно разнородный класс. «Необходимость выражения эмоций обусловила объединение разных языковых фактов, вовлеченных мощным процессом интеръективации» [Там же, с. 73]. Этимологически выделяют две группы: первичные (непроизводные) и производные от полнозначных лексем, которые «в результате переосмысления и трансформации смысловой структур стали средством экспликации эмотиво-волеизъявительного аспекта в высказывании» [Яковлева, 2017, с. 19]. С точки зрения структуры, междометия делят на простые и составные. Как правило, непроизводные междометия являются простыми, а производные – составными, и могут быть разложены далее на структурные подтипы в зависимости от того, из каких частей речи они возникли.

Например, непроизводные междометия – социально осмысленные выкрики человека, служащие для выражения эмоций и волеизъявлений: *Ah! Oh! He! Ei! Pfu! Ax! Oх! O! Эй! Тьфу!*

Производные междометия – слова, словосочетания и предложения, утратившие в определенных коммуникативных

условиях номинативную функцию и структурную членимость. *Gott! Himmel! Donnerwetter! Potzblitz! Du meine Güte! Herr im Himmel! Donner und Doria! Hast du eine Ahnung! Verflucht und zugenäht! Du kriegst die Tür nicht zu! Dass ich nicht lache! Господи! Святые угодники! Боже мой! Вот тебе и на! Вот так клюква! Идешь и пляшешь!* [Петрашук, 2011, с. 59.].

Специфику функционирования междометий составляет актуализация экспрессии, в результате чего они могут служить повышению иллокутивной силы высказывания. «Обладая минимальным смысловым потенциалом в изолированном виде, междометия максимально реализуют его в речи, то есть при функционировании, способствуя достижению определенного коммуникативного эффекта» [Турды-Аханова, 2015, с. 27–28].

Так, например, Е. Г. Никулина делает заключение, что употребление аффективных маркеров в конце XX в. по сравнению с XIX в. увеличилось на 20 %. Также исследователь фиксирует и качественные изменения в данном классе; в литературе XXI в. отмечается большее их разнообразие, здесь встречается более яркий спектр междометий, появляются новые междометные высказывания, что подчеркивает высокую эмоциональную насыщенность речи современного человека [Никулина, 2015, с. 114]. «Междометия являются неотъемлемой частью лексических средств выражения категории эмотивности... используются современными авторами для усиления какого-либо эмоционального состояния; они придают дополнительный эмоциональный оттенок высказыванию» [Эбзеева, Ленько, 2016, с. 149].

Междометия являются источником словообразования. Можно выделить ряд глаголов, существительных и устойчивых выражений, актуализирующих эмоциональную модификацию и образованных от междометий и ономастопей.

Ach (вздых): *ächzen* (ахать, охать, стонать, кряхтеть);

Achje! (Ах, как жаль!) *Ach du Schreck!* (Боже мой! Какой ужас!) *Ach du meine Güte!* (Ах, ты мой хороший!);

Ätsch (означает издевку, ехидство): *ätschen* (злорадствовать, высмеивать);

Au (ай, ой): *Au weh!* (Увы!) *Au Backe!* (Ой-ой-ой!);

Blaff (звук удара, падения): *blaffen* (ругаться);

Brumm (рычание собаки): *brummen* (ворчать), *der Brummbär* (ворчун, брюзга);

Buh (возглас недовольства): *buhen* (криками выражать недовольство);

Klaff (лай собак): *klaffen* (собачиться, тявкать), *der Kläffer* (брюзга, ворчун);

Klatsch (отрывистый, легкий звук от легкого удара): *klatschen* (аплодировать, рукоплескать). *Halt deinen Mund, sonst klatscht's!* (Заткнись, а то получишь по шее (по морде));

Knick (звук при разламывании дерева): *In die Knie vor jemandem knicken* (упасть перед кем-либо на колени). *Jemandem das Herz knicken* (разбить чье-либо сердце);

Krach (внезапный отрывистый громкий удар): *Einen Krach machen* (*schlagen*) (устроить скандал, шуметь, скандалить). *Der Krachmacher* (крикун, буйан);

Lullu (хлюпанье, плеск): *lullen* – убаюкивать, успокаивать, укачивать;

tucken – издавать, слабый звук, пикнуть (о человеке):
tucksen (1. роптать, ворчать, протестовать, возмущаться 2.
дуться на кого-либо, надуть губы, быть не в настроении)
[Шляхова, Шестакова, 2011].

Таким образом, междометия являются одним из наиболее ярких способов актуализации экспрессивности и эмотивности в речи, и, как правило, сопровождаются соответствующими интонацией, мимикой и жестами. Это важно для производных междометий, поскольку их характерной чертой является многозначность, и актуализируемая эмоция может быть декодирована только в конкретной ситуации с учетом всех экстралингвистических средств. Непроизводные междометия, в отличие от производных, скорее устойчивый класс лексем, не подверженный расширению, однако необходимо отметить, что данная группа междометий отличается крайней многозначностью, так что одно междометие может актуализировать практически всю палитру как отрицательных, так и положительных эмоций.

1.4.4. ФУНКЦИИ МЕЖДОМЕТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Междометия не обладают номинативной функцией, так как являются только речевыми знаками, словами-сигналами, употребляемыми для кратчайшего выражения реакции человека на различные события реальной действительности или для выражения требования, желания, повеления. Междометия делятся на первообразные (состоящие из одного или двух-трех

звуков, иногда они двукратно или трехкратно повторяются – *А! Ух! Ба! Гм! Ай-ай! Ой-ой-ой!*) и междометия производные, образованные от полнозначных слов, теряющих номинативную функцию и произносимых с сильной эмоционально-экспрессивной окраской (*Боже мой! Господи боже мой! Так тебе и надо! Батюшки! Скажи на милость!*) [ССЛГ]. Особенность междометий как класса языковых единиц состоит в том, что они «не имеют постоянного, закрепленного денотата, а только эмоциональное значение – коннотацию» [Холодионова, 2016, с. 160].

Обратимся к производным междометиям. Вопрос границ данного класса на сегодняшний день не решен лингвистами окончательно. Многие лингвисты (Квеселевич Д. И., Сасина В. П. [2001], Коминэ Ю [1999 а, 1999 б], Кунин А. В. [2005], Куклина И. Н. [2006] Яковлева Е. В. [2016, 2017] и др.) относят к классу междометий и так называемые междометные высказывания: «свободные словосочетания и другие единицы, утратившие первоначальное значение и выступающие в функции междометий» [Коминэ, 1999 а]. В последнем случае важную роль играет процесс десемантизации: «одним из самых продуктивных способов пополнения системы вторичных составных релятивов и междометий служит в любом языке переосмысление единиц различных уровней языка (свободных словосочетаний, предложений), претерпевающих трансформацию и десемантизацию с параллельной актуализацией контекстуального и ситуативного и создающих тем самым новые устойчивые знаки эмотивных ситуаций» [Яковлева, 2017, с. 20]. «В результате экспрессивного переосмысления

междометные фразеологические единицы превращаются в обобщенные выразители эмоций и волеизъявления, а иногда и того, и другого вместе, вследствие чего значение подобных междометных образований является немотивированным» [Кунин, 2005, с. 420].

Междометные фразеологизмы выполняют ту же функцию, что и междометие – выражение эмоций. Как и междометие, они не являются членами предложения, занимая обособленную позицию. Общими категориальными признаками междометных фразеологических единиц являются их «специфическая синтаксическая функция в качестве самостоятельных интонационно оформленных нечленимых фраз и общее значение реакции на соседнюю реплику или ситуацию» [Русская разговорная речь, 1983, с. 92–93]. К свойствам фразеологизмов относятся целостность значения, воспроизводимость и устойчивость. «Устойчивость фразеологических единиц проявляется в их способности воспроизводиться, но не организовываться в процессе речи» [Шишимер, 2016, с. 125]. Таким образом, междометные фразеологизмы обладают формальными признаками фразеологизмов, в функциональном аспекте представляют собой средство актуализации эмоционального отношения. «Отраженное сознанием обобщенное выражение эмоции, эмоционального состояния является сигнификатом междометия. Компоненты эмотивности (экспрессивность, интенсивность, оценочность) составляют коннотативный аспект междометия. Денотативный аспект междометной семантики проявляется в соотношении междометия в каждом отдельном случае контекстной

реализации с экстралингвистической ситуацией» [Кунин, 2005, с. 420].

«Междометные фразеологизмы представляют собой особый разряд фразеологии русского языка – они устойчивы в языке, воспроизводимы в речи, обладают целостным значением, придают речи живость и образность. В то же время, грамматическая форма данных оборотов неизменяема, семантика специфична, поскольку отличается выразительной эмоциональной насыщенностью» [Шишимер, 2016, с. 128].

С точки зрения структуры предложения междометные фразеологизмы, как все междометия, не обладают грамматическими признаками и не являются членами предложения. «Междометие означает слова, являющиеся выразителями внешних и внутренних ощущений, а также звукоподражаний и вызывающие представления о грамматических категориях только постольку, поскольку они употребляются как эквиваленты глаголов [Шахматов, 2001, с. 423]. «Значение фразеологизмов междометного характера связано с экспрессивно-эмоциональной, волевой сферой поведения человека, непосредственным выразителем которой они являются, и не вытекает из номинативных значений слов, входящих в их структуру. Междометные фразеологизмы представляют сочетания полнозначенательных слов, в которых лексико-грамматические связи имеют значение только как средство внешней организации» [Куклина, 2006, с. 66].

«Междометные и релятивные конструкции, вербализующие особую эмотивную составляющую в текстах различных функциональных стилей, представляются комплексными,

организованными этноспецифическими, культурологическими структурами» [Яковлева, 2016, с. 218]. Междометные фразеологические единицы «составляют самобытность любого языка: они отражают специфику языка, стратегии общения между людьми, уровень эмоциональности носителей того или иного языка» [Литовкина, 2005, с. 3]. В. Ю. Меликян отмечает тенденцию к увеличению количества нечлененых предложений, объясняя это стремлением языка «к конвенциализации, устойчивости, системности, регулярности и объясняется такими наиболее характерными свойствами нечлененых синтаксических построений, как экономность, эмоциональность и высокой степени экспрессивность. Нечлененые предложения выступают в качестве одного из наиболее ярких средств эмоционально-экспрессивной экспликации коммуникативного смысла» [Меликян, 2004, с. 57]. «Подобно междометиям, такие фразеологизмы выражают волеизъявления, чувства, выступая как отдельные нерасчлененные предложения» [Ройзензон 1977, с. 115].

На примере междометных фразеологических конструкций мы наблюдаем процесс прагматизации. Они в той же мере выполняют функции эмотивного каузатива, подобную лексическому или аналитическому каузативу, но здесь мы имеем дело с «выкристаллизованным» с течением времени устойчивым оборотом, за которым закрепились в речи функции побуждения к определенной эмоции.

Функционально-семантическая категория представляет собой систему разноуровневых средств языка, объединенных общностью их семантических функций, и обладающая

определенными связями с категориями мышления. Обращение к функционально-семантическим категориям позволяет осуществить динамический подход и исследовать языковые единицы в направлении от функции к системе средств выражения данной категории. Функциональный подход подразумевает, что ведущей является коммуникативная функция, поэтому рассматривается взаимодействие уровней языка в процессе их реализации в речи. В описании языковой системы используются термины «функционально-семантическая категория» и «функционально-семантическое поле», а при описании речевой реализации семантической категории – понятия «категориальная ситуация» и «среда». Понятия функционально-семантической категории и категориальной ситуации сочетаются с традиционным понятием грамматической категории, но не являются тождественными.

В данной работе рассматривается функционально-семантическая категория каузативности, которая связана с универсальной логической категорией причинности, выделяемой еще в античной философии. В лингвистике каузативные отношения и особенности каузативных конструкций рассматривались на морфологическом, лексическом, синтаксическом уровне. Каузация включает каузальность и каузативность. Каузальность представляет собой причинение через обусловленность, каузативность отражает интерперсональное взаимодействие, в результате которого модифицируется одна из сфер антропонимического характера. Выделяются модификация физической, перцептивной, психической и информативной сфер. Класс глаголов

интерперсональной семантики является основным средством актуализации каузативности. Эмотивные каузативы образуют отдельную подсистему, поскольку обладают рядом семантико-синтаксических особенностей. Категориальными семами являются семы каузации и эмотивности, вместе образующие эмотивно-каузативный категориальный семантический комплекс. Семантика эмотивности и каузативности может быть реализована разными средствами и представлена в виде функционально-семантического поля. В процессе реализации в речи данное поле взаимодействует с другими функционально-семантическими полями (полями смежных категорий).

Эмотивность как лингвистическая категория привлекает большое внимание лингвистов, поскольку эмоциональная составляющая неотделима от человеческой природы и, следовательно, изучение отражений эмоций в языке и речи необходимы. С прагматической точки зрения необходимо разделять категории эмотивности и категорию экспрессивности, поскольку функция экспрессива заключается в усилении воздействующей силы слова, словосочетания, высказывания. Однако в основе экспрессивности лежит эмоция, под воздействием эмоций возникает экспрессия, которая, в свою очередь, вызывает эмоцию. Таким образом, эмотивность и экспрессивность представляют собой две взаимосвязанные категории.

Эмоции, как правило, несут в себе определенный оценочный знак: положительный либо отрицательный. Оценка же, в свою очередь, вызывает позитивные или негативные эмоции. Таким образом, наблюдается тесная связь категорий эмотивности, экспрессивности и оценочности. Прагматическая роль оценочного

высказывания очень высока. Эмоции и оценка являются обязательными составляющими языковой картины мира.

Тесно связана с категорией эмотивности также и категория интенсивности, актуализирующая меру эмоциональности, оценочности и экспрессивности. Данные категории обнаруживают признаки сходства в средствах, функциях и целях, поэтому их границы диффузны. В целом, межкатегориальное взаимодействие эмотивности, интенсивности и оценочности приводит к усилению экспрессивной силы высказывания, и тем самым, перлокутивного эффекта, что, несомненно, представляет интерес с прагматической точки зрения.

Мы рассматриваем ситуацию каузации эмоциональной модификации как категориальную; к элементам среды функционирования эмотивных каузативов относятся наречия, модальные слова, модальные частицы и дискурсивные маркеры, междометия и междометные фразеологизмы, функции которых заключаются в актуализации категорий интенсивности, оценочности и экспрессивности. Роль вышеуказанных средств важна – они отвечают за межкатегориальное взаимодействие. Поэтому изучение функционирования эмотивных каузативов требует обращения к этим классам слов.

ГЛАВА II.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭМОТИВНЫХ КАУЗАТИВОВ

2.1. ПРОТОТИПИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА АКТУАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ МОДИФИКАЦИИ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Эмоции являются важной частью человеческого сознания и деятельности, «все когнитивные процессы сопряжены с эмоциями» [Шаховский, 2009 а, с. 12]. Когнитивная функция эмоций проявляется в нескольких ролях: давать толчок к познанию, компенсировать недостаток знания, быть катализатором познавательного процесса [Там же, с. 6]. Эмоциями пронизана вся речь человека, поэтому познание человека как языковой личности невозможно представить без их изучения. Наше исследование посвящено эмотивным глаголам, а именно эмотивным каузативам, поскольку «структурное ядро класса глаголов эмоции составляют каузативы, которые обозначают не психическое состояние, а психическое воздействие» [Падучева 2004, с. 276].

Эмотивные каузативы содержат в своем семантическом потенциале значение модификации психического состояния. То есть они обозначают такую ситуацию, когда в результате целенаправленного или случайного воздействия одного лица происходит изменение эмоционального состояния другого лица. Таким образом, лексемы интерперсональной семантики имеют выраженный антропоморфный характер. Выделяют каузативы,

актуализирующие положительное эмоциональное, отрицательное эмоциональное и аксиологически нейтральное состояние [Шустова, Ошева, 2015, с. 128]. К положительной модификации эмоционального состояния относится, например, каузация радости, ободрения, восхищения, поддержки, счастья и так далее. Отрицательная модификация – это каузация гнева, злости, печали, ненависти, раздражения и так далее. Таким образом, в семантическом потенциале глаголов положительной или отрицательной группы заложена оценка результата каузативного действия. Группа глаголов, актуализирующих нейтральную эмоциональную модификацию, выделяется скорее условно, поскольку эти каузативы не содержат оценки результата действия в своем значении, но, в зависимости от ситуации и контекста, они будут реализовывать значения либо положительного, либо отрицательного изменения эмоционального состояния.

Далее в каждой из этих трех групп были выделены базовые глаголы, произведен дефиниционно-синонимический анализ, построено семантическое поле, методом сплошной выборки произведен отбор контекстов с базовыми эмотивными каузативами из корпусов Leipzig Corpora Collection¹, dwds.de², а также из Национального корпуса русского языка³ и исследовательского ресурса Google Books Ngram Viewer⁴. Полученные контексты были проанализированы на наличие маркеров интенсивности,

¹ <http://www.corpora.uni-leipzig.de/> – Suche in 393 korpusbasierten monolingualen Wörterbüchern in 252 Sprachen.

² <https://www.dwds.de/> – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache.

³ <http://www.ruscorpora.ru/> – Национальный корпус русского языка.

⁴ <https://books.google.com/ngrams> – Исследовательский ресурс.

итеративности, экспрессивности, оценочности. Были произведены анализ и интерпретация среды – контекстуального и категориального окружения, с которым взаимодействует эмотивный каузатив.

2.1.1. ЭМОТИВНЫЕ КАУЗАТИВЫ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ МОДИФИКАЦИИ

Для определения базовых глаголов мы обратились к электронному ресурсу Leipzig Corpora Collection, который представляет собой проект Лейпцигского университета по корпусным исследованиям более чем 250 языков. Корпус включает толкование слова, синонимические ряды, статистические данные, контексты с данным словом, семантические графы. Одним из важных для нашего исследования параметров, предлагаемых данным проектом, является распределение лексем на классы по частотности. При этом, у первого класса самая высокая частотность, далее, чем выше класс, тем ниже частотность, то есть у второго класса частотность будет ниже, чем у первого класса и т. д. Выделив группу синонимов, актуализирующих эмоциональную модификацию положительного тона, в качестве рабочего материала были выбраны глаголы с классом частотности от 8 до 14: freuen (8), genießen (10), unterhalten (11), begeistern (11), erheben (11), erfreuen (12), überraschen (12), beleben (13), anregen (13), ablenken (13), ermutigen (13), amüsieren (14), zerstreuen (14), beflügeln (14), vergnügen (14), ermuntern (14), beschenken (14).

Дефиниционный анализ позволяет сделать вывод о том, что указанные глаголы являются эмотивными каузативами, в словарях зафиксированы значения каузации эмоциональной модификации, поскольку все они демонстрируют каузативное значение, актуализируемое глаголами *bringen, machen, lassen, versetzen, bereiten, sorgen, wecken, erwecken*. Сема эмотивности представлена у всех глаголов, кроме *beschenken*. Эмотивное значение данный глагол приобретает в контексте:

– *Und aus Freude darüber beschenken wir uns gegenseitig* (Corpora).

Анализ словарных дефиниций позволяет выявить значение синкретизма. У следующих глаголов сема каузативности в дефинициях представлена эмотивным каузативом: **freuen** – *erfreuen*; **unterhalten** – *belustigen*; **überraschen** – *erfreuen*; **beleben** – *anregen*; **anregen** – *ermuntern, begeistern, beleben, inspirieren, anreizen*; **ablenken** – *zerstreuen*; **amüsieren** – *unterhalten, belustigen, vergnügen, stimmen, erheitern*; **beflügeln** – *beleben, anspornen, anregen, beleben*; **vergnügen** – *unterhalten, belustigen, amüsieren*; **ermuntern** – *beleben, aufheitern, anfeuern, ermutigen, aufmuntern*; **zerstreuen** – *ablenken, unterhalten, abzulenken*.

На следующем этапе нашей работы по исследованию каузативов положительной эмоциональной модификации немецкого языка была предпринята попытка оценить степень синонимичности на основе анализа их дефиниций, в которых происходит «передача одного слова с помощью других, причем определяющее имеет больше элементов, чем определяемое, и всегда классифицирует, позволяя выделить иерархию сем в

составе значения» [Арнольд, 1991, с. 54]. Лексемы в синонимическом ряду объединены общим смыслом, являются актуализаторами одной понятийной категории. Анализ синонимического ряда позволяет выделить систему иерархических отношений между словами с общим значением. Очевидно, что слова, наиболее точно отражающие понятийную основу, чаще попадают в синонимический ряд. Поэтому, базовыми являются лексемы с наибольшим числом синонимических корреляций, полученных в результате анализа дефиниций из нескольких словарей. Для анализа эмотивных каузативов, определенных ранее как наиболее частотных, использовались следующие ресурсы: Duden-online, Synonym-Wörterbuch, Universalwörterbuch, dwds.de, Wörterbuch der Synonyme, Leipzig Corpora Collection. Исследуемые глаголы демонстрируют следующие показатели степени синонимичности: unterhalten (31), erfreuen (31), amüsieren (31), vergnügen (28), ermuntern (27), anregen (25), zerstreuen (22), beflügeln (20), ermutigen (19), begeistern (18), freuen (16), ablenken (15), genießen (14), beleben (11), erheben (6), überraschen (4), beschenken (2).

Степень синонимичности стала определяющим критерием в построении семантического поля эмотивных каузативов положительной модификации эмоционального состояния. Модель семантического поля представлена на рис. 11.

Данный разряд каузативов правомерно рассматривать как «семантическое поле», так как они представляют собой группу синонимических корреляций, единицы поля связаны отношениями взаимозависимости, с четко выраженной

доминантой. В качестве доминанты (ядра) поля выступают глаголы *erfreuen*, *unterhalten*, *amüsieren*. К ядерной части можно отнести также лексемы *anregen*, *ermuntern* и *vergnügen*, так как они имеют достаточно высокую степень синонимичности в словарях. В зоне ближней периферии находятся глаголы *freuen*, *ermutigen*, *zerstreuen*, *beflügeln*, *begeistern*, в зоне дальней периферии – *beleben*, *genießen* и *ablenken*, и в зоне крайней периферии – *beschenken*, *überraschen* и *erheben*.

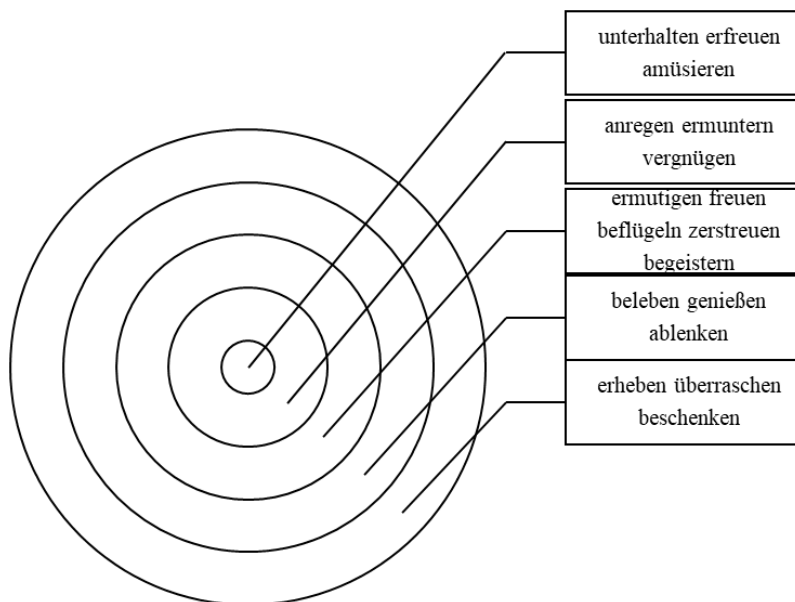

Рис. 11. Семантическое поле эмотивных каузативов
положительной модификации в немецком языке

Далее аналогичная работа была проделана в отношении эмотивных каузативов русского языка¹. С помощью ресурса Leipzig Corpora Collection были определены наиболее частотные русские глаголы, актуализирующие каузацию положительной модификации эмоционального состояния у объекта каузации: поддерживать (10), радовать (12), отвлечь (13), порадовать (13), покорить (14), оживить (14), поощрить (15), зажигать (15), развлекать (15), осчастливить (16), утешать (16), вдохновлять (16), очаровывать (17), веселить (17), ободрять (17), восхищать (17).

Все глаголы этой группы демонстрируют наличие семы каузативности и семы эмотивности, что позволяет нам их с полным правом отнести к эмотивным каузативам.

Следующий этап работы по изучению каузативов положительной эмоциональной модификации русского языка заключался в оценке степени их синонимичности. Для анализа использовались следующие ресурсы: электронные словари синонимов русского языка на портале «Словари и энциклопедии на Академике»: словарь-тезаурус синонимов русской речи, словарь русских синонимов; электронные словари синонимов <http://isynonym.ru/ru/> и <https://sinonimus.ru/>; словари синонимов на справочно-информационном портале «Грамота.ру» и на портале «Classes.ru» и «Толковый словарь русских глаголов» под редакцией Л. Г. Бабенко. Указанные ранее эмотивные каузативы положительной семантики имеют следующие показатели

¹ Выборка глаголов русского языка осуществлялась: Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: Ок. 11000 синоним. рядов. 6-е изд., переработ. и доп. М.: Русский язык, 1989. 495 с.

степени синонимичности: веселить (20), поощрить (13), радовать (13), развлекать (10), ободрять (9), восхищать (9), утешать (8), порадовать (6), осчастливить (6), зажигать (5), очаровывать (5), вдохновлять (4), поддерживать (4), оживить (4), покорить (3), отвлечь (2).

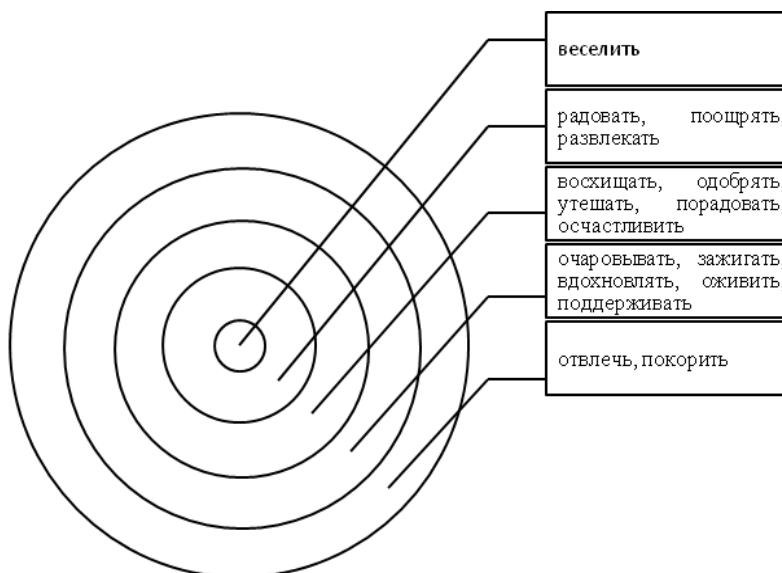

Рис. 12. Семантическое поле эмотивных каузативов положительной модификации в русском языке

Семантическое поле, построенное на основе анализа синонимических корреляций, состоит из 5 зон, доминантную зону поля занимает глагол *веселить*, который демонстрирует наибольшее количество корреляций. Центральную зону занимают лексемы *радовать*, *поощрять*, *развлекать*. К зоне

ближней периферии относятся каузативы *woschiitzen*, *odobryat*, *uteshat*, *poradowat*, *oschastliwitat*. В зоне периферии расположены глаголы *ocharowywawat*, *zazhigat*, *wдохновлять*, *оживить*, *podderzhawat*. Зону дальней периферии составляют лексемы *otwlech* и *pokorit*.

Таким образом, основываясь на критериях частотности и синонимичности, были построены семантические поля эмотивных каузативов положительной эмоциональной модификации в немецком и русском языках.

2.1.2. ЭМОТИВНЫЕ КАУЗАТИВЫ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ МОДИФИКАЦИИ

На следующем этапе были выделены базовые каузативы отрицательной модификации эмоционального состояния. На этапе работы с ресурсом Leipzig Corpora Collection были определены наиболее частотные лексемы данной группы. Поскольку среди данного вида эмотивных каузативов не встретилось глаголов с частотностью выше 12 класса, нами были выбраны лексемы с наибольшей частотностью, это оказались 12–15 классы: *aufbringen* (12), *ärgern* (12), *provozieren* (12), *aufregen* (13), *quälen* (13), *erregen* (14), *aufziehen* (14), *reizen* (14), *plagen* (15), *belästigen* (15), *auffahren* (15), *verärgern* (15), *empören* (15). Анализ словарных дефиниций данных лексем позволяет сделать вывод о том, что все эмотивные каузативы этой группы демонстрируют каузативное значение, актуализируемое глаголами *bringen*, *machen*, *lassen*, *versetzen*, *bereiten*, *sorgen*, *wecken*, *erwecken*. Сема эмотивности

представлена у всех глаголов, таким образом все глаголы этой группы являются эмотивными каузативами.

А ряд глаголов имеет значения синкретизма. У следующих глаголов сема каузативности в дефинициях представлена эмотивным каузативом: **aufbringen** – *erzürnen, erregen, aufreizen, erzürnen; aufwiegeln; ärgern* – *erzürnen; aufregen* – *erregen, empören, beunruhigen; quälen* – *beunruhigen; erregen* – *reizen, aufregen, anregen; aufziehen* – *hänseln, necken, verspotten; reizen* – *ärgern, erregen, peinigen, erzürnen, provozieren; plagen* – *quälen, belästigen, beunruhigen; verärgern* – *ärgern; empören* – *erzürnen*.

Далее была произведена попытка оценить степень синонимичности наиболее частотных, согласно данным Leipzig Corpora Collection, каузативов отрицательной модификации эмоционального тона. Указанные лексемы имеют следующие показатели синонимичности: *ärgern* (42), *aufregen* (32), *aufbringen* (29), *verärgern* (27), *erregen* (22), *reizen* (22), *plagen* (19), *empören* (17), *belästigen* (16), *quälen* (15), *provozieren* (14), *aufziehen* (13), *auffahren* (3).

Синонимический потенциал является критерием для построения семантического поля, лексемы с наибольшей степенью синонимичности составляют ядро поля, с наименьшей – дальнюю периферию. Модель поля эмотивных каузативов отрицательной модификации эмоционального состояния представлена на рис. 13.

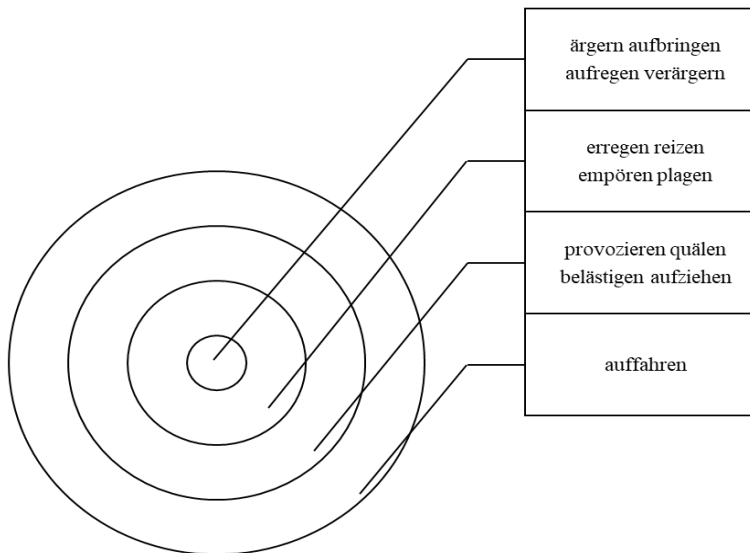

Рис. 13. Семантическое поле эмотивных каузативов отрицательной модификации в немецком языке

Как следует из рис. 13, ядро поля составляют глаголы *ärgeren*, *aufbringen*, *aufregen*, *verärgern*, которые насчитывают наибольшее количество корреляций. Зона ближней периферии представлена каузативами *erregen*, *reizen*, *empören*, *plagen*. Зона дальней периферии включает глаголы *provizieren*, *quälen*, *belästigen*, *aufziehen*, в зоне крайней периферии находится глагол *auffahren*.

Далее мы обратились к глаголам, каузирующим модификацию отрицательных эмоций в русском языке. В результате работы с ресурсом Leipzig Corpora Collection, были выделены 18 лексем с классами частотности от 13 до 17:

угрожать (13), грозить (13), доводить (13), беспокоить (14), мучить (14), раздражать (14), напугать (14)б оскорблять (14), обижать (15), терзать (16), расстраивать (16), надоедать (16), дразнить (16), испугать (16), нервировать (17), разозлить (17), досаждать (17).

Анализ дефиниций показал, что все глаголы содержат в своем семантическом потенциале эмотивный и каузативный компоненты, что доказывает их принадлежность к классу эмотивных каузативов.

Далее проводился дефиниционно-синонимический анализ с помощью вышеуказанных источников. В результате была установлена степень синонимичности вышеуказанных лексем: беспокоить (18), мучить (17), раздражать (17), надоедать (15), обижать (15), досаждать (12), оскорблять (11), расстраивать (11), терзать (10), огорчать (10), дразнить (9), испугать (7), нервировать (7), угрожать (7), напугать (6), разозлить (5), грозить (5), доводить (3).

На рисунке 14 отображены результаты следующего этапа работы – определения степени синонимичности глаголов, представленные в виде семантического поля.

В ядерной зоне поля находятся лексемы *беспокоить*, *мучить*, *раздражать*, *обижать* и *надоедать*, ближнюю зону составляют глаголы *досаждать*, *оскорблять*, *расстраивать*, *терзать*, *огорчать* и *дразнить*, в зоне ближней периферии каузативы *испугать*, *нервировать*, *угрожать*, *напугать*, *разозлить* и *грозить*, зону дальней периферии с числом корреляций 3 составляет глагол *доводить*.

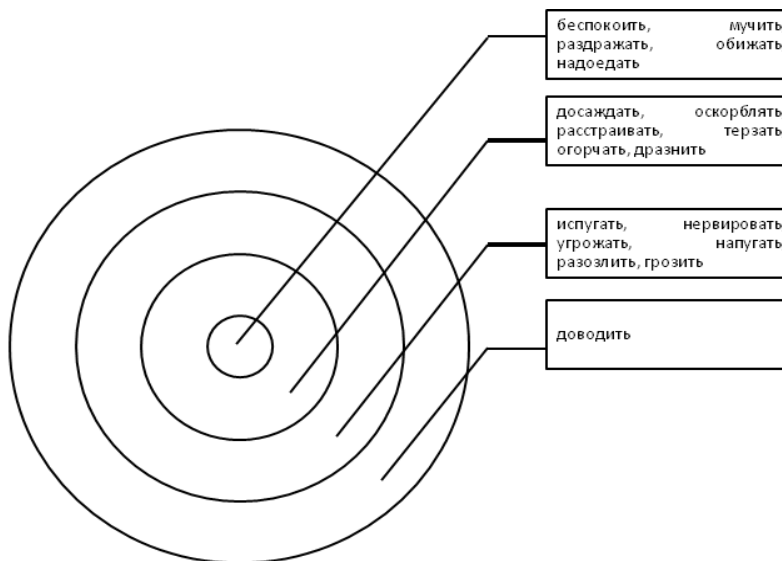

Рис. 14. Семантическое поле эмотивных каузативов отрицательной модификации в русском языке

2.1.3. ЭМОТИВНЫЕ КАУЗАТИВЫ НЕЙТРАЛЬНОЙ МОДИФИКАЦИИ

Третий этап исследования был посвящен глаголам, актуализирующим аксиологически нейтральное состояние. Необходимо отметить, что этот класс глаголов условно назван «нейтральным», так как данные лексемы способны в зависимости от контекста выражать как **отрицательные**:

– *Das Landgericht Köln hatte Beschneidungen als Körperverletzung gewertet und damit **Empörung** bei jüdischen und muslimischen Organisationen auch im Ausland **hervorgerufen** (Corpora).*

– *Solche Aussagen stimmen uns pessimistisch* (Corpora)

так и **положительные** эмоции:

– *Er rief in Berlin unter Kollegen eine ähnliche Begeisterung hervor wie Fußballstars bei ihren Fans* (Corpora).

либо **и те и другие** одновременно:

– *Überall ruft er Schrecken wie Bewunderung hervor* (Corpora).

С помощью ресурса Leipzig Corpora Collection были определены наиболее частотные лексемы. Самый высокий класс частотности у этих глаголов – 8 и 9, для дальнейшей работы мы отобрали лексемы с частотностью 8–13: schaffen (8), bewegen (9), stimmen (10), bereiten (11), verursachen (11), auslösen (11), bewirken (12), wecken (12), beeindrucken (12), berühren (13), rühren (13), erwecken (13), hervorrufen (13), schüren (13), anstecken (13).

Проанализированный материал доказывает, что эту группу составляют глаголы, имеющие каузативное значение, которое в разных контекстах будет актуализировать модификацию разных сфер: физической, информативной, перцептивной и психической. Нас интересует модификация психической сферы – эмоционального состояния, что будет определено средой функционирования. Эти глаголы образуют функциональные структуры, они выступают операторами каузативной связи, эмотивные значения актуализируются именной группой. Именно поэтому сема эмотивности не представлена у глаголов *verursachen*, *bewirken*, *hervorrufen*, поскольку они обозначают каузацию как таковую, существительное уточняет сферу и характер каузации.

Далее на этапе работы со словарями была произведена оценка степени синонимичности наиболее частотных каузативов нейтральной модификации эмоционального состояния: hervorrufen (36), bewirken (32), verursachen (28), erwecken (28), wecken (27), auslösen (24), berühren (21), bewegen (20), schüren (17), schaffen (15), bereiten (14), beeindrucken (11), rühren (11), anstecken (2), stimmen (1).

Следующим шагом после определения степени синонимичности является построение семантического поля. Модель семантического поля эмотивных каузативов нейтральной модификации эмоционального состояния немецкого языка представлена на рис. 15.

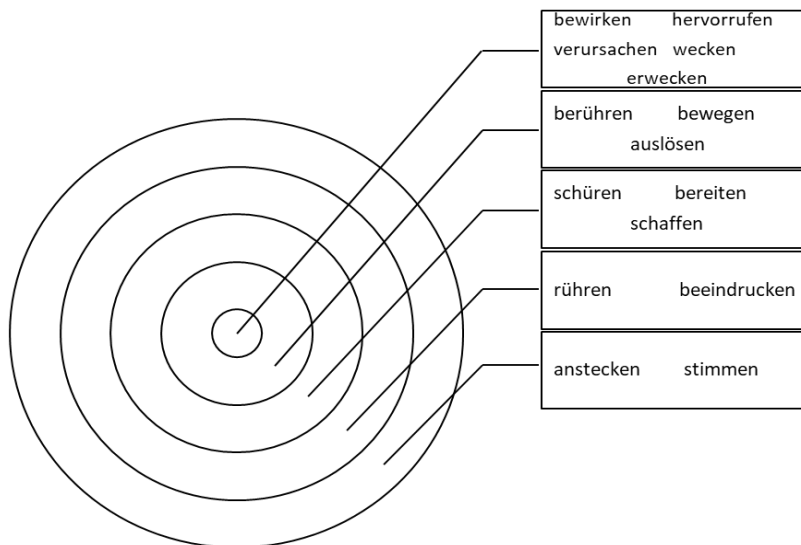

Рис. 15. Семантическое поле эмотивных каузативов нейтральной модификации в немецком языке

Семантическое поле каузативов модификации нейтрального эмоционального тона состоит из 5 зон. В ядерной части находятся глаголы *bewirken*, *hervorrufen*, *verursachen*, *wecken*, *erwecken*, к доминантной зоне также относятся лексемы *berühren*, *bewegen*, *auslösen*, в зоне ближней периферии – *schüren*, *bereiten*, *schaffen*, в зоне дальней периферии располагаются лексемы *rühren* und *beeindrucken*, а в зоне крайней периферии с наименьшей степенью синонимичности находятся глаголы *anstecken* и *stimmen*.

На следующем этапе мы обратились к группе каузативов, реализующих значение нейтральной модификации эмоционального тона у объекта каузации в русском языке. Группа также выделяется условно, поскольку к ней относятся лексемы, функционирующие в речи в качестве операторов каузативной связи в функциональных структурах. В контексте они актуализируют положительные или отрицательные эмоции, что определяет группа существительного или прилагательного, сам глагол реализует только значение каузации.

Например, каузация отрицательных эмоций представлена в примере:

– *Кто-то из взрослых рассказал о войне, и этот рассказ вызвал страх* (Ngram).

В то время как следующий пример актуализирует каузацию положительных эмоций:

– *Спектакль вызвал радость и смех* у зрителя (Ngram).

Наиболее частотные глаголы были выделены с помощью ресурса Leipzig Corpora Collection, данную группу составили лексемы с классом частотности от 11 до 15: вызвать (11),

поразить (13), овладеть (13), охватить (13), удивлять (13), успокоить (13), разбудить (14), затронуть (14), волновать (15), интересовать (15), заразить (15).

Данные глаголы являются эмотивными каузативами, содержат обе семы: каузативности и эмотивности, положительный или отрицательный знак эмоции определяется контекстом, поскольку эти лексемы могут реализовывать оба значения, а эмоция задается именной группой. Глагол выполняет роль оператора каузативной связи, поэтому мы относим их к условной группе эмотивных каузативов нейтральной модификации эмоционального состояния.

Следующим шагом был дефиниционно-синонимический анализ указанных глаголов с помощью указанных выше ресурсов. Вышеуказанные лексемы имеют следующую степень синонимичности: интересовать (9), поразить (8), волновать (7), затронуть (6), вызвать (5), удивлять (4), овладеть (5), охватить (3), разбудить (2), успокоить (1), заразить (1).

В данной группе количество корреляций невелико, что находит объяснение в том, что, как уже упоминалось, данные глаголы реализуют свое эмотивное значение в функциональных структурах, в комплексе с группой существительного либо прилагательного.

Следующий шаг после определения степени синонимичности – построение семантического поля. Результаты представлены в рис. 16.

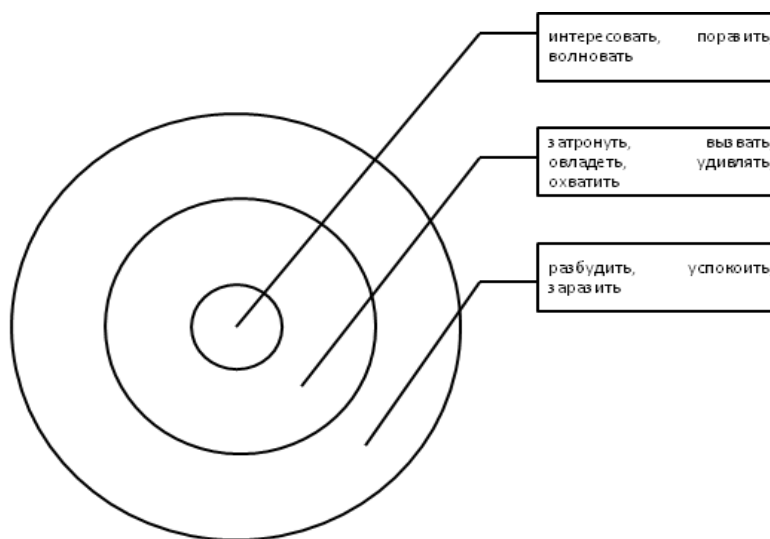

Рис. 16. Семантическое поле эмотивных каузативов
нейтральной модификации в русском языке

Семантическое поле, построенное на основе дефиниционно-синонимического анализа, состоит из трех зон, ядерную зону составили глаголы *интересовать*, *поразить*, *волновать*, ближнюю зону – *затронуть*, *вызвать*, *овладеть*, *удивлять*, *охватить* и зону периферии лексемы *разбудить*, *успокоить* и *заразить*, которые набрали наименьшее число корреляций.

Таким образом, в результате работы с такими ресурсами, как Leipzig Corpora Collection, который послужил источником данных для определения частотности лексем, и словарей-синонимов русского и немецкого языков, которые использовались для определения степени синонимичности

выделенных лексем, были определены базовые эмотивные каузативы немецкого и русского языков, актуализирующие положительную, отрицательную и нейтральную модификацию эмоционального состояния у объекта каузации. Базовые эмотивные каузативы образуют семантические поля, которые были представлены в виде шести соответствующих схем.

ГЛАВА III.

ФУНКЦИИ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ ЭМОТИВНОСТИ В КАУЗАТИВНОЙ СИТУАЦИИ

3.1. ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИНТЕНСИФИКАТОРЫ

Работа с корпусами позволила нам выделить актуализаторы интенсивности, функционирующие с базовыми эмотивными каузативами. Критерием определения данных единиц послужил семантический принцип. Интенсификаторами могут служить наречия, прилагательные, причастия, предложные группы. При разработке классификации интенсификаторов нами учитывались оттенки значений исследуемых единиц, которые соотносятся с реализацией категориальных значений аспектуальности, итеративности, таксиса, темпоральности, временной локализованности. Кроме того, в фокусе внимания оказались категории, не имеющие статуса функционально-семантических, а именно, категории интенциональности, аксиологичности и интенсивности.

1. «**Полнота действия**» может быть актуализирована предложной группой *in vollen Zügen*, прилагательными *enorm, nennenswert, riesig, dicht, heftig, spürbar, reich, reichlich, massiv, erheblich, ausdrücklich, heftig*, наречиями *zusehends, zunehmend*.

– *Und ich möchte Sie **ausdrücklich ermutigen**, auf diesem Weg fortzuschreiten* (dwds).

– *Einige Studentinnen hatten es befürchtet: Sie spannten ihre Regenschirme auf, was uns beide **erheblich amüsierte** (Ngram).*

В русском языке в качестве интенсификаторов выступают наречия: *слишком, весьма, безмерно, сверх меры, всячески, максимально, полностью, вообще*; местоимение *все*. В данной группе интенсификаторов функционируют, прежде всего, актуализаторы полноты действия, актуализирующие значения «больше нормы».

– *Эх, и отрядик был, вот **панику нагнал на всех!** (Ngram).*

– *Сэр Томас только широко улыбался и **всячески подбадривал** ее (Ngram).*

В качестве актуализатора признака в сторону уменьшения нормы в немецком языке может выступать наречие *wenig*, которое функционирует со сравнением *so wenig wie möglich*.

– *Im übrigen war ihm alles sehr gleichgültig, und er **belästigte** die Mannschaft persönlich **nur wenig** (dwds).*

– *Damals hätten die Politiker Europas beschlossen, „die Reisenden **so wenig wie möglich zu belästigen**“ (dwds).*

Также для реализации значения полноты действия в значениях «меньше нормы» возможно сочетание наречия *kaum* с прилагательными *spürbar, merklich* и *nennenswert*.

– *Die paar bisher gewagten Mini-Reförmchen werden bis dahin die blutarme Wirtschaft **kaum spürbar beleben** (Ngram).*

В русском языке в качестве актуализаторов признака полноты действия в сторону «меньше нормы» выступают наречия: *мало, несколько, немного, немножко, меньше всего, меньше, совершенно не*. Сравните:

– Тем не менее, ее одиночество понуждало меня наведываться к ней – хотя поначалу *ее*, по всей видимости, мои визиты **радовали еще меньше**, чем меня (Ngram).

– Никто не подкалывал меня, не отпускал ядовитых комментариев. Однако меня это **совершенно не радовало** (Ngram).

– Валю **немножко раздражала** спокойная улыбка дяди Димы и, стремясь начисто разделаться с таежной романтикой, он сознательно шел на некоторые искажения (Ngram).

Этот разряд связан с результатом воздействия, отражает степень достигнутого или предполагаемого результата. Выделяются показатели значений «больше нормы», когда результат каузации достигнут полностью, либо сверх ожидаемого. Группа интенсификаторов со значением «меньше нормы» свидетельствует о том, что в результате каузации желаемая эмоция либо не достигнута, либо достигнута в недостаточной мере.

2. Следующий выделенный разряд – «**качество действия**». Данный признак актуализируется такими прилагательными-интенсификаторами, как: *lebhaft, herzlich, blendend, herrlich, ausgelassen, trefflich, spontan, leidenschaftlich, prächtig, glänzend, leichtfertig, flüchtig, ungestört, unbeschwert, ungehindert, unzumutbar, unhaltbar, offenkundig, ungebremst, angeblich; по-настоящему, несказанно, неопиcуемо, фантастически, необыкновенно, неудержимо, спонтанно, чертовски, бурно.*

– *Dass er diesen Schulterschluss leichtfertig provozierte, ist umso unverständlicher, als Möllemann in der Sache durchaus Recht hat* (dwds).

– *Man kann sich so herrlich aufregen über Hupka* (dwds).

– *Приезд его неописуемо обрадовал бывших там учеников, которые тотчас же собрались слушать уроки* (Ngram).

– *Эти слова Вернона по-настоящему разозлили Алексея и, собрав все оставшиеся у него силы, он бросился в атаку* (Ngram).

Разряд «качество действия» включает лексемы, которые в ситуации каузации эмоциональной модификации указывают на качественный признак действия, определяющий силу воздействия в значениях «больше нормы».

3. «Характер действия» – следующий разряд интенсификаторов, функционирующий с эмотивными каузативами. Актуализируется прилагательными отрицательной семантики *gewaltig, diebisch, fürchterlich, schmerzlich, grausam, ungeheuer* в немецком языке; *горячо, безумно, страшно, ужасно, дико, жестоко, безжалостно* в русском языке.

– *Den Schauspiel-Intendanten ärgert es furchtbar, dass man sein Schauspiel irgendwie als gering erachten könnte* (dwds).

– *Gerhard Schröder freute sich diebisch über die Pazifisten von damals* (dwds).

– *Er fehle ihr sehr, sagt Klara, sie freue sich wahnsinnig, ihn am Freitag wiederzusehen* (dwds).

– *Яну вдруг дико разозлил этот настырный мужичишка, а больше всего набор штампованных фраз* (Ngram).

– *Вечером, когда пришла Евгения, Дима уже был дома, и был **страшно обрадован** ее неожиданным визитом (Ngram).*

Прилагательными положительной семантики: *sanft, zart, köstlich, wunderbar, geschickt, königlich, eifrig; откровенно, искренне, упорно.*

– *Ein Flegel, der **zart** das Herz **berührt** (dwds).*

– *Szlachta und Komsomol, Pilsudski und Breschnew **berührten** sie nur **sanft** (dwds).*

– *Он **искренне** интересовался ее делами, и она стала позволять себе, делиться с ним своими переживаниями (Ngram).*

Выделяется также группа интенсификаторов, обозначающих сложность действия: *schwerlich, mühsam, schwer, leicht, kaum; с трудом, легко, просто.*

– *Es handelt sich um Menschen, die **leicht** zornig werden, sich **aufregen**, sich **ürgern**, neidisch oder eifersüchtig sind (Ngram).*

– *Die Schüler der neunten Klasse, in welcher ich Deutsch unterrichte, sind nur **schwer** für literarische Texte zu **begeistern** (Ngram).*

– *Она и без того неважно знала венгерский, а эта быстрая речь **просто** выводила **ее** из себя (Ngram).*

– *Я старался убедить его, что это все лишь пикник, приключение, которое скоро закончится, но мне лишь **с трудом** удавалось его **подбодрить** (Ngram).*

С лексемой *ürgern* в немецком языке зафиксированы также интенсификаторы *blau, schwarz, grün*, реализующие значение «больше нормы».

– *Er ärgere sich schwarz über die Münchener. Und ärgert sich grün und blau, dass man von dort nichts mitgebracht hat* (dwds).

В русском языке значение «больше нормы» реализует оборот *до белого каления*, функционирующий с лексемой *доводить*, и предложные группы *по полной программе, до крайности, до точки, до смерти, до упаду*.

– *Ей надо было меня разозлить, довести до белого каления, надеясь этим пресечь отношения* (Ngram).

– *Мальчишки зажигали в этот день по полной программе* (Ngram).

Разряд «характер действия» представляет собой обширную группу актуализаторов различных оттенков значения, связанных с оценочно-качественным признаком совершаемого действия. Этот разряд составляют лексемы положительной и отрицательной семантики, однако, как видно из вышеприведенных примеров, их предназначение в ситуации с эмотивными каузативами – актуализация интенсивности эмоций в значениях «выше нормы».

4. Следующий выделенный разряд интенсификаторов – «**локализация действия**». Актуализируется наречиями и прилагательными: *bundesweit, weltweit, europaweit international, überregional, landesweit, andernorts, vielerorts, vereinzelt, insgesamt, gemeinsam, allenthalben*; в русском языке – *повсюду, повсеместно, общий*.

– *Weltweit erregte das Todesurteil gegen ihn Aufsehen* (dwds).

– *Der Mord in Potzlow, in der Uckermark, erregte bundesweit Entsetzen* (dwds).

– *Der Fall Zürich hatte europaweit Aufsehen erregt und Proteste provoziert* (dwds).

– *Spektakle meiningenцев вызвали повсеместный восторг, ими был увлечен Антуан* (Ngram).

Разряд «локализация действия» дает нам представление о количественных параметрах эмоционального воздействия, ведь, например, «повсеместно», подразумевает «имея место, происходя, распространяясь везде, всюду» (СТС), то есть эмоциональная модификация будет затрагивать большое количество людей, таким образом, интенсивность передается через указание на имплицированное в данных лексемах значение количества людей, охватываемых указанной территорией.

5. В разряде «степень признака действия» можно выделить группы:

«больше нормы», актуализируемые наречиями и прилагательными: *groß, soviel, mehr, maßlos, sehr, übermäßig, vielmehr, allzusehr, zutiefst, viel, zunehmend, maßgeblich*; *больше, сильно, сверх меры, изрядно, из всех сил*.

– *Ein noch junger Mann erregte sich maßlos über ein amtliches Schreiben, das ihm zufällig in die Hand gekommen sei* (dwds).

– *Ich möchte die Reisenden vielmehr ermutigen, selbst dazu beizutragen, dass die lokale Bevölkerung mehr vom Tourismus hat* (dwds).

– *Она изо всех сил старалась вывести его из равновесия* (Ngram).

«норма» – *genügend, genug, mäßig, dermaßen, derart, gleichermaßen; умеренно, достаточно.*

– *Pevenage wird die verbrämte Drohung nur **mäßig beeindrucken** (dwds).*

– *Да, любопытно вырисовывается: гораздо более таинственный Серж всего лишь **в меру заинтересовал** нашу братию, а душка Мстислав сумел буквально очаровать!* (Ngram)

значение «меньше нормы» актуализируется лексемами: *wenig, kaum, ebenso wenig, zumindest, wenigstens, immerhin; мало, немного, меньше, слегка, едва.*

– *Was sie darin über das seltsame und den Franzosen so unendlich fremde und ferne Land schrieb, **beeindruckte** die Deutschen selbst **wenig** (dwds).*

Разряд «степень признака» дает нам представление о силе эмоционального воздействия, измеряемой по шкале больше нормы – норма – меньше нормы. Значения «больше нормы» свидетельствуют о высокой степени интенсивности каузируемых эмоций, «нормы» – о том, что результат каузации был достигнут, эмоциональное состояние объекта каузации изменилось в нужную сторону, но умеренно. Значения же «меньше нормы» говорят о том, что эмоциональное состояние изменилось в незначительной степени, об интенсивности каузируемой эмоции речи не идет.

6. Разряд «**итеративность**» составили наречия: *einmal, mehrfach, wiederum, regelrecht, ständig, jedesmal, stets, jährlich; постоянно, каждый день, изо дня в день, снова, однажды, каждый раз.*

Здесь выделяются группы, обозначающие:

«однократность действия»: *einmal*; *однажды*, *раз*.

– *Wir brachten das Geld weg und ich musste mich erst **einmal beruhigen**, damit ich zum Fußball gehen konnte* (Ngram).

– *В прошлый **раз** благодаря своему новому дару он смог **успокоить** безутешную мать* (Ngram).

«множественность действия»: *mehrheitlich*, *mehrfach*, *wiederum*; *снова*, *множественно*, *много раз*, *сколько раз*.

– *Einige wenige haben ihren Heimatort in diesen Geschichten aber doch wiedererkannt, was mich **wiederum ermutigte**, dieses vorliegende Dschungelbuch zu Ende zu schreiben, obwohl es gar kein Ende haben kann* (dwds).

– *Die Kinder sehen ihre Aufgabe zum Teil darin, sich gegen ihre Eltern auf Schritt und Tritt zur Wehr zu setzen, was **wiederum** die Eltern **ärgert*** (Ngram).

– *In einer Negativabgrenzung ist den Prüfungsgehilfen ihre Arbeit nicht gleichgültig. Sie **freuen sich mehrheitlich** darauf, ihre Arbeit ausüben zu dürfen* (Ngram).

– *Случилось то, что случилось, я **снова обидел** тебя* (Ngram).

– ***Сколько раз** ему приходилось **успокаивать, ободрять, вселять** в сердца людей **бодроть и надежду!*** (Ngram)

«регулярность действия»: *regelrecht*, *ständig*, *stets*, *häufig*, *jedesmal*, *allenfalls*, *jährlich*; *обычно*, *постоянно*, *часто*, *каждый раз*, *всякий раз*, *ежедневно*, *всегда*.

– *Nur, dass die Mongolen, obwohl sie so wenige sind, bei der Ankunft in Tegel strenger kontrolliert werden als die Chinesen, das **ärgert** Birvaa Mandakhbileg **jedesmal** wieder* (dwds).

– *Alle, die sie kennen, haben das Gefühl, sie **ständig beruhigen** zu müssen* (dwds).

– *Он **всегда** всех злил!* (Ngram).

«нерегулярность действия»: *gelegentlich, erneut, mancherlei, manchmal, weiterhin, иногда, временами, от случая к случаю, лишний раз.*

– ***Manchmal** spornen mich die andern **an**, manchmal steigen Gefühle in mir auf, manchmal brennen mir die Sicherungen durch* (dwds).

– *Was mich auch **manchmal ärgert**, sind Kritiken von Rezensenten, die das Buch nicht verstanden haben* (dwds).

– *Он злил меня, даже бесил **временами**, но при этом меня к нему невероятно тянуло* (Ngram).

– ***Иногда он** злил работавших, неожиданно появляясь там, где только что упало бревно, конец доски или обрубок* (Ngram).

Разряд интенсификаторов итеративности образует многоплановую группу, связанную с категорией аспектуальности. Частота совершаемого действия свидетельствует о «плотности» эмоции (плотность эмоции – продукт ее интенсивности и продолжительности [Шаховский, 2009 б, с. 30]). Данный разряд свидетельствует о количестве повторений каузации эмоций, так что чем чаще и регулярнее повторяются действия, тем о большей степени их интенсивности мы можем говорить.

7. К разряду «**направленность действия**» относятся наречия и прилагательные, актуализирующие значение цели действия либо случайности действия, отсутствия цели.

Целенаправленность реализуют лексемы: *gezielt, bewusst, absichtlich, vorsätzlich, vordergründig, notwendigerweise, zwangsläufig, unweigerlich, намеренно, осознанно, целенаправленно, вынужденно.*

– *Sie **provozieren absichtlich** die Justiz und die Polizei, weil sie hoffen, verborgene Ungerechtigkeit damit ans Licht der Öffentlichkeit zu bringen und so bekämpfen zu können* (Ngram).

– *Судя по всему, **его намеренно спровоцировали** на грубость, которая была истолкована как неподчинение* (Ngram).

Случайность действия актуализируется лексемами: *zusätzlich, unnötig, lediglich, irgendwie, womöglich, obendrein, vielleicht, indirekt, unwillkürlich, außerdem; случайно, как-то, возможно, косвенно, невольно, между прочим, нечаянно.*

– *Dass der eigene Innenminister Richard Dewes vom Koalitionspartner SPD Verständnis für die Entscheidung des Bundesverkehrsministeriums aufbringe, **verärgert** die CDU im Erfurter Kabinett **zusätzlich*** (dwds).

– *Landwirtschaftsminister Michel Rocard spielte gar mit dem Feuer, als er vor Wochen die Bauern **indirekt** zu weiteren Demonstrationen **ermunterte**, um seine Stellung in den europäischen Agrarverhandlungen zu stärken* (dwds).

– *Ich muss sie **irgendwie ablenken**, indem ich ihnen etwas Schönes zeige* (dwds).

– *И если **и задела нечаянно** какую-нибудь грустную струну в чужом сердце, то тотчас же старалась сгладить неприятное впечатление* (Ngram).

Разряд «направленность действия» дает нам информацию о намеренности действий каузатора в отношении объекта каузатора. Целенаправленное изменение эмоционального состояния объекта каузации, как правило, свидетельствует об интенсивности воздействия в силу важности результата для каузатора, случайность же действия позволяет нам судить о том, что оно не направленно, каузатор не имел в намерениях добиться такой эмоции, такого результата.

8. Следующий разряд «оценка действия» подразделяется на положительную оценку: *positiv, angenehm, freudig, erfolgreich, optimistisch, hoffnungsvoll, gnädig, froh, bestens; успешно, приятно, положительно.*

– *Über Klatsch aus dem Leben von Schriftstellern konnte sich Wolfgang Herrndorf **bestens amüsieren*** (dwds).

– *Der beherzte Kampf "gegen rechts" – so wichtig er ist – **lenkt** mit seinen sentimentalен Volksfrontgefühlen **angenehm** davon ab, die eigenen Fehler zu bedenken* (dwds).

– *Его **приятно поразила** неожиданная откровенность девушки, однако и привела в некоторое замешательство* (Ngram).

отрицательную оценку: *unangenehm, negativ, traurig, skeptisch, peinlich; неприятно, печально, негативно.*

– *Doch Brown könnte sie **unangenehm überraschen*** (dwds).

– *Es ist schon erstaunlich, dass Karstadt und Quelle trotz der ungezählten Krisenmeldungen der vergangenen eineinhalb Jahre noch immer negativ überraschen kann* (dwds).

– *Стонов тем самым дает ясно понять, что крайне заинтересован ими – **негативно заинтересован*** (Ngram).

нейтральную оценку: *nachdenklich, bedenklich, versöhnlich; спокойный*, что можно наблюдать в следующих примерах.

– *Allerdings stimmte den Trainer die erste Halbzeit auch sehr nachdenklich* (dwds).

– *Einige mag Obamas Rückzugsofferte versöhnlich stimmen, viele jedoch trauen seiner Strategie nicht* (dwds).

– *Увидев ее реакцию, он решил не ходить больше вокруг да около, пытаясь **настроить** собеседницу на **спокойный** лад, а задал ей прямой вопрос* (Ngram).

Разряд «оценка действия» имеет важное значение, позволяя получить нам представление об эмоциональной ситуации в целом, дает нам дополнительную информацию об оценочном знаке каузируемой эмоции. Ряд каузативных глаголов имеет в своем семантическом потенциале в качестве результата каузации как положительные, так и отрицательные эмоции, интенсификаторы данного разряда помогают однозначно их определить.

9. Разряд «способ действия» включает прилагательные, наречия, существительные: *spielerisch, wortreich, lauthals, still, moralisch, verbal, играючи, морально, словами, поведением*.

– *Eine Horde Seeleute aus Macao **vergnügt** sich **lautstark** beim Kartenspiel, französische Skipper **verhandeln gestikulierend** mit einem Schiffszimmerer, Emigranten von der kapverdischen Nachbarinsel Santo Antão **bewundern Schmuck, Uhren und elektrische Geräte** in den gläsernen Verkaufsvitrinen* (dwds).

– *Zunächst **belästigte** der 37-Jährige seine Ex-Freundin **verbal*** (dwds).

– *Своим поведением он расстраивал и маму, но при этом ничего не рассказывал ей о случившемся* (Ngram).

Группа интенсификаторов «способ действия» представляет интерес, поскольку в семантике эмотивного каузатива инкорпорировано значение инструментальности. Мы имеем возможность оценить, каким образом произошла каузация эмоциональной модификации.

10. Разряд «**время действия**» составляет многочисленную, сложную по составу группу, в которой можно выделить целый ряд подгрупп:

наступление действия в какой-либо отрезок времени: *kürzlich, neuerlich, kurzfristig, frühzeitig, momentan, damals, seinerzeit, jedenfalls, bisweilen, irgendwann, derweil, derzeit, endlich, nie; недавно, незадолго до, в настоящий момент, когда-нибудь, тогда, никогда, наконец.*

– *Erst **kürzlich** empörte sich die südafrikanische Regierung, dass nach dem Abtreten des weißen Geschäftsführers des Gesamtunternehmens De Beers ein anderer Weißer an die Spitze trat* (dwds).

– *Er will Kinder und Jugendliche **frühzeitig** für Technik und Naturwissenschaften **begeistern*** (dwds).

– ***Наконец** он осчастливил съёмочную группу своим появлением, и теперь везде и всё комментирует* (Ngram).

Эта группа наречий актуализирует значение совершения действия в определенный момент времени. Привязка к отрезку времени дает нам возможность получить представление об изменчивости, оценить динамику этих изменений.

резкое наступление действия: *auf Anhieb, sofort, prompt, plötzlich, jäh, вдруг, внезапно, неожиданно, нежданно*.

– *Ich will mir die Sache überlegen und werde Dich vielleicht **plötzlich überraschen*** (Ngram).

– *Statt sich ändernden Bedingungen für Glück und Wohlbefinden hinterherzujagen, könnten Sie sofort Ihre Lieblingsstärke, z.B. Mut, Freundlichkeit, Dankbarkeit, Genussfähigkeit, Neugier, Optimismus oder Humor definieren, an der Sie sich immer, überall und **sofort erfreuen** können* (Ngram).

– **Вдруг** всех *охватила* бешеная злоба (Ngram).

Резкое наступление действия свидетельствует о его неожиданности, внезапности. Как правило, внезапность вызывает резкий всплеск интенсивных эмоций.

продолжение действия: *weiter, weiterhin, ferner, далее, затем, потом*.

– **Ferner regten die Abgeordneten an, gemeinsame Ermittlungsgruppen einzurichten, die EU-weit gegen illegale Glücksspiele im Internet und anonyme Wetten vorgehen sollten** (dwds).

– *Лишившись дара речи от ее неожиданного появления, люди сначала только смотрели на эту сцену, некоторые утирали слезы, **затем всех охватила радость*** (Ngram).

Этот разряд указывает на развитие действия, его незаконченность. Эмотивная каузация является результатом, логическим продолжением описываемых событий, действий, как в приведенных выше примерах.

одновременность действия: *gleichzeitig, gleich, sogleich, zugleich, одновременно, в это же время, сразу, тут*.

– *Gleichzeitig verärgern sie aber die zwei Potsdamer, die ihre Restaurantpläne für so gut wie sicher hielten* (dwds).

– *Проехали с полверсты. И тут всех охватило беспокойство. Со всех сторон напозала, как туча, неясная угроза!* (Ngram).

Разряд «одновременность действия» служит для обозначения двух действий, одно из которых актуализируется эмотивным каузативом, мы видим ситуацию возникновения эмоции, как результата совершаемого действия.

Скорость выполнения действия: *allmählich, langsam, schnell, медленно, быстро, мгновенно, постепенно, мало-помалу.*

– *Zur Kaffeezeit kommen die Kinder, freuen sich über die Clownerien von „Hops und Hopsi“, junge Familien im Sonntagsstaat **beleben langsam** den Alex* (dwds).

– *Gefahr für die Passagiere bestand aber nicht, das Bordpersonal habe die Passagiere **schnell beruhigen** können* (dwds).

– *Мало-помалу меня **охватила паника**, – вспоминает Плисецкая* (Ngram).

Этот разряд в ситуациях с эмотивными каузативами дает информацию о скорости наступления, распространения каузируемой эмоции.

Продолжительность выполнения действия: *lange, lang, stundenlang, nachhaltig, permanent, allzeit, langfristig, weitgehend, kurzzeitig, kurzfristig, vorübergehend, zeitweise, долго, постоянно, недолго, часами, подолгу, бесконечно.*

– *Zwei Sendungen pro Woche haben es vermocht, sein Augenmerk **kurzzeitig** von der Arbeit **abzulenken*** (dwds).

– *Stundenlang konnte sich der Chemiker damit vergnügen, ein Thema bis ins letzte Detail zu ergründen* (dwds).

– *Es sind die schlichten Ideen, die besonders **nachhaltig begeistern*** (dwds).

– *Они подружались, и тот, что у окна, смотрел наружу и часами развлекал своего прикованного к постели товарища живейшими описаниями внешнего мира* (Ngram).

Длительность эмоции, реализуемая данными наречиями, отражает ее интенсивность. Наречия со значением небольшого промежутка времени «*kurzzeitig, vorübergehend, zeitweise, недолго, коротко, немного, мало*» говорят о том, что эмоциональное воздействие было непродолжительным по времени, в отличие от наречий со значением длительного промежутка времени «*lange, stundenlang, nachhaltig, permanent, allzeit, langfristig, долго, постоянно, часами, подолгу, бесконечно*», которые свидетельствуют о продолжительности эмоционального воздействия и, тем самым, его интенсивности.

Разряд интенсификаторов со значением «время действия» имеет целью определить временные параметры каузируемой эмоции. Длительность, скорость, момент наступления эмоции и другие временные критерии отражают ее интенсивность, как указывалось выше, временной параметр «продолжительность эмоции» является одним из критериев ее «плотности».

11. Также можно выделить группу интенсификаторов, актуализирующих значение интенсификации через **сравнение**: *wie Schneekönig, wie Kind, wie Schneekönigin, wie König, lieber, gleichermaßen, gleichwohl, genauso*; как, точно так же, словно.

– *Wer Deutsch büffelt, freut sich wie ein Schneekönig auf Studium oder Job in Düsseldorf oder Berlin* (dwds).

– *Сергея тогда обрадовался, как ребенок, когда ему обработали рваную рану и перебинтовали его драгоценную ногу* (Ngram).

Сравнения служат образности и наглядности речи, что неизбежно усиливает эмотивный каузатив, способствует экспрессивизации высказывания.

12. **Отрицание** так же составляет разряд интенсификаторов, поскольку на шкале «больше нормы» – «норма» – «меньше нормы», реализует крайние значения «меньше нормы»: *keinesfalls, keinerlei, keineswegs, kaum, никоим образом, нисколько, никак*.

– *Umgekehrt weiß ich heute, dass er mich keineswegs ärgern wollte, dass es nicht nur gut war, den Aufsatz, und damit auch mich, mehrfach hintereinander zu verbessern, sondern ebenfalls gut war, meine Hartnäckigkeit und mein Wollen herauszufordern* (Ngram).

– *А она была слишком озабочена тем, чтобы ставить его на место при любой попытке флирта и дать ему понять, что он ее нисколько не интересуем* (Ngram).

Таким образом, интенсификаторы, функционирующие в ситуациях с эмотивными каузативами, представляют собой содержательно обширный класс лексем. Можно выделить следующие разряды лексических единиц, реализующих признак интенсивности: 1) полноты действия; 2) качества; 3) характера действия; 4) локализации; 5) степени признака действия; 6) итеративности; 7) целенаправленности действия; 8) оценки

действия; 9) способа действия; 10) времени действия; 11) сравнения; 12) отрицания.

Полученный языковой материал позволяет наблюдать пересечение нескольких категорий (интенсивности, оценочности, темпоральности, итеративности и др.). Мы получаем возможность оценить описываемую ситуацию в аспекте ее качества, полноты, характера, направленности, повторяемости, времени действия. Данные об этих параметрах каузируемой эмоции позволяют составить представление о ее интенсивности. В лингвопрагматическом аспекте подобное межкатегориальное взаимодействие можно рассматривать как инструмент целенаправленного воздействия на адресата, поскольку усиление эмоциональной составляющей ведет к усилению иллокутивной силы всего высказывания.

3.2. ФУНКЦИИ МОДАЛЬНЫХ СЛОВ И ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ

В ходе работы с корпусами были выделены следующие единицы, которые наиболее часто функционируют с базовыми эмотивными каузативами в русском и немецком языках. Среди единиц, функционирующих с эмотивными каузативами можно выделить следующие разряды:

1. Оценка достоверности:

1.1. Достоверность: *wirklich, offenbar, gewiss, richtig, zweifellos, tatsächlich, natürlich*; *действительно, конечно, несомненно, очевидно, на самом деле, без всякого сомнения, безусловно, разумеется, само собой разумеется, бесспорно,*

верно, в самом деле, подлинно. Эти лексемы несут значение оценочной характеристики сказанного, как очевидного, не подлежащего сомнению и служат подтверждению сказанного.

– *Als ich gemerkt habe, dass Sie sich über mich **wirklich ärgern**, habe ich angefangen, Ihnen zu glauben* (Ngram).

– ***Natürlich freut sich jeder Schauspieler über das Angebot, bei einer Thomas-Mann-Verfilmung mitzuspielen*** (dwds).

– *Aber **natürlich freue man sich in Flam auch über jeden Gast, der länger bleibt, meint der Tourismus-Chef*** (dwds).

– *Осознав, что она **на самом деле разозлила** обычно спокойного Михаэля, Мария встала с кровати присев у его ног* (Ngram).

– *Ответ Риты **несомненно обрадовал** Корнилова, но появившаяся между бровями вертикальная морщинка требовала разъяснения* (Ngram).

В приведенных выше примерах функционируют единицы: «*natürlich*», со значением «selbstverständlich» (DO), «*wirklich*» «*dient der Bekräftigung, Verstärkung*» (DO), «*несомненно*» «употребляется при подтверждении сказанного, подчеркивании категоричности утверждения, соответствуя по значению» (СТС), «*на самом деле*» «употребляется при уверенном подтверждении чьих-либо слов или при выражении согласия с чьим-либо высказыванием» (СТС). В контекстах с эмотивными каузативами они подчеркивают достоверность, истинность эмоции.

1.2. Предположительная достоверность, неуверенность: *vermutlich, möglicherweise; вероятно, пожалуй, возможно, наверное, по всей вероятности, может быть, должно быть,*

может быть, может, кажется, казалось бы, видимо, по-видимому, пожалуй, правда, не правда ли, в сущности, по существу, по сути, право, чай, надо полагать, думаю, надеюсь, полагаю.

Данные лексемы несут оценочную характеристику действия как возможного, вероятного, выражают определенную долю неуверенности.

– *Vermutlich unterhalten Sie sich bereits angeregt, noch bevor der Kellner überhaupt die Drinks gebracht hat* (Ngram).

– *Die Ärzte hatten ihm Bedingungen für regelmäßige Besuche erteilt und eine davon war, Personen oder Dinge, die mich möglicherweise aufregen konnten, niemals zu erwähnen* (Ngram).

– *Если бы муж делал даже нечто совершенно бессмысленное, он смог бы, пожалуй, успокоить требующую ответа жену* (Ngram).

Функционирующие в вышеприведенных примерах лексемы имеют значение предположительной достоверности: «*vermutlich*» – «wie zu vermuten ist» (DO), «*möglicherweise*» – «vielleicht, unter Umständen» (DO), «*пожалуй*» – «употребляется при выражении неуверенного согласия» (СТС). В результате мы оцениваем ситуацию эмотивной каузации только как возможную, предположительную.

2. Логика изложения:

2.1. Добавление: *überdies, zumal, erstens, zweitens; кроме того, сверх того, во-первых, во-вторых.*

– *Oscar wurde durch die körperlich Schönheit des jungen Mannes gefesselt und **überdies reizte** ihn Lord Alfred Douglas 'Name und Stellung über die Maßen* (Ngram).

– *Diese Konstellation dürfte **zumal** jene **erfreuen**, die Amerikas Außenpolitik von jedem anderen lieber bestimmt sähen als von Ronald Reagan* (dwds).

– **Кроме того**, *Соундерс успокоил Марка относительно участи женщин и детей* (Ngram).

«Überdies» имеет значение «über dieses, über das alles hinaus; obendrein, außerdem» (DO), «zumal» реализует значение «besonders, vor allem, namentlich» (DO), «кроме того» означает «к тому же, вдобавок, в придачу» (НОСС). Тем самым, значение добавления действия заставляет обратить на него внимание, поскольку оно становится маркированным подобным выделением в ряду совершаемых действий.

2.2. Связь мыслей, последовательность: *erst, in erster Linie, zuerst, dann, endlich, so, also, vor allem, einerseits, andererseits, zum Beispiel, es sei gesagt, es betont, alles in allem; сначала, в первую очередь, итак, следовательно, значит, наоборот, напротив, далее, наконец, впрочем, между прочим, главное, таким образом, кстати, к слову сказать, в общем, в частности, прежде всего, стало быть, например, к примеру, с одной стороны, с другой стороны, повторяю, подчеркиваю.*

Цель этих лексем заключается в том, чтобы передать определенную последовательность либо ранжирование действий по степени важности или порядку следования.

– *«Wie du dich **erst aufregen** würdest, wenn du gerade mein Gespräch mit Ralf belauscht hättest», dachte sie belustigt* (Ngram).

– *Aber ihr wollt ihn ja **erst** ein wenig **ürgern**, weil ihr wisst, wie er immer erst auch die möglichen Nachteile abwägt* (Ngram).

– *И если еще день назад меня **в первую очередь** разозлил бы до глубины души тот факт, что во дворце именно мою персону пытались нарядить в нечто подобное, то теперь я начала дергаться совершенно по другому поводу* (Ngram).

Лексема «*erst*» согласно словарю «drückt eine Steigerung, Hervorhebung aus» (DO), «*в первую очередь*» имеет значение «прежде всего сначала» (СТС), таким образом, в приведенных примерах эмотивный каузатив выделяется, подчеркивается, как имеющий первоочередную степень важности.

3. **Усиление:** *besonders, sonderlich, insbesondere, sogar, einfach, pur, recht, selbst, allein, alleine, gerade, genau, konkret, direkt; особенно, изрядно, буквально, несказанно, прямо, совсем, так.*

– *Der SPD-Politiker Schmidt **regte konkret an**, künftige Abgeordnete zu verpflichten, mehr private Vorsorge für ihr Alter zu treffen* (dwds).

– *Und dass er so gut ankommt, **freut uns natürlich ganz besonders*** (dwds).

– *Ты меня тогда **так рассмешил*** (Ngram).

Лексемы этого класса служат усилению признака, в нашем случае они подчеркивают силу эмоционального воздействия. В приведенных выше примерах функционируют лексемы «*konkret*» со значением «bestimmt und dabei präzise, deutlich» (DO) «*besonders*» «gesondert, getrennt, für sich allein» (DO), и русская лексема «так», которая «употребляется для усиления полной удовлетворенности предметами, лицами, обозначен-

ными словами, перед которыми стоит» (СТС) и мы наблюдаем подчеркнутое усиление действия, выраженного эмотивным каузативом.

4. **Ограничение и ослабление:** *nur, bloß, insofern; еле, едва, лишь, только, только лишь, насколько возможно.*

– *Insofern überrascht das neue Album mit seiner Ruhe und Anmut* (dwds).

– *So ein Quatsch, ich wollte ihn **bloß beruhigen**. Wie kann man sich über ein Baby ärgern, ich wollte nur, dass er sich beruhigt* (Ngram).

Мы с женой навещали его, старались развлечь, насколько возможно, развеселить театральными новостями, всячески избегая медицинскую тему (Ngram).

Лексемы этой группы направлены на выражение ослабления указанного признака. Так, «*bloß*» реализует значение «(nichts anderes als)» (DO), а «*insofern*» – «(in dieser Hinsicht; insoweit)» (DO), «*возможно*» говорит о действии как «о представляющейся возможной, допустимой, осуществимой ситуации». То есть совершаемая каузация эмоциональной модификации ограничена имеющимися условиями и возможности, а не представляется обязательной и безусловной.

5. **Приемы и способы оформления мысли:** *mit anderen Worten, anders gesagt, anders ausgedrückt, so gesagt, словом, одним словом, иными словами, другими словами, иначе говоря, коротко говоря, попросту сказать, с позволения сказать, что называется, мягко выражаясь, если можно так сказать, если можно так выразиться, лучше сказать, так сказать.*

– *Doch mit einem Raser auch noch im selben Fahrzeug zu sitzen, würde ich seelisch nur schwer verdauen, **mit anderen Worten: es löst bei mir Albträume aus*** (Ngram).

– ***Одним словом**, Диккенс честно и добросовестно **успокаивает** и **веселит** читателя, а Теккерей своим умным, рассудительным и всегда справедливым смехом исправляет народную мораль и бичует общество* (Ngram).

Эта группа дискурсивных маркеров служит для того, чтобы обозначить порядок изложения мысли, подытожить или дать некую оценку сказанному. В приведенном выше примере на русском языке значение итога сказанному придает выражение «*одним словом*», которое «употребляется как вводное слово, выражающее краткое обобщение или подведение итога сказанному» (СТС).

6. **Указание на источник сообщения:** *man sagt, der Meinung nach, Gerüchten zufolge, meines Erachtens, говорят, сообщают, передают, по словам, по сообщению, по мнению, по моему, по-твоему, по-нашему, на мой взгляд, по слухам, помнится, слышно.*

– *Sie einfach zurückzulassen, nachdem er sie damit getötet hat, wäre **meiner Meinung nach eine Beleidigung** für sie gewesen* (Ngram).

– ***Gerüchten zufolge forderte** sie sie **auf**, nach Rom zurückzukehren, um ihre Friedenspolitik aufzunehmen* (Ngram).

– ***По-моему**, он намеренно **злит** куратора. Интересно, чем он ему не угодил?* (Ngram).

– *Меня, **помнится**, даже слегка **раздражало**, что Норико и Дзиро Миякэ все время с улыбкой переглядываются через стол* (Ngram).

Указание на источник сообщения скорее ослабляет значение эмотивного каузатива, поскольку подразумевает возможность другой точки зрения, которая, возможно, окажется отличной от приводимой в данной ситуации, таким образом, сомнение в однозначности эмоции снижает ее интенсивность.

7. **Привлечение внимания:** *weißt du, wissen Sie, stell dir vor, stellen Sie sich vor, видишь (ли), видите (ли), понимаешь (ли), понимаете (ли), знаете (ли), знаешь (ли), представьте себе, извините, простите, пойми, поймите, поверьте, послушайте, согласитесь, вообразите, веришь (ли), пожалуйста.*

– *Er ärgert ja nicht nur dich und mich, weißt du? Auch die anderen hier, besonders die jüngeren haben oft nichts zu lachen* (Ngram).

– *Представьте, что он мог бы сказать о том, что его огорчает, злит или разочаровывает в вас* (Ngram).

– *Согласитесь: вас сильно раздражают люди, которые во время разговора опускают веки* (Ngram).

Данная группа дискурсивных маркеров призвана обратить внимание на излагаемые факты и события, тем самым подчеркивая их значение в указанной ситуации.

8. **Оценка меры:** *meist, am meisten, meistens, vorwiegend, meistens, zumeist, wenigstens, erfahrungsgemäß, самое большое, преимущественно, по крайней мере, самое меньшее.*

– *Am meisten ärgert ihn, sobald wir vorwärts gehen* (Ngram).

– *Что ж, – иронично добавила она, – если моя дочь и правда никогда не рассказывала вам обо мне, по крайней мере, меня радует, что вы с ней не из-за выгоды!* (Ngram).

– Если мы уйдем в тайгу, они выловят нас через пару часов, а так, **по крайней мере**, мы сумеем **отвлечь их внимание от остальных** (Ngram).

Эта группа содержит в своем значении оценку меры, степени производимого действия. Соответственно, мера определяется либо в сторону увеличения (*преимущественно, больше всего, meistens, vorwiegend*) или в сторону уменьшения (*по крайней мере, самое меньшее, wenigstens*).

9. **Степень общности:** *gewöhnlich, banal, primitiv, in allgemeinen, alltäglich, üblich*, **бывает, бывало, случается, по обычаю, по обыкновению**.

– ***Gewöhnlich unterhält sie sich den ganzen Abend mit einer und derselben Person, ohne sich um die übrigen Gäste sonderlich zu bekümmern*** (Ngram).

– ***Вы любопытны, разговорчивы, любите высказываться по разным вопросам, что, случается, раздражает окружающих*** (Ngram).

– ***Казалось, прошло сто лет с тех пор, как я в последний раз слышал этот голос – голос, который, бывало, выводил меня из себя, пугал меня, вселял в меня бессознательный страх и мрачные предчувствия*** (Ngram).

Приведённая группа лексем актуализирует значение привычности, общности действия, его повторяемости, в результате степень интенсивности снижается.

10. **Экспрессивность:** *wahrheitsgemäß, tatsächlich, zutreffend, unwiderleglich, wahrheitsgetreu, по правде, по совести, по справедливости, кроме шуток, смешно сказать, не в укор*

будь сказано, между нами будь сказано, признаться сказать, надо признаться, сказать по чести.

– *Tatsächlich ärgert sie nichts so sehr, als wenn ihr jemand mitten ins Gesicht lügt* (Ngram).

– *Ihr zunächst ungläubiger und dann panischer Gesichtsausdruck hatte ihn tatsächlich amüsiert* (Ngram).

– *Но, кроме шуток, когда это говорится беспристрастно – меня это очень радует* (Ngram).

– *Между нами говоря, меня начинает раздражать его неуязвимость* (Ngram).

– *Смешно сказать, но Ганди удалось-таки одного вице-короля Индии, пусть ненадолго, увлечь своей философией непротивления* (Ngram).

Данная группа единиц маркирует экспрессивность производимого действия, указывая на его истинность (*wahrheitsgemäß, tatsächlich, zutreffend, unwiderleglich, wahrheitsgetreu, по правде, по совести, по справедливости*), на отношение к сообщаемому (*смешно сказать, не в укор будь сказано, между нами будь сказано, сказать по чести*). В результате достигается эффект интенсификации за счет направленного привлечения внимания к описываемому действию.

Как показал анализ, разные классы дискурсивных маркеров в ситуациях с эмотивными каузативами маркируют выражаемое им действие по степени достоверности, меры, обычности, экспрессивности, по степени важности исходя из порядка изложения, указания на источник информации. Это дает нам возможность оценить всю ситуацию в целом, определить степень интенсивности эмотивной каузации.

3.3. ФУНКЦИИ МОДАЛЬНЫХ ЧАСТИЦ

В контекстах с эмотивными каузативами модальные частицы выполняют функцию усиления / ослабления эмотивной составляющей высказывания, актуализируемой каузативным глаголом.

Усиление актуализируют частицы: *eben, doch, halt, ja, denn, echt*; *даже, ведь, уж, все же, же, ну.*

– „*Na, da kannst du dich **ja freuen**, dass du einen Opa hast, der mitdenkt. Nein wirklich“*, *lacht sie über mein verdutztes Gesicht* (Ngram).

– *Um Himmels willen! Lucie, jetzt hast du mich **aber erschreckt!** Wieso hast du denn einen Hund da drin!* (Caro, S. 117)

– *Уверенность обер-лейтенанта во всесильности НКВД **даже рассмешила** Тарасова* (Ngram).

– ***Ну, насмешил!** – И снова гомерический хохот* (Ngram).

Ослабление актуализируется частицами: *bloß, aber, mal, nur, etwa, wohl*; *вряд ли, скорее уж, все-таки, как-то.*

– *Soll ich mich **etwa freuen**, dass ich den Rest meines Lebens auf der Flucht bin?* (Ngram)

– *Würde es dich **denn interessieren**, wenn ich Rosemary gegenüber nicht erwähne, dass du ihr ein Geschenk gekauft hast* (Ngram).

– *Aber damit macht er uns Ärger. Und vielleicht auch sich selber. Du bist naiv, meine liebe Ille. Du willst dich **wohl nicht ärgern?*** (Ngram)

– *Дейзи не сомневалась, что известие о том, что поиски жилья осложняются наличием ребенка, его **вряд ли обрадует*** (Ngram).

– *Меня такая непонятливость **как-то разозлила** даже* (Ngram).

Одна из особенностей модальных частиц – это их полисемичность, поэтому одна частица, в зависимости от контекста, может актуализировать и значение усиления:

– *Junge, ich **freue** mich **doch** auf Dich, und wo es sich machen lässt, ich weiß es ja nicht, könntest Du mich nicht in Kapstadt abholen?* (Ngram)

и значение ослабления:

– *Lena wurde puterrot, aber sie **freute** sich **doch*** (Ngram).

Модальные слова и модальные частицы представляют собой своеобразный класс лексем, статус которых до сих является полемичным, однако функциональный потенциал которых не вызывает сомнения. Им принадлежит ведущая роль в реализации говорящим его интенций, но также они помогают слушающему адекватно оценить содержание высказывания.

3.4. МЕЖДОМЕТИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ЭМОЦИИ И ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ОЦЕНКА»

Междометия обычно рассматриваются как часть функционально-семантической категории градуальности. В этом аспекте выделяются: собственно-эмоциональные междометия, которые используются для подчеркивания силы проявления эмоций, чувств, физических ощущений, испытываемых

субъектом речи. Они, свою очередь, подразделяются на аффективно-эмоциональные и рефлексивно-эмоциональные.

Аффективно-эмоциональные междометия (*ах, о, ох, боже, господи, господи боже мой, а, эх, ой, чёрт, чёрт возьми*) служат для выражения интенсивности проявления определенного чувства.

Отрицательные эмоции:

испуг

– *Только тут я заметила, что за окнами темно, и поняла, что мы собираем яблоки уже не первый час. – Ой... Господи...* (НК).

страдание

– *Я ненавижу тебя всю мою душой и желаю, чтобы ты скорее погиб. О, как я страдаю! Мою душу жжет невыносимая боль* (НК).

– *Ах! Мне ужасно тяжело!* – воскликнула она вдруг и приложила лицо к краю картона (НК).

сожаление

– *Ты сам всё решил. – Господи!* – простонал он. – *Какой я дурак!* (НК)

Положительные эмоции:

удовольствие

– *Блаженство... Господи, какое блаженство... Мы ходили в Сибири в баню все вместе— Павел Алексеевич, Танечка, Василиса...* (НК).

– *Ах, господи, неужто возможно такое счастье – увидеть Мишеньку женатым, спокойным, занятым серьезными думами и трудами?* (НК)

– С пивцом ее зимой да за дружеской беседой — **ах, господи ты, боже мой!** (НК)

– Да, да! — Он засмеялся. — Именно так. Ах, чёрт возьми! Нет, есть у меня всё-таки что-то в башке есть! (НК).

восхищение

– Валентина Павловна бросила на руки Наде тяжелый рулон и наклонилась к коляске. — **Ах, господи, какое чудо!** — зашептала она (НК).

– И спустя мгновение принцесса преобразилась. **Боже, как она была прекрасна!** Они посмотрели друг другу в глаза и... да, это была любовь с первого взгляда! (НК)

одобрение

– **О-о,** – сказал Штерн уважительно и стал вдруг очень серьезен. – Прекрасная тема (НК).

– Увидел его в первый раз на большом экране и подумал: "**Чёрт, а выглядит-то неплохо**" (НК).

Рефлекторно-эмоциональные междометия демонстрируют произвольную реакцию на воздействие окружающей среды и подчеркивают силу проявления физических ощущений (ощущение холода, жары, голода и т. п.) [Киреева 2010, с. 7]: *уф, фу, брр, ох, ах, ой, ух, о, чёрт побори.*

– Опять покойники, кровь... **Брр...** Налей-ка мне шампанского, дружок (НК).

– Ланэ вышел из-за угла и чуть не угодил ему под топор. – **Уф!** – сказал он, отскакивая. – Это вы, Курт? (НК).

– Мальчики доверчиво подали ему маленькие холодные руки. – **Фу, до чего перекупались!** Пошли домой (НК).

Второй класс составляют интеллектуально-эмоциональные междометия, которые «способствуют выражению степени проявления признака, состояния, интенсивности выполнения действия и являются реакцией субъекта на акт осмысления объектов реальной действительности: *ах, ох, у, боже мой, фу, о, эх, ого, тьфу*. Они употребляются для подчеркивания определенного отношения к предметам окружающего мира, отмечая степень проявления признаков, интенсивность проявления действий или состояний» [Там же, с. 11]. Например:

- *Фу, гадость!* – *Девушка скорчила гримасу отвращения.*
– *Прямо смотреть не могла, хоть глаза закрывай...* (НК).
- *Они заплатят вам несколько тысяч.* – *Ого! Откровенно говоря, я даже не слишком удивился* (НК).
- *И ты просто плюнешь, в смысле, тьфу ты, чёрт, какая ерунда!* (НК)

Полисемичность составляет специфику всех производных междометий. В немецком языке также можно выделить группы междометий, которые актуализируют положительные или отрицательные эмоции. Например, немецкие междометия *igitt, ach du Schreck, au weh, autsch, bäh, brr, Mist, oh-oh, o weh* актуализируют негативные эмоции, а *hurra, jippi, juchhe, wow, juhu, heisa, topp* служат для выражения положительных эмоций. Однако, значение междометия проявляется в конкретной ситуации и часто зависит от интонации, мимики и жестов, сопровождающих речь.

Положительное значение мы наблюдаем в таком примере:

- *Und, **hoppla** – hier darf alles angefasst, ja es soll sogar alles ausprobiert werden* (Corpora).

В следующем примере актуализируется отрицательное значение междометия *hoppla*.

– *Doch hoppla, ganz so einfach ist es nicht* (Corpora).

В ситуации каузации модификации эмоционального состояния волитивные междометия играют важную роль, так как способствуют актуализации различных прагматических функций, синкретичных с фактом побуждения. Например, в немецком языке: *heisa (heißa)* имеет значение выражения радости или подбадривания (duden.online; dwds.de). Сравните также: *Heida, heda, heisa, hopsa, Hurassassa! In tausend Jahren soll kein Friede sein. Heida, heda, heisa, hopsa, Hurassassa! Alt ist der Wein, jung sind schöne Mägdelein, was wir sehen, Brüder, muss unser sein. Trinkt froh und frisch, frisch! Heida, heda, heisa, hopsa, Hurassassa!* (Ngram)

Междометие *pst, sch* означает призыв успокоиться; согласно данным ресурса dwds.de, имеет ряд синонимов: *pscht! psst! pst! schh! schhh! Ruhe jetzt! Ruhe! leise! still! sei still! Ruhe da hinten auf den billigen Plätzen! Ruhe da hinten! Ruhe im Glied! Gib endlich Ruhe!* Последние из перечисленных синонимов относятся к междометным фразеологическим единицам и отличаются национальной спецификой.

Рассматривая производные междометия семантической группы эмоции и эмоциональная оценка, можно выделить следующие классы эмоций.

1. Положительные:

1.1. Одобрение, похвала, восхищение, радость: *au, ou, ei, hach, ho, hu, na, uff, helau, heißa, juchhe, juchheurassassa, juchheiße, juchheidi, juchhu, o, oh, uh, hui; ux, ax, ой, о, а, ура, эгей, о, ого, браво, э-ге-ге! бис!*

– „*Au fein!*“ rief das Mädchen. „*Er ist aber größer als du*“ (HPC).

– *Ух, у Мишки работа – просто позавидуешь!* (HK)

– *Hannover, helau: Rund 100 000 Zuschauer winkten den beiden sowie den 20 Kapellen und 30 Festwagen zu, die entlang der rund drei Kilometer langen Zugstrecke vom Rathaus zum Georgsplatz unterwegs waren* (Corpora).

– *А потом двор вскричал бы: «Эгей! Как ловко стреляет наша государыня!»* (HK)

1.2. Поощрение к действию, подбадривание, одобрение: *hopp, horpla, na tja; ну, гоп, хоп, опля, гоп-гоп, ну, айда, да, угу, ага.*

– *Und schon wieder Weihnachten. Schon wieder ein Jahr vorbei, tja, tja* (Ngram).

– *"Hopp, hopp, hopp, das schafft ihr!", schrieen manche Fans ihren*

– *Favoriten aus vollem Hals entgegen, während andere dem Treiben auf dem Wasser eher gelassener gegenüberstanden* (Ngram).

– *А ну: гоп трала! гоп трала! гоп, гоп, гоп!* – *Так разговаривал сам с собою подгулявший мужик средних лет, танцую по улице. – Ей-богу, не так танцуется гонак!* (Ngram)

1.3. Удивление: *oje, oho, pah; hallo, hoi, ah; ого, о-го-го, о-ля-ля, ага, эх, ух, ах* (радостное удивление), *huch* (жеманное удивление).

– *Hoi, du bist schon fertig!* (HPC).

– *Так, а в профиль? Ого! Машина какая!* (HK).

– *Neben potenziellen Ehepartner bietet die Webseite auch einen Veranstaltungskalender sowie eine Bibliothek mit Schriften zu Familien. Ehe und – huch – Sex.* (жеманное удивление) (HPC).

1.4. Успокоение: *na, na, pst, pscht, psst, pst, schh, schhh, husch, kusch*; ну, ну-ну, тсс, цыц, чи, ш-ш, чур, чу.

- *Pst, pst, drehen Sie sich nicht um!* (Corpora).
- *А где Илья? – Чу-ш!.. – раздалось из темноты* (НК).

1.5. Облегчение: *uff, уф, фу-х.*

- *Auch Daniela ist zufrieden mit uns – uff* (Corpora).
- *Спасся. Фу-у -ух. Женщины – очень страшно* (НК).

2. Отрицательные:

2.1. Укоризна, упрек, брезгливость, презрение, отвращение: *äh, pah, bäh, äh, ei; фу, фи, тьфу, но, э, о, эх, ох, но-но.*

- *Sie reisen also, äh, mit ihrer Gemahlin?* (НРС).
- *Эх, мне, если честно, нечего тут больше комментировать* (НК).

– *Pah, diese Leute interessieren mich nicht! Pah, das ist mir doch egal, was ihr von mir haltet!* (НРС).

- *Guck mich nicht so blöd an! – Bäh!* (НРС).
- *Владыко, не имеющий ни капли достоинства, невоспитанный, прячущий сухари в карманы, как школьник... Фи!* (НК)

2.2. Провокация, поддразнивание, насмешка, ехидство: *buh, pah, bah, hu, huhu, ätsch, eh, hä, hach, hi, pfui, puh; у-у, ах так, бе, у, эй, ха, фу-фу, ах-ах.*

- *Annelise aber machte ihm eine lange Nase und sagte: „Ätsch!“* (НРС).

- *Эй вы, сонные тетери, открывайте панае двери!* (Ngram)
- *Als die Kanzlerin die FDP ein bisschen anfrotzelt, schaut er buh!* (Corpora).

– Разбойники скакали вокруг Герды, выли, улюлюкали и делали ей страшную «козу»: «**У-у-у-у!**» (Ngram)

2.3. Огорчение, сожаление, разочарование, раздражение: *ai, ho, och, buh, ei, ho, hoi, na, oho*; *у-у, хо, ох-хо-хо, ох, о, эх, ох-хо-хо, эх, эхма, ёпрст, ых*.

– *Och, der Ärmste!* (НПС).

– **Ох**, не такая баба нужна Рубцову, не такая (НК).

– *Am Schluss der Theateraufführung gab es viele Buhs* (НПС).

– **Ох-хо-хо**, нехорошо все это, голубчик (Ngram).

– **Oho**, so geht das nicht! (НПС)

– **Эхма**, тяжело жить на свете! (Ngram).

2.4. Угроза, предостережение: *he, heda, ho*; *но, ну, а ну, эй*.

– **Heda!** *Wohin mit Gitarre?* (НПС).

– **А ну, не дури**, Митяй, не дури (Ngram).

2.5. Возмущение, тревога, враждебность, гнев, отвращение: *hey, o, pfi, herrje hu, ih, bäh, igitt, huhu, o, oh, uh*; *ох, а-а-а, ах. бр, фу, э, эй, а ну, фу, ай-яй-яй*.

– „**Pfui!** *Schämt euch*“ rief Friedrich, „*wer wird eine Geliebte verleugnen?..*“ (НПС).

– **Эй! Что вы делаете?!** – вспыхнул Аулис (Ngram).

– „*Herrje noch mal, könnt ihr zwei nicht einmal fünf Minuten nett miteinander spielen?*“ (Johnson, S.12).

– *Ja, du bist auch igitt* (Corpora).

– *Ни одного чистого сугроба, все в соли, гари. Бр-р, гадость какая* (Ngram).

– **Oh**, wie schrecklich! (НПС).

– **Ох**, Петя, – испугалась Аделаида Семеновна (Ngram).

Таким образом, междометия являются одним из наиболее ярких способов актуализации экспрессивности и эмотивности в речи, как правило, сопровождающиеся соответствующими интонацией, мимикой и жестами. Это важно для непроезводных междометий, поскольку их характерной чертой является многозначность, и актуализируемая эмоция может быть декодирована только в конкретной ситуации с учетом всех экстралингвистических средств. Непроезводные междометия, в отличие от производных, скорее устойчивый класс лексем, не подверженный расширению, однако, необходимо отметить, что данная группа междометий отличается крайней многозначностью, так что одно междометие может актуализировать практически всю палитру как отрицательных, так и положительных эмоций.

3.5. ТИПОЛОГИЯ МЕЖДОМЕТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

К междометным фразеологическим конструкциям¹, актуализирующим положительную семантику, относятся, в немецком языке: *Kopf hoch! Immer Mut! Nur Mut! Hals- und Beinbruch! Dieses Wort in Gottes Ohr! Ruhig Blut! Immer mit der Ruhe! Immer sachte! Fassen Sie Mut! Nehmen Sie allen Ihren Mut zusammen! Halte die Ohren steif! Nur keine Schwäche zeigen! Keine Angst! / Keine Bange! Immer zu! / Nur zu! Lass den Mut nicht sinken! Mach dir nichts daraus! Abwarten und Tee trinken! Es wird schon*

¹ Выборка междометных фразеологизмов осуществлялась: Балк Е. А., Леменёв М. М. 1500 самых нужных фразеологизмов немецкого языка: Справочник. М.: Изд-во «НЦ ЭНАС». 2006. 272 с.

wieder werden! Die Welt wird nicht gleich aus den Angeln gehen. Das wird den Kopf nicht kosten. Das kann den Hals nicht kosten. Deshalb wird man dich nicht gleich auffressen. So was kommt in den besten Familien vor. Es ist noch nicht aller Tage Abend. Es geht den Menschen wie den Leuten. Ende gut, alles gut.

– **«Keine Bange**, wir wollen keine Spende», sagte er freundlich und zeigte seine Dienstmarke (Ngram).

– Da habe ich doch gestern bei den Brauers ein Glas Rotwein quer über die Decke gekippt. – **Das kommt in den besten Familien vor!** Mach' dir deswegen keine übertriebenen Vorwürfe! (WDRK)

– „Mann, ich hab' eine Angst! Wenn der mich über das Mittelalter prüft! Da weiß ich nichts! – **Ruhig Blut**, Fredi! Irgendetwas wirst du schon antworten! Bloß nicht aufregen! Im Examen ist noch keiner gestorben! (WDRK)

– Wenn das nur gut geht in der Prüfung! Diesmal bin ich nicht so vorbereitet, wie das sein sollte. – **Nur Mut**, Junge! Es wird schon klappen! (WDRK)

– Was meinst du, wann werden wir die Unterlagen endlich kriegen? –

– **Abwarten und Tee trinken**, Gerd! Ich habe mir schon abgewöhnt, mit bestimmten Daten zu rechnen; damit macht man sich nur nervös. Wenn sie fertig sind, sind sie fertig (WDRK).

В русском языке: Ни пуха, ни пера! Твои бы слова да Богу в уши. Собери все мужество в кулак! Держи хвост пистолетом! Еще не вечер! Еще не все потеряно! Только без паники! Только не показывай слабости! Не бойся! Не робей! Не принимай близко к сердцу. Не унывай! Не наводи панику! Не оторвут же за это голову. Поживем – увидим. Все образуется. Ничего

страшного! Подумаешь, дело! Пустяки! Все перемелется, мука будет. Выше голову. Что ни делается, все к лучшему. Век живи, век надейся. Терпи, казак, атаманом будешь. Будет и на нашей улице праздник. Чему быть, тому не миновать.

– *Это Ирка, – сказал он, обращаясь к Лерайскому. – Вот видишь, мы еще и на звонке сэкономили. Держи хвост пистолетом, Влад, и все будет пучком. Он нажал кнопку соединения и поднес аппарат к уху (Ngram).*

– *Он никогда не поддавался страху, но сейчас ему стало жутко, и закуривая, он сам видел, как дрожат в руке зажигалка и сигарета. – Только без паники, – бормотал он, двигаясь в потоке (Ngram).*

– *Провожая меня в школу, она ласково помахала мне на лестнице: Ну, ни пуха ни пера! (Ngram).*

– *Хватит ныть, выше голову! (Ngram).*

– *Ради Бога, – кричала она мне в трубку, – не принимай близко к сердцу! (Ngram).*

Модификацию отрицательного эмоционального состояния актуализируют следующие междометные немецкие фразеологизмы: *Na, warte! Wir sprechen uns noch! Ich werde dich Bescheidenheit lehren! Ich werde dir gleich! Den werde ich mir mal greifen / langem! Dem werde ich's versalzen! Gnade dir Gott! Das wollte ich dir auch geraten haben! Das ist die letzte Warnung! Das darf nicht wieder vorkommen! Das werden Sie noch bereuen! Ich werde dir schon noch Manieren beibringen! Jetzt wirst du was erleben! Dir werde ich es zeigen! Dem werd' ich's versalzen! Dem werd' ich die Suppe versalzen! Er soll mir nur kommen! Wir*

sprechen uns noch! Du wirst mich noch kennenlernen! Das Maß ist voll! Du kriegst eins/was hinter die Löffel!

– *Na warte, das werde ich Mutter sagen, dass Du Dich versteckt hast!“, schimpfte ich, war innerlich aber froh, sie gefunden zu haben (Ngram).*

– *Er sagte, wir dürften nicht mehr befreundet sein, und das sei eine offizielle Warnung. Die **letzte Warnung** (Ngram).*

– *Das hättest du wohl gern, du intrigante Erbschleicherin! Glaub ja nicht, dass du damit durchkommst. Ich werde für Jette und Heinz kämpfen. **Du wirst mich noch kennenlernen!** (Ngram).*

– *„Sie wissen wohl nicht, was sich gehört, Mann, **wir sprechen uns noch.**“ Der Mann reißt die Hacken zusammen, aber er grinst. Der grinst einfach, und mir wird klar, dass ich mich ihm gegenüber falsch verhalten habe (Ngram).*

– *Was, auch noch patzig werden, du **kriegst gleich was hinter die Löffel!** (Ngram).*

– ***Aber diese Suppe werde ich ihnen versalzen.** Mit Riesensätzen eilte er hinter den Banditen her (Ngram).*

– *Mag sein, dieser Autor will bei uns von vornherein abgelehnt **werden** und dann gleich drüben ins Geschäft. Wenn Sie mich fragen, **werde** ich ihm das **versalzen**. Wenn schon, dann nur mit uns (Ngram).*

В русском языке: Я это еще припомню! Ну, погоди же! Не жди пощады! Я тебя научу вежливости! Вот я тебя! Чтобы этого больше не было! Доберусь я до тебя! Я тебе задам! Это последнее предупреждение! Вы об этом еще пожалеете! Я ему еще покажу кузькину мать! Уж я ему устрою! Я тебе покажу! Сейчас ты у меня узнаешь! Я тебе покажу, как надо себя вести!

Пусть он мне только попадетя! Ты меня еще узнаешь! Мы еще встретимся! Кончилось мое терпение! Сейчас как врежу! Хорошего понемножку!

– Ну, Катенька, ну, удружила... **Погоди, мы ещё встретимся!** Мужчина стряхнул с себя остатки образов (Бориса? Олега?) и, шагнув в тень арки, растворился в уличной суматохе (Ngram).

– Если я появлюсь, **он** пустит в меня мою же стрелу, – подумал Май. – *Надо возвращаться в селение. Я загрызу эту сволочь, пусть только попадетя он мне на глаза»* (Ngram).

– Виноват, отработаю, – привычно загнул Слава, и, придав лицу серьезность, клятвенно добавил: – **Пусть он мне только попадетя** этот Толик Колесников, замочу! (Ngram).

– Злыдня! – зашипел сбоку Тагерт. – *Надо было сказать, что кусты здесь не к месту. Я это еще припомню, когда эльф отправится к тебе!* (Ngram).

– Ладно, коллеги мои добрые, **я вам это еще припомню...** Если, конечно, не забуду; надо такие вещи записывать... (Ngram).

– Глупец! – прошипел он. – **Вы об этом еще пожалеете.** – *Очень может быть!* – крикнул в ответ Ли (Ngram).

Междометные фразеологизмы положительной семантики актуализируют ряд эмоций.

Успокоение:

– „Gott beschütze das arme Kind“, murmelte er hinauf in den grauverhangenen Himmel von Oxford. – „**Dein Wort in Gottes Ohr**“, sagte Margaret Tuckett bange (Ngram).

– Also, **Hals und Beinbruch**, Fran. Denken Sie an das, was ich Ihnen gesagt habe. Verhalten Sie sich völlig natürlich (Ngram).

– *Aber Du brauchst Dir **keine** Sorgen zu machen, wir halten bestimmt durch. Unser ganzes Denken gilt ja nur Dir und ich bitte Dich, lass Deinen Mut nicht sinken. Es ist zwar leichter gesagt als getan, aber ich weiß, dass Du durchhalten wirst* (Ngram).

– *„**Wird schon werden, Susi**“, tröstete er Schulter klopfend töricht* (Noack, S. 84).

Ободрение:

– ***Kopf hoch**, auch aus Niederlagen lässt sich etwas machen, wie unsere Galerie der Verlierer zeigt* (Corpora).

– *Also **Kopf hoch**, Jungs, bis zur nächsten Weltmeisterschaft ist nicht mehr viel Zeit* (Corpora).

– ***Keine Angst**, wir holen dich da raus!* (dwds).

– *Über Maschinenlärm hinweg brüllten sie «Tschüs» und «**Halt die Ohren steif**»* (dwds).

– *Mit einem "Gute Fahrt und **Hals und Beinbruch**" überließ er mich schließlich meinem Schicksal, das nun seinen Lauf nehmen sollte* (Corpora).

– *Er strich Susi über die verschwitzte Wange. "**Mach's gut, Mädchen. Halt die Ohren steif**"* (Noack, S. 33)

Междометные фразеологизмы, актуализирующие отрицательную модификацию эмоционального состояния, реализуют значение предостережения и угрозы.

Предостережение:

– ***Na, warte**, das wirst du noch bereuen!* (Ngram).

– *Hier sind die Vorratskammern voll Korn und Fleisch. Weshalb sollen die Kinder der Gerechten hungern und die Übeltäter im Überfluß leben? Jetzt aber ist ihre Zeit vorbei. **Das Maß ist voll, Kavaliere!*** (Ngram)

Угроза:

– „*Na warte, das werde ich Mutter sagen, dass Du Dich versteckt hast!*“, *schimpfte ich, war innerlich aber froh, sie gefunden zu haben* (Ngram).

– *Die Freude, die könnte Euch arg versalzen werden* (Ngram).

– *Aber diese Suppe werde ich ihnen versalzen. Mit Riesensätzen eilte er hinter den Banditen her. Es dauerte auch nicht lange und er bekam sie ins Visier* (Ngram).

Основные характерные черты междометий заключаются в их побудительной и эмотивной функции. Междометные обороты свойство живой речи. Они функционируют как более

экономные, краткие и эмоциональные формы выражения отношения говорящего к объективному миру. Междометные фразеологизмы в полной мере выполняют эти же функции, при этом происходит усиление эмотивного компонента за счет образности фразеологического оборота. В результате происходит увеличение иллокутивной силы высказывания, усиление перлокутивного эффекта.

В ситуациях с эмотивными каузативами наблюдается межкатегориальное взаимодействие и, прежде всего, речь идет о пересечении категорий эмотивности, каузативности и интенсивности. Эти категории тесно взаимосвязаны, использование интенсификаторов в речи напрямую связано с усиленным воздействием на адресата.

Эмоции являются мотивом для употребления в речи интенсификаторов, которые, в свою очередь, повышая экспрессивную силу высказывания, также вызывают интенсивные эмоции у адресата. Категория интенсивности

выражения эмоций непосредственно связана с категориями оценочности и количественности.

Изучение языкового материала позволило выявить также позиции пересечения категорий темпоральности, итеративности, модальности и др. В качестве интенсификаторов в ситуациях каузации модификации эмоционального состояния выступают разнообразные лексические средства: наречия, модальные слова и модальные частицы, дискурсивные маркеры, междометия и междометные фразеологизмы. Данные языковые единицы в ситуации каузации эмоциональной модификации могут подвергаться десемантизации и прагматикализации, что особенно ярко наблюдается в случае с междометными фразеологизмами.

Междометные фразеологизмы выполняют те же функции, что и междометия – экспликация эмоций. При этом синтаксически они являются самостоятельными интонационно оформленными нечленимыми фразами, с обобщенным устойчивым эмотивным значением. Образность междометных фразеологических единиц усиливает их экспрессивную силу, устойчивость данных оборотов относит их в арсенал средств живой речи, которыми активно пользуются все носители языка. Междометные фразеологизмы выступают в качестве актуализаторов усиления эмотивного компонента в ситуации каузации эмоциональной модификации за счет своей образности, что ведет к увеличению иллокутивной силы высказывания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе впервые вводится понятие «эмотивный каузатив» в рамках выявления ключевых средств актуализации каузативной семантики. Эмотивные каузативы не были предметом специального исследования; открытыми остаются вопросы, касающиеся их семантического и прагматического потенциала; их статус как ведущего языкового средства модификации эмоционального состояния лица; анализ языковых средств, выступающих в качестве причины, мотива каузации в ситуации эмоциональной модификации. Данный класс каузативов демонстрирует высокую рекуррентность, что подтверждается данными корпусов.

В работе вводится понятие «категориальный семантический комплекс» как функциональное множество субкомплексов, актуализирующих ранее не выделенные аспекты каузативной ситуации – интенсивность, экспрессивность, итеративность, оценочность. Понятийный аппарат функциональной грамматики расширен за счет введения таких категорий, как «эмотивно-каузативный категориальный семантический комплекс», «эмотивно-интенсивно-каузативный субкомплекс», «эмотивно-оценочно-каузативный субкомплекс», «эмотивно-итеративно-каузативный субкомплекс», «эмотивно-интенсивно-каузативный субкомплекс». В исследовании предлагается типология категориальных семантических комплексов.

Каузативная ситуация эмоциональной модификации демонстрирует иерархию участников: если для каузативной ситуации информативной модификации ведущая роль отводится

инструментальной составляющей, то для ситуации эмоциональной модификации на первый план выдвигается результирующее состояние в аспекте его длительности, периодичности, регулярности, степени интенсивности и оценочности.

Для ситуации эмоциональной модификации актуальным становится функциональный потенциал частиц, дискурсивных маркеров, междометий и междометных фразеологизмов, которые относятся к периферии информативной и физической каузации.

Каузация эмоциональной модификации актуализируется синтетическим и аналитическим эмотивным каузативом. Синтетический, или лексический, каузатив – это глагол, который включает в свой семантический потенциал семы эмотивности и каузативности. Аналитический, или синтаксический, каузатив представляет собой глагольно-именную конструкцию, семантика которой определяется отношениями между компонентами данной конструкции: именная часть реализует эмотивный компонент значения, глагольная – каузативный. Глагол выполняет связочную функцию, обладает широким семантическим потенциалом, подвержен грамматикализации.

Моделирование ситуации каузации эмоциональной модификации включает определение базовых каузативов, прототипических элементов ситуации; учитывая специфику ситуации дополнительно включаются элементы интенсивности, оценочности и экспрессивности. Категориальные семантические эмотивно-интенсивно-, эмотивно-оценочно-, эмотивно-экспрессивно-каузативные субкомплексы взаимодействуют на

функциональной основе, демонстрируют тесные устойчивые связи и находятся в отношениях взаимообусловленности.

Модель ситуации каузации эмоциональной модификации представляет собой матрицу взаимодействия взаимообусловленных категорий интенсивности, оценочности и экспрессивности в виде категориальных семантических комплексов или субкомплексов. Межкатегориальные связи с субкомплексами реализуются на уровне актуализации элементов функционально-семантических категорий аспектуальности, таксиса, временной локализованности, итеративности и темпоральности в рамках категориальных семантических субкомплексов, функционирующих в ситуации каузации модификации эмоционального состояния. Модель функционирования эмотивно-каузативного семантического комплекса представлена на рис. 17.

При изучении функционирования эмотивно-каузативного категориального семантического комплекса в рамках среды фиксируется его взаимодействие с категориями экспрессивности, оценочности, интенсивности. Это дает нам возможность наблюдать за актуализацией категориальных семантических субкомплексов.

Для каузативной ситуации с эмотивными каузативами роль среды выполняют адвербиальные единицы, модальные слова, дискурсивные маркеры и междометия, которые являются элементами категориальных семантических субкомплексов, реализуя аспектуальные, таксисные, итеративные, темпоральные значения, значения временной локализованности.

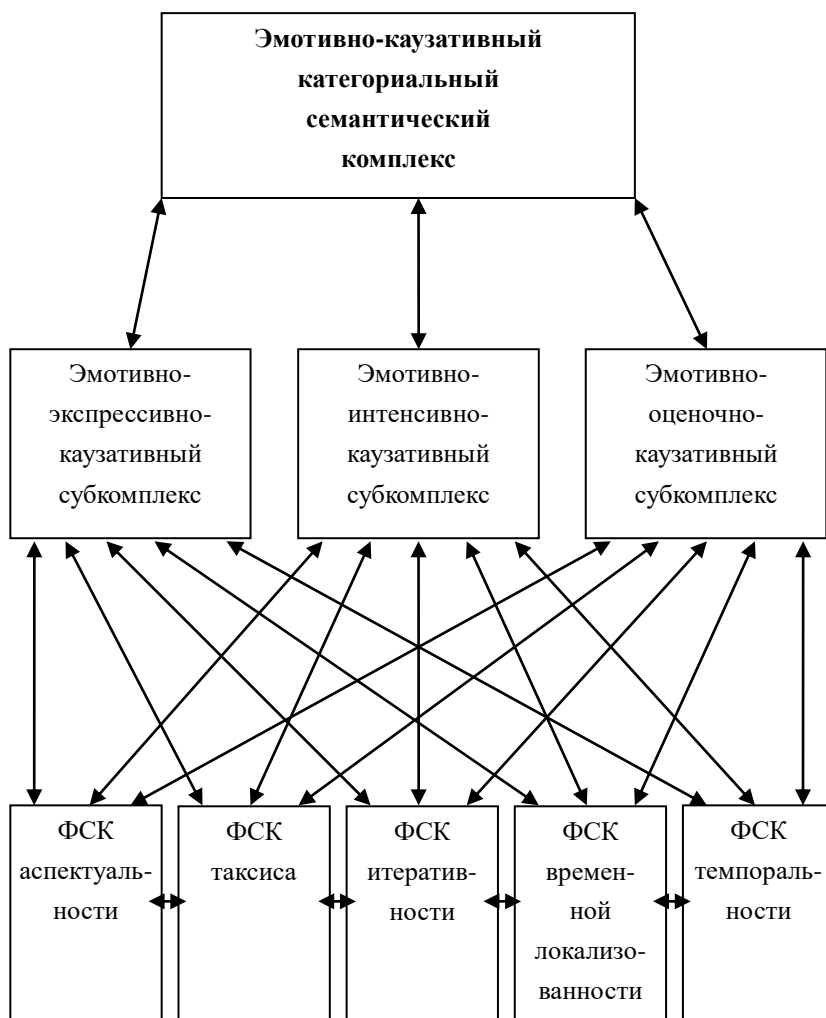

Рис. 17. Модель эмотивно-каузативного категориального семантического комплекса

Цель исследования заключалась в моделировании взаимодействия категорий эмотивности и каузативности и смежных с ними категорий. Для достижения данной цели были изучены аспекты межкатегориального взаимодействия категорий каузативности и эмотивности; выявлены смежные функционально-семантические категории, а именно категории экспрессивности, интенсивности, оценочности; определены базовые эмотивные каузативы немецкого и русского языков на основе дефиниционно-семантического анализа; разработана модель взаимодействия функционально-семантических категорий каузативности, эмотивности, интенсивности, оценочности, экспрессивности; разработана модель эмотивно-каузативного категориального семантического комплекса; описан функциональный потенциал эмотивных каузативов; описан функциональный потенциал наречий, частиц, дискурсивных маркеров и междометий в ситуации с эмотивными каузативами; определено место и роль междометий и междометных фразеологизмов в ситуации каузации эмоциональной модификации.

К перспективам исследования мы относим изучение аспектуального плана ситуации каузации эмоциональной модификации на материале русского и немецкого, а также других языков. Выявление и описание способов семантизации инструментальности в рамках рассматриваемой ситуации с последующим моделированием функционально-семантических полей аспектуальности и инструментальности.

Категории эмотивности, экспрессивности, интенсивности и оценочности настолько взаимосвязаны, что вопрос об их

разграничении не решен лингвистами окончательно, существует несколько точек зрения по вопросу о дифференциации данных категорий. Рассмотрение их в аспекте функциональной грамматики в рамках эмотивно-каузативного категориального семантического комплекса и составляющих его субкомплексов, послужит более глубокому осмыслению сущности и границ этих категорий.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Адмони В. Г. Основы теории грамматики. М.: Наука. 1964. 107 с.
2. Адмони В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики / Отв. ред. В. М. Павлов; АН СССР, Ин-т языкознания, Ленинградское отд-ние. Ленинград: Наука: Ленингр. отд-ние. 1988. 238 с.
3. Аверина А. В. Функции модальных частиц в публицистических текстах (на материале немецкого языка) // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 3. 2017 а. С. 69–72.
4. Аверина А. В. К проблеме разграничения модальных и дискурсивных частиц в немецком языке // Евразийский гуманитарный журнал. 2017 б. № 2. С. 4–7.
5. Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике: Учеб. пособие. М.: Высшая школа. 1991. 140 с.
6. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Наука. 1976. 384 с.
7. Бабаева Р. И. Незнаменательная лексика в немецком обиходном дискурсе (прагматический аспект). Автореф. ... д. филол. н. Москва. 2008. 458 с.
8. Бабенко Л. Г. Глаголы эмоциональной деятельности в однородном синтаксическом ряду // Номинативные единицы языка и их функционирование. Сб. науч. тр. Кемерово: Изд-во «Кемеровский государственный университет». 1987. С 18–24.
9. Бабенко Л. Г. Эмотивная лексика в структуре предложения // Классы слов в синтагматическом аспекте. Сб. науч. тр. Свердловск: Изд-во «Уральский университет». 1988. С. 145–156.

10. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд-во «Уральский университет». 1989. 184 с.
11. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Издательство иностранной литературы. 1955. 416 с.
12. Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнёры. 1993. 205 с.
13. Бацевич В. С. Космеда Т. А. Очерки по функциональной лексикологии. Львов. Изд-во «Свит». 1997. 392 с.
14. Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. № 3 (27). 2014. С. 7–20.
15. Бодуэн де Куртенэ И. А. Об общих причинах языковых изменений // Избранные труды по общему языкознанию. М.: АН СССР. 1963. 391 с.
16. Болдырев Н. Н. Функциональная категоризация английского глагола. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «Либроком». 2009 а. 144 с.
17. Болдырев Н. Н. Категориальное значение глагола: системный и функциональный аспекты. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «Либроком». 2009 б. 176 с.
18. Болдырев Н. Н. Теоретические и методологические принципы когнитивного исследования языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2013 № 24 (315). С. 7–13.
19. Бондарко А. В. Грамматические категории и контекст. Л.: Наука. 1971. 114 с.

20. Бондарко А. В. К теории поля в грамматике – залог и залоговость // Вопросы языкознания. 1972. № 3. С. 20–35.

21. Бондарко А. В. О некоторых аспектах функционального анализа грамматических явлений // Функциональный анализ грамматических категорий. Л.: Изд-во «Ленинградский государственный педагогический институт». 1973. С. 5–31.

22. Бондарко А. В. Понятийные категории и языковые семантические функции в грамматике // Универсалии и типологические исследования. Отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Наука. 1974. С. 54–79.

23. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л.: Наука. 1976. 255 с.

24. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л.: Наука, 1978. 176 с.

25. Бондарко А. В. Функциональная грамматика / Отв. ред. В. Н. Ярцева. Л.: Наука. 1984. 136 с.

26. Бондарко А. В. Введение. Основания функциональной грамматики. 1987. URL: http://iling.spb.ru/grammar/bondarko_1987.pdf (дата обращения 28.05.2017)

27. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. М.: Эдиторал УРСС. 2001. 208 с.

28. Бондарко А. В. Категории в системе функциональной грамматики // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. Сборник статей, посвященный юбилею Г. А. Золотовой. М.: Эдиторал УРСС. 2002. С. 15–21.

29. Бондарко А. В. Теоретические проблемы русской грамматики. СПб.: Изд-во «Санкт-Петербургский государственный университет». 2004. 208 с.

30. Бондарко А. В. Полевые структуры в системе функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. СПб.: Наука. 2005 а. 478 с.

31. Бондарко А. В. О понятии «категориальная ситуация» // Концептуальное пространство языка. Сб. науч. тр. Под ред. проф. Кубряковой Е. С. Тамбов: Изд-во «Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина». 2005 б. С. 66–77.

32. Бондарко А. В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики. URL: http://portalus.ru/modules/linguistics/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1106122586&archive=&start_from=&ucat= (дата обращения: 01.06.2016)

33. Бюлер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс. 1993. 501 с.

34. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры. 1999. 780 с.

35. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды Института русского языка АН СССР. Т. 2. М., 1950. С. 38–79.

36. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове. Под ред. Г. А. Золотовой). 4-е изд. М.: Русский язык, 2001. 720 с.

37. Водяха А. А. Эмоциональная рамка высказывания. Автореф. ... к. филол. н. Волгоград. 1993. 18 с.

38. Водяха А. А. Средства формирования эмоциональной картины мира языковой личности // Электронный научно-познавательный журнал ВГПУ «Грани познания». № 4 (14). 2011. www.grani.vspu.ru (дата обращения: 01.12.2016).

39. Воейкова М. Д. Введение. Петербургская школа функциональной грамматики: история, современное состояние и направления развития // Acta Linguistica Petropolitana. Труды

института лингвистических исследований РАН. Отв. Ред. Н. Н. Казанский. Т. XI, часть 1. Ред. М. Д. Воейкова, Е. Г. Сосновцева. СПб.: «Наука». 2015 а. 901 с.

40. Воейкова М. Д. Функции высказываний с компонентом «давай» в речи взрослых и детей // Проблемы онтолингвистики: механизмы усвоения языка и становление речевой компетенции. Материалы международной конференции. Институт лингвистических исследований РАН. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН. 2015 б. С. 40–44.

41. Воейкова М. Д. Модальность и механизмы усвоения языка // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований РАН. Отв. Ред. Н. Н. Казанский. 2017. Т. 13. № 3. С. 461–477.

42. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М. URSS. 2017. 656 с.

43. Германович А. И. Междометия русского языка. Пособие для учителя. Киев: Изд-во «Радянська школа», 1966. 172 с.

44. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М.: Прогресс. 1992. 224 с.

45. Графова Т. А. Смысловая структура эмотивных предикатов. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. Коллективная монография. Ин-т языкознания / Отв. ред. В. Н. Телия. М.: Наука. 1991. С. 67–99.

46. Гулыга Е. В. Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: Просвещение, 1969. 184 с.

47. Донина О. В. Скрытая категоризация эмоций в вариантах языка. Дисс. ... к. филол. н. Воронеж. 2016. 533 с.

48. Егорова М. А. Лексикализация, грамматикализация, прагматикализация: английское прилагательное *good* // Известия ВГПУ, № 2 (261). 2013. Гуманитарные науки. С. 217–220.

49. Зибукаева З. С. Грамматикализация как морфологический процесс (на материале глаголов с приставкой *no-* и их аналогов в чеченском языке) // Рефлексия. № 1. 2016. С. 61–65. URL.: <http://elibrary.ru/download/96647469.pdf> (дата обращения: 08.02.2017).

50. Золотова Г. А. Грамматика как наука о человеке // Русский язык в научном освещении. № 1. М., 2001. С. 107–113.

51. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: URSS. 2005. 352 с.

52. Золотова Г. А. О возможности грамматической науки // Вопросы языкознания. № 3. 2006. С. 14–21.

53. Золотова Г. А. К проблеме соотношения семантики, морфологии и синтаксиса. URL: http://helpforlinguist.narod.ru/grammar_theory.pdf (дата обращения: 30.01.2017).

54. Иванов В. Д. Критерии разграничения немецких модальных и дискурсивных частиц в отечественной и зарубежной лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. Грамота. 2018. №3 (81). Ч. 2. С. 328–332. URL: www.gramota.net/materials/2/2018/3-2/27.html (дата обращения: 30.08.2018).

55. Калягина И. Г. Модальное слово и контекст // Вестник Новгородского государственного университета. № 83. Ч. 1. 2014. С. 77–80.

56. Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М.: Наука. 1988. 320 с.

57. Касевич В. Б. Новая «реальная» грамматика русского языка // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. Материалы XIII конгресса МАПРЯЛ. СПб.: Изд-во «МАПРЯЛ». 2015. С. 71–75.

58. Касевич В. Б. Минимализм в языке и речи // Российский журнал когнитивной науки. М.: ИП Злочевский С. М. 2018. С. 76–81.

59. Квеселевич Д. И. Сасина В. П. Русско-английский словарь междометий. М.: Астрель, АСТ. 2001. 512 с.

60. Кибрик А. Е., Богданова Е. А. Дискурсивные слова как маркеры нетривиальных операций над знаниями (наблюдения над лексемой САМ) // Материалы конференции «Диалог-95». Казань: Полиграф. 1995 а. С. 133–139.

61. Кибрик А. Е. Богданова Е. А. САМ как оператор коррекции ожидания адресата // Вопросы языкознания. № 3. 1995 б. С. 28–47.

62. Кибрик А. А., Плунгян В. А. Функционализм // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой и И. А. Секериной. М.: Изд-во Московского университета. 1997. С. 267–339.

63. Кибрик А. А., Кобозева И. М., Секерина И. А. Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. М.: Эдиторал УРСС. 2002. 480 с.

64. Киреева Г. В. Междометие как показатель градуальности в современном русском языке. Автореф ... к. филол. н. М. 2010. 20 с.

65. Киселева К. Л., Пайар Д. Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство // Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство. Сборник статей. Составители К. Киселева, Д. Пайар. М.: Азбуковник. 2003. С. 8–26.

66. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиторал УРСС. 2000. 352 с.

67. Кобрина Н. А. Понятийные категории и их реализация в языке // Понятийные категории и их языковая реализация. Межвузовский сборник научных трудов. Л.: ЛГПИ, 1989. С. 40–49.

68. Кобрина Н. А. Понятийные категории как основа существования и развития языка. // *Studia Linguistica*. 2010. № XIX. С. 67–72.

69. Колшанский Г. В. К вопросу о содержании языковой категории модальности // Вопросы языкознания. № 1. 1961. С. 94–99.

70. Коминэ Ю. Функционально-прагматические характеристики русских междометных высказываний. Автореф.... к. филол. н. 1999. URL: <http://cheloveknauka.com/funktsionalno-pragmaticheskie-harakteristiki-russkih-mezhdometnyh-vyskazyvaniy>. (дата обращения: 27.01.2018).

71. Коминэ Ю. Экспрессия, эмоции, оценки в междометных высказываниях // Международная научно-практическая конференция к 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Сб. науч. статей. Тула. Изд-во «Тульский государственный университет». 1999. С. 143–145.

72. Корди Е. Е. Побудительные значения конструкций с каузативными и модальными глаголами (на материале французского языка) // Типология конструкций с предикатными актантами. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние. 1985. С. 187–194.

73. Корди Е. Е. Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке. Изд-е 2-е, стереотипное. М.: Едиторал УРСС. 2004. 168 с.

74. Корди Е. Е. Грамматика позиционных глаголов во французском языке (семантическая группа глаголов наклонения) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2015. Т. 11. № 1. С. 757–784.

75. Корди Е. Е. Взаимодействие категорий наклонения и времени (на материале французского языка) // Грамматические категории в языках мира: иерархия и взаимодействие. Материалы докладов. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН. 2016. С. 70–81.

76. Корди Е. Е. Коммуникативная установка высказывания и категория наклонения (на материале французского языка) // Проблемы функциональной грамматики. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН. 2017. С. 134–149.

77. Котюрова М. П. Вводные слова как маркеры речевой индивидуальности ученого // Стереотипность и творчество в тексте. Межвузовский сборник научных трудов / Под редакцией профессора М. П. Котюровой. Пермь: Изд-во «Пермский государственный национальный исследовательский университет». 2017. С. 98–111.

78. Куклина И. Н. Явления фразеологизации и дефразеологизации в языке современной прессы. Дисс... к. филол.н. М., 2006. 251 с.

79. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. Уч. пос. для ин-тов и фак. иностр. яз. 3-е изд. стер. Дубна: Феникс+. 2005. 488 с.

80. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс. 1978. 544 с.

81. Литовкина А. В. Междометные фразеологические единицы: семантические, структурно-синтаксические и функциональные характеристики (на материале русского и немецкого языков). Автореф ... к. филол. н. Саратов. 2005. 24 с.

82. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние. 1986. 227 с.

83. Лукьянова Н. А. Экспрессивность в системе, словаре и речи // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. Коллективная монография. Ин-т языкознания / Отв. ред. В. Н. Телия. М.: Наука. 1991. С. 157–179.

84. Лукьянова Н. А. Дискуссионные моменты интерпретации экспрессивности как категории лексикологии // Вестник Волгоградского университета. Сер. 2: Языкознание. № 1 (9). 2009. С. 211–215.

85. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления в семантическом аспекте // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 14, Вып. 9: Филология. 2015. С. 183–200.

86. Маслова Е. Р. Функционирование контактных глагольных форм в русской устной речи. СПб.: Изд-во «Санкт-Петербургский университет». 2016. 83 с.

87. Массалина И. П., Новодранова В. Ф. Дискурсивные маркеры в английском языке военно-морского дела. Калининград:

Изд-во «Калининградский государственный технический университет». 2009. 278 с.

88. Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянской культуры. 2005. 480 с.

89. Меликян В. Ю. Современный русский язык. Синтаксис нечленимого предложения. Учебное пособие. Ростов-на-Дону: Изд-во РГПУ. 2004. 288 с.

90. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. II: Пер. с фр. / Общая редакция Н. В. Перцова и Е. Н. Саввиной. Москва – Вена: «Языки русской культуры», Венский славистический альманах. 1998. 544 с.

91. Мишланов В. А., Салимовский В. А. О понимании коммуникантами эмоционально-волевой подоплеку реплик диалога // Филологические заметки. Пермь. 2008. Т. 2. С. 22.

92. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантической структуры к языковым средствам. М.: Языки славянской культуры. 2006. 512 с.

93. Неद्याлков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология каузативных конструкций // Типология каузативных конструкций / Под ред. А. А. Холодовича. Л.: Наука. 1969 а. С. 5–19.

94. Неद्याлков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология морфологического и лексического каузативов // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Под ред. А. А. Холодовича. Л.: Наука. 1969 б. С. 20–50.

95. Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М.: Наука. 1985. 170 с.

96. Никулина Е. Г. Функционирование эмоционально-оценочной лексики в аффективной диалогической интеракции (на материале англоязычной художественной литературы конца XX и начала XXI вв.). Дисс... к. филол. н. Киров. 2015. 200 с.

97. Овчинникова Е. В. Грамматикализация неопределенного местоимения «один» (на материале македонского языка). Автореф. ... к. филол. н., Пермь. 2008. 23 с.

98. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры. 2004. 608 с.

99. Пальшина Д. А. От десемантизации к прагматикализации (о смысловых и функциональных трансформациях редуцированных форм частотных слов в устной повседневной речи) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. № 3 (11), 2015. С. 34–38.

100. Петрашук Г. И. Особенности немецких и русских отыменных междометий // Вестник Воронежского института высоких технологий. № 8. 2011. С. 59–62.

101. Пиотровская Л. А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования (на материале русского и чешского языков). Монография. СПб.: Изд-во «Санкт-Петербургский университет». 1994. 146 с.

102. Пиотровская Л. А. «Язык описания эмоций» и «язык выражения эмоций»: новое решение старой проблемы // Язык и эмоции: номинативные и коммуникативные аспекты. Сб. науч. тр. к юбилею В. И. Шаховского. Волгоград: Волгоград. науч. изд-во. 2009. С. 74–85.

103. Пиотровская Л. А. Эмотивность и дейксис // Избранные труды XLIII международной филологической конференции. СПб.: Изд-во «Санкт-Петербургский государственный университет». 2015. С. 321–332.

104. Полянский А. Н. Функционально-семантическая категория как инструмент позиционирования в рекламных текстах // Вестник Московского государственного университета печати им. Ивана Федорова. № 4/2015. С. 86–89.

105. Приходько А. И. Категория оценочности, эмоциональности и экспрессивности в языке // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. Общественные науки. 2011. № 1. С. 176–178.

106. Пупынин Ю. А. Функциональные аспекты грамматики русского языка, взаимосвязи грамматических категорий. Л.: ЛГПИ. 1990. 79 с.

107. Рахманова Н. И. Явление десемантизации и его отражение в лексике и грамматическом строе немецкого языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. № 566. 2009. С. 199–210. URL.: <http://elibrary.ru/download/60127541/pdf> (дата обращения: 08.05.2017)

108. Ревенко И. В. Комплекс признаков семантической категории «Интенсивность» // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2013. № 2 (24). С. 200–205.

109. Ройзензон Л. И. Русская фразеология. Самарканд: Самаркандский университет. 1977. 119 с.

110. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Отв. ред. Е. А. Земская. М.: Наука. 1983. 239 с.

111. Салимовский В. А. Взаимосвязь лексических и грамматических единиц в стилистико-речевой системности // Взаимодействие лексики и грамматики. Тезисы докладов международной конференции «Двенадцатые Шмелевские чтения», 2018 а. С. 73–74.

112. Салимовский В. А. Речевая системность // Медиалингвистика в терминах и понятиях. Словарь-справочник. М.: Флинта, 2018 б. С. 91–93.

113. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс. 1993. 656 с.

114. Серeda Е. В. Морфология современного русского языка. Место междометий в системе частей речи. Учеб. пособ. 2-е изд., стер. М.: Флинта. 2013. 160 с.

115. Серебrenникова Е. Ф. Аспекты аксиологического лингвистического анализа // Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов. Коллективная монография. М.: Тезаурус. 2011. 352 с.

116. Сильницкий А. Г. Семантическая структура экономических полиситуативных глаголов в английском языке. Автореф..... д. филол. н. Смоленск. 2013 а. 46 с.

117. Сильницкий А. Г. Типовые семантические системы «полиситуативные экономические глаголы с некоммерческим адъектом» в английском языке // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Пермь. № 2 (22). 2013 б. С. 49–57.

118. Сильницкий А. Г. Типология юридических ситуаций (на материале юридических глаголов английского языка) // Известия Смоленского государственного университета. 2017. № 3 (39). С. 88–95.

119. Соколова М. Е. Немецкие модальные частицы как средство оптимизации речевой коммуникации // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. № 2. 2011. С. 83–87.

120. Талми Л. Отношение грамматики к познанию // Вестник Московского государственного университета. Серия 9. Филология. 1999. № 1. С. 91–115.

121. Терешина Ю. В. Онтология категории каузативности // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. № 4. 2007. С. 195–199.

122. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука. 1987. 348 с.

123. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука. Ленинградское отделение. 1990. 264 с.

124. Турды-Аханова И. А. Сопоставительный анализ междометий в таджикском и английском языках. Дисс. ...к. филол. н. Душанбе. 2015. 132 с.

125. Фрумкина Р. М. Психолингвистика: что мы делаем, когда говорим и думаем. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики. 2004. 24 с.

126. Холодионова С. И. Междометие как языковая единица: особенности классификации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. Грамота. 2016. № 3 (57): в 2-х ч. Ч. 2. С. 160–162.

127. Храковский В. С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций / Отв. ред. В. С. Храковский. Л.: Наука, Ленинградское отделение. 1989. С. 20–21.

128. Храковский В. С. О специфике значений, которые могут параллельно выражаться как лексическими, так и грамматическими средствами // Acta Linguistica Petropolitana /

Труды Института лингвистических исследований РАН. 2013. Т. 9. № 3. С. 11–22.

129. Храковский В. С. Иерархия и взаимодействие грамматических категорий глагола // Грамматические категории в языках мира: иерархия и взаимодействие Материалы докладов. Институт лингвистических исследований РАН. 2016. С. 139–147.

130. Храковский В. С. И опять о «болевых точках» категории вида // Вопросы языкознания. 2018 а. № 1. С. 105–118.

131. Храковский В. С. О некоторых дискуссионных проблемах современной аспектологии // Фортунатовские чтения в Карелии. Сборник докладов международной научной конференции. В 2-х частях. Петрозаводск: Изд-во «Петрозаводский государственный университет». 2018 б. С. 59–63.

132. Шадриков В. Д. Введение в психологию: эмоции и чувства. М.: Логос. 2002. 156 с.

133. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. 3-е изд. М.: Эдиторал УРСС. 2001. 624 с.

134. Шаховский В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания. Учеб. пособие по спецкурсу. Волгоград: Волгоградский государственный педагогический институт. 1983. 94 с.

135. Шаховский В. И. Эмоции – мотивационная основа человеческого сознания // Вопросы психолингвистики. № 4. 2006. С. 64–69.

136. Шаховский В. В. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис. 2008. 416 с.

137. Шаховский В. И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии. Учебное пособие по дисциплинам по выбору «Язык и эмоции» и «Лингвокультурология эмоций». Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена». 2009 а. 170 с.

138. Шаховский В. И. Эмоции как объект исследования в лингвистике // Вопросы психолингвистики. № 9. М.: Институт языкознания РАН. 2009 б. С. 29–42.

139. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Изд-е 4. М.: Книжный дом «Либроком». 2012. 208 с.

140. Шаховский В. И. Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. № 1. 2018. С. 54–79.

141. Шишимер Л. Ф. О лингвистическом статусе междометных фразеологических единиц // Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Пятигорск: Изд-во «Пятигорский государственный лингвистический университет». 2016. С. 125–129.

142. Шляхова С. С., Шестакова О. В. Немецкая ономотопея: история изучения, проблемы, немецко-русский словарь. Пермь. Издательство «Пермский национальный исследовательский политехнический университет». 2011. 289 с.

143. Шубик С. А. Категория залога и поле залоговости в немецком языке. Л.: Наука. 1989. 121 с.

144. Шустова С. В. Функциональные свойства каузативных глаголов: динамический подход. Монография. Изд. 2-е, испр. дополн. Пермь: Пермский государственный университет, Прикамский социальный институт. 2010. 248 с.

145. Шустова С. В. Темпорально-аспектуально-таксисные отношения в немецком языке // Филологические заметки. 2011. Т. 2. С. 355–356.

146. Шустова С. В. Система и системность (на примере лексического каузатива) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Вып XIV / Отв. ред. Т. Ю. Тамерьян.

Владикавказ: Изд-во «Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова». 2012. С.55–62.

147. Шустова С. В. Современные проблемы функциональной грамматики // Лингвистические чтения – 2013. Цикл 9. Материалы международной научно-практической конференции. 28 февраля 2013. Пермь: Прикамский социальный институт. 2013. С. 93–96.

148. Шустова С. В. Системность как средство интегративности в языке // Исследовательский журнал русского языка и литературы. Тегеран: Иранская ассоциация русского языка и литературы. 1(4) 2014 а. С. 25–37.

149. Шустова С. В. Подсистемы системы (на примере функционально-семантических категорий) // Евразийский вестник гуманитарных исследований. Пермь: Пермский институт экономики и финансов. 2014 б. С. 131–137.

150. Шустова С. В., Ошева Е. А. Категория каузативности и функциональный потенциал глагола. Пермь: Изд-во «Пермский институт экономики и финансов». 2014. 160 с.

151. Шустова С. В. Грамматикализация: от лексического к грамматическому знаку (на материале немецкого языка) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 4 (20). 2015 а. С. 17–26.

152. Шустова С. В. О грамматикализации глаголов (на материале немецкого языка) // Филологические заметки. Т. 2. № 13. Пермь: Изд-во «Пермский государственный национальный исследовательский университет». 2015 б. С. 115–126.

153. Шустова С. В., Ошева Е. А. Актуализация эмоциональной модификации // Историческая и социально-образовательная мысль. Научный журнал. Краснодар. Т. 7. № 1, 2015. С. 127–131.

154. Шустова С. В. Функционально-грамматические каузативы немецкого языка // Грамматические категории в контрастивном

аспекте. Сборник научных статей по материалам международной конференции: в 2-х частях. Московский городской педагогический университет. 2016 а. С. 107–110.

155. Шустова С. В. К вопросу о функциональных структурах в немецком языке // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 3. 2016 б. С. 87–89.

156. Шустова С. В. Функциональные структуры в аспекте грамматикализации (на материале немецкого языка) // Актуальные вопросы современной науки. 2016 в. № 1 (6). С. 104–108.

157. Шустова С. В., Платонова Е. А. Эмотивные каузативы немецкого языка // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 1. С. 130–132.

158. Шустова С. В. Категоризация в сфере функциональной грамматики (на материале каузативной ситуации эмоциональной модификации) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 2 (30). 2018 а. С. 7–13.

159. Шустова С. В. Прототипические эффекты в сфере функционально-семантической категории каузативности // ART LOGOS. СПб.: Изд-во «Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина». № 2 (4). 2018 б. С. 97–104.

160. Эбзеева Ю. Н., Ленько Г. Н. Лексические средства выражения эмотивности (на материале текстов художественных произведений современных английских, французских и немецких авторов) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. № 1. 2016. С. 142–151.

161. Яковлева Е. В. Десемантизация как базовый принцип вербализации эмотивного начала междометных и релятивных

конструкций // Гуманитарные и юридические исследования. №1. 2016. С. 218–221.

162. Яковлева Е. В. Функциональная специфика междометий и релятивных конструкций как элементов эмотивного смысла в текстах психологической прозы. Дисс. ... к. филол. н. Ставрополь. 2017. 203 с.

163. Del Saz M. M. English Discourse Markers of Reformulation. Bern: Peter Lang AG. 2007. 237 p.

164. Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. The Evolution of Grammar (Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World). Chicago and London, The University of Chicago Press, 2004. 420 p.

165. Detges U., Waltereit R. Grammaticalization and pragmaticalization. // Research Gate URL: www.researchgate.net (дата обращения: 30.08.2017).

166. Dik S. C. The Theory of Functional Grammar. Parts 1, 2. Berlin: Mouton de Gruyter, 1989. 167 p.

167. Duden. Die Grammatik. Bd. 4. 5., völlig neu bearbeitete Auflage. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag. 1995. 865 S.; 8., überarbeitete Auflage. Band 4. Dudenverlag. Mannheim. 2009. 1349 S.

168. Foley W. A., Van Valin R. D. Functional Syntax and Universal Grammar. Cambridge: Cambridge University Press. 1984. 416 p.

169. Fraser B. An Approach to Discourse Markers // Journal of Pragmatics. 1990. №14. P. 383–395.

170. Fraser B. Pragmatic Markers // Pragmatics. 1996. № 6 (2). P. 167–190.

171. Fraser B. What are Discourse Markers? // Journal of Pragmatics. 1999. № 31. P. 931–952.

172. Graf E. Interjektionen im Russischen als interaktive Einheiten. Frankfurt am Main: Peter-Lang-Verlag. 2011. 328 S.

173. Günthner S., Mutz K. Grammaticalization vs. Pragmaticalization? The Development of Pragmatic Markers in German and Italian / W. Bisang, N. P. Himmelmann, B. Wiemer (eds.). *What Makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and its components*. Berlin: Language Arts & Disciplines. 2004. P. 77–107.

174. Halliday M. A. K. *Introduction to Functional Grammar*. London: Edward Arnold. 1994. 700 p.

175. Heine B. On discourse markers: grammaticalization, pragmaticalization or something else? // *Linguistics*. 2013, vol. 51, issue 6. P. 1205–1247.

176. Heine B., Narrog H., Long H. Constructional change vs. grammaticalization: From compounding to derivation. // *Studies in Language*, 2016, vol. 40, issue 1. P. 137–175.

177. Helbig G. *Lexikon Deutscher Partikeln*. Leipzig, Enzyklopädie, 1990. 258 S.

178. Helbig G. Buscha J. *Deutsche Grammatik: Ein Handbuch für den Ausländerunterricht*. Berlin: Langenscheidt. 2000. 654 S.

179. Hopper P. J., Traugott E. *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press. 2003. 276 p.

180. Lahousse K., Lamiroy B. This is the way: grammaticalization or lexicalization or both at the same time? // *Journal of french language studies*. 2017, vol. 27, issue 2. P. 161–185.

181. Lehmann Ch. *Thoughts on Grammaticalization*. Second, revised edition. *Arbeitspapiere des Seminars für Sprachwissenschaft der Universität Erfurt*. Erfurt. 2002. 183 p.

182. Schwarz M. Chur J. *Semantik. Ein Arbeitsbuch*. 5., aktualisierte Auflage. Tübingen: Gunter Narr Verlag. 2007. 227 S.

183. Shustova S. V., Osheva E. A., Klochko K. A. Desemantization of functional grammatical causatives in the aspect of grammaticalization. // *Xlinguae*, 2017, vol. 10, issue 1. P. 34–41.

184. Szczepaniak R. Grammatikalisierung im Deutschen. Eine Einführung. 2., überarb. u. erw. Auflage. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag GmbH. 2011. 219 S.

185. Schiffrin D. Discourse Markers. Cambridge: Cambridge University Press. 1987. 364 p.

186. Thurmair M. Modalpartikeln und ihre Kombinationen. Tübingen: Niemeyer. 1989. 306 S.

СЛОВАРИ И ЭНЦИКЛОПЕДИИ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.

2. Балк Е. А., Леменёв М. М. 1500 самых нужных фразеологизмов немецкого языка: Справочник. М.: Изд-во «НЦ ЭНАС». 2006. 272 с.

3. Большой немецко-русский словарь: В 2-х т. / Сост. Е. И. Лепинг, Н. П. Страхова, Н. И. Филичева и др.; Под рук. О. И. Москальской. 2-е изд., стереотип. М.: «Русский язык», 1980. Т. 1. А–К. 760 с., Т. 2. L–Z. 656 с.

4. Большой толковый словарь русских глаголов. URL: https://verbs_ru.academic.ru/ (дата обращения: 24.02.2019).

5. Демидова А. К., Буттке Х., Буттке К. Русско-немецкие эквиваленты глагольно-именных сочетаний. М.: Высшая школа, 1986. 374 с.

6. Дерibas В. М. Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка. Изд. 2-е. М.: «Русский язык», 1979. 256 с.

7. Краткий психологический словарь. URL: [Psychology.academic.ru](https://psychology.academic.ru/) (дата обращения: 10.11.2016).

8. ЛЭС. URL: https://les.academic.ru (дата обращения: 10.02.2017).

9. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. URL: https://synonyms_pic.academic.ru (дата обращения 02.03.2019).

10. Психомоторика: словарь-справочник. URL: <https://psychomotor.academic.ru/> (дата обращения: 19.02.2019).

11. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: Ок. 11000 синоним. рядов. 6-е изд., переработ. и доп. М.: Русский язык, 1989. 495 с.

12. Словарь-справочник лингвистических терминов. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Изд-е 2-е. М. Просвещение. 1976. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/> (дата обращения: 22.07.2018).

13. Словарь сочетаемости слов русского языка. Ок. 2500 словар. ст. / Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина; П. Н. Денисов, Н. К. Зеленова, Е. М. Кочнева и др. / Под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. 3-е изд. исправл. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. 816 с.

14. Словарь-тезаурус синонимов русской речи. URL: https://syn_thesaurus.academic.ru/ (дата обращения: 19.02.2017).

15. Современный толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/> (дата обращения: 16.05.2018).

16. Словарь синонимов. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/ (дата обращения: 19.02.2017).

17. Словарь синонимов на русском и английском языке. URL: <http://isynonym.ru/> (дата обращения: 19.02.2017).

18. Словарь синонимов русского языка. URL: https://sinonimus.ru/sinonim_k_slovy (дата обращения: 19.02.2019).

19. Справочно-информационный портал русского языка. URL: <http://gramota.ru/> (дата обращения: 19.02.2019).

20. Словари онлайн. URL: <https://classes.ru/> (дата обращения: 19.02.2019).

21. Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. Под ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС. 1999. 704 с.

22. Толковый словарь Д. Н. Ушакова. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (дата обращения: 27.01.2019).

23. Фразеологический словарь русского литературного языка. URL: <https://phraseology.academic.ru/> (дата обращения: февраль 2018 – февраль 2019).

24. Энциклопедический словарь. Электронный словарь. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/> (дата обращения: март 2017 – март 2019).

25. Bußmann H. Lexikon der Sprachwissenschaft. 3., aktualisierte und erweiterte Auflage. Stuttgart: Kröner. 2002. 783 S.

26. Duden. Deutsches Universal Wörterbuch A-Z. 3., neu bearbeitete Auflage. Dudenverlag. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich. 1996. 1816 S.

27. Duden. Das Bedeutungswörterbuch. 4., neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Band 10. Dudenverlag. Mannheim. Wien. Leipzig. 2010. 1152 S.

28. Duden-online. URL: www.duden.de (дата обращения: 28.03.2017).

29. Scheman H. Deutsche Idiomatik: Wörterbuch der deutschen Redewendungen im Kontext. 2. Auflage, mit vollständig überarbeiteter Einführung. Berlin. Boston: De Gruyter, 2011. 1181 S.

30. Synonym-Wörterbuch. URL: www.synonyme.woxikon.de (дата обращения: 28.03.2017).

31. Universalwörterbuch. URL: http://www.universal_lexikon.deacademic.com (дата обращения: 28.03.2017).

32. Wahrig. Deutsches Wörterbuch. Neu herausgegeben von Dr. Renate Wahrig-Burfeind. München: Bertelsmann Lexikon Verlag. Gütersloh, 2000. 1451 S.

33. Wörterbuch der Synonyme. URL: <http://www.synonyme.deacademic.com> (дата обращения: 28.03.2017).

КОРПУСА

1. Корпус немецкого языка (электронный словарь немецкого языка) – www.dwds.de

2. Корпуса языков Leipzig Corpora Collection – wortschatz.uni-leipzig.de

3. Национальный корпус русского языка – <http://www.ruscorpora.ru>

4. Google Books Ngram Viewer – Исследовательский ресурс <https://books.google.com/ngrams>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зюскинд П. Парфюмер: История одного убийцы. СПб.: Азбука-классика. 2003. 320 с.
2. Семенова М. Волкодав: Самоцветные горы. М.: АСТ; СПб.: Азбука-классика. 2005. 408 с.
3. Caro M. Beim nächsten Mann links abbiegen. München: Deutscher Taschenbuch Verlag. 2015. 252 S.
4. Johnson D. Weihnachten mit dir. Wilhelm Heyne Verlag. München. 2017. 271 S.
5. Noack В. Bastian. Ноак Б. Бастиан. Роман. М.: Ин. язык. КДУ. 2005. 352 с.
6. Raabe M. Die Falle. btb Verlag in der Verlagsgruppe Random House GmbH, München. 2016. 352 S.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ И СОКРАЩЕНИЙ

- dwds – Корпус немецкого языка (электронный словарь).
DG – Duden. Die Grammatik. 1995.
DO – Duden-online. Электронный словарь.
DBW – Duden. Das Bedeutungswörterbuch. 2010.
Corpora – Корпуса языков Leipzig Corpora.
Ngram – Google Books Ngram Viewer.
Wahrig – Wahrig. Deutsches Wörterbuch. 2000
WDRK – Scheman H. Deutsche Idiomatik.
НК – Национальный корпус русского языка.
НРС – Шляхова С. С., Шестакова О. В. Немецкая ономотопея: история изучения, проблемы, немецко-русский словарь.
НОСС – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка.
ССЛТ – Словарь-справочник лингвистических терминов.
Д. Э. Розенталь
ТФГ – Теория функциональной грамматики.
ТСРГ – Толковый словарь русских глаголов. Под ред. Л. Г. Бабенко.
ТСУ – Толковый словарь Д. Н. Ушакова.
ПСС – Психомоторика: словарь-справочник.
СССРЯ – Словарь сочетаемости слов русского языка.
СТС – Современный толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой.
УГИС – Дерибас В. М. Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка.
ФСРЛЯ – Фразеологический словарь русского литературного языка.
БТСРГ – Большой толковый словарь русских глаголов.
ЭС – Энциклопедический словарь.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Категориальные семантические комплексы	
в функциональной грамматике	5
1.1. Понятие функционально-семантической категории	5
1.1.1. Семантические категории	
и функционально-семантическое поле	5
1.1.2. Функциональный подход к исследованию	
языковых фактов	12
1.2. Роль среды в аспекте актуализации	
функционально-семантической категории	18
1.3. Типология категориальных семантических комплексов	
в сфере каузативности	23
1.3.1. Категория каузативности: прототипический	
подход	23
1.3.2. Категория эмотивности: прототипический подход ...	31
1.3.3. Категориальный семантический комплекс	35
1.3.3.1. Эмотивно-экспрессивно-каузативный	
категориальный семантический субкомплекс	36
1.3.3.2. Эмотивно-оценочно-каузативный категориальный	
семантический субкомплекс	39
1.3.3.3. Эмотивно-интенсивно-каузативный	
категориальный семантический субкомплекс	42
1.4. Потенциал функциональных структур, модальных слов,	
частиц, дискурсивных маркеров и междометий	
в ситуации каузации эмоциональной модификации	45
1.4.1. Функциональные структуры: эмотивная	
каузативность и грамматикализация	45
1.4.2. Модальные слова, модальные частицы	
и дискурсивные маркеры	48

1.4.3. Междометия в каузативной ситуации.....	62
1.4.4. Функции междометных фразеологических единиц.....	68
Глава II. Функциональный потенциал эмотивных каузативов.....	76
2.1. Прототипические средства актуализации эмоциональной модификации в немецком и русском языках.....	76
2.1.1. Эмотивные каузативы положительной модификации.....	78
2.1.2. Эмотивные каузативы отрицательной модификации.....	84
2.1.3. Эмотивные каузативы нейтральной модификации.....	88
Глава III. Функции интенсификаторов эмотивности в каузативной ситуации.....	95
3.1. Лексические и грамматические интенсификаторы.....	95
3.2. Функции модальных слов и дискурсивных маркеров.....	113
3.3. Функции модальных частиц.....	123
3.4. Междометия семантической группы «эмоции и эмоциональная оценка».....	124
3.5. Типология междометных фразеологических единиц.....	132
Заключение.....	140
Библиография.....	146
Словари и энциклопедии.....	168
Корпуса.....	171
Список источников художественной литературы.....	172
Список принятых обозначений и сокращений.....	173

Научное издание

Сюткина Надежда Павловна

**Функционирование эмотивных
каузативов в категориальном
семантическом комплексе**

Монография

Издаётся в авторской редакции
Компьютерная вёрстка: *Голубцова Л. Н.*

Подписано в печать 20.03.2020. Формат 60x84/16
Усл. печ. л. 10,23. Тираж 500. экз. Заказ №_325_

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990 г. Пермь, ул. Букирева, 15

Отпечатано в ООО «Типограф»
618540, Пермский край, г. Соликамск,
Соликамское шоссе, 17